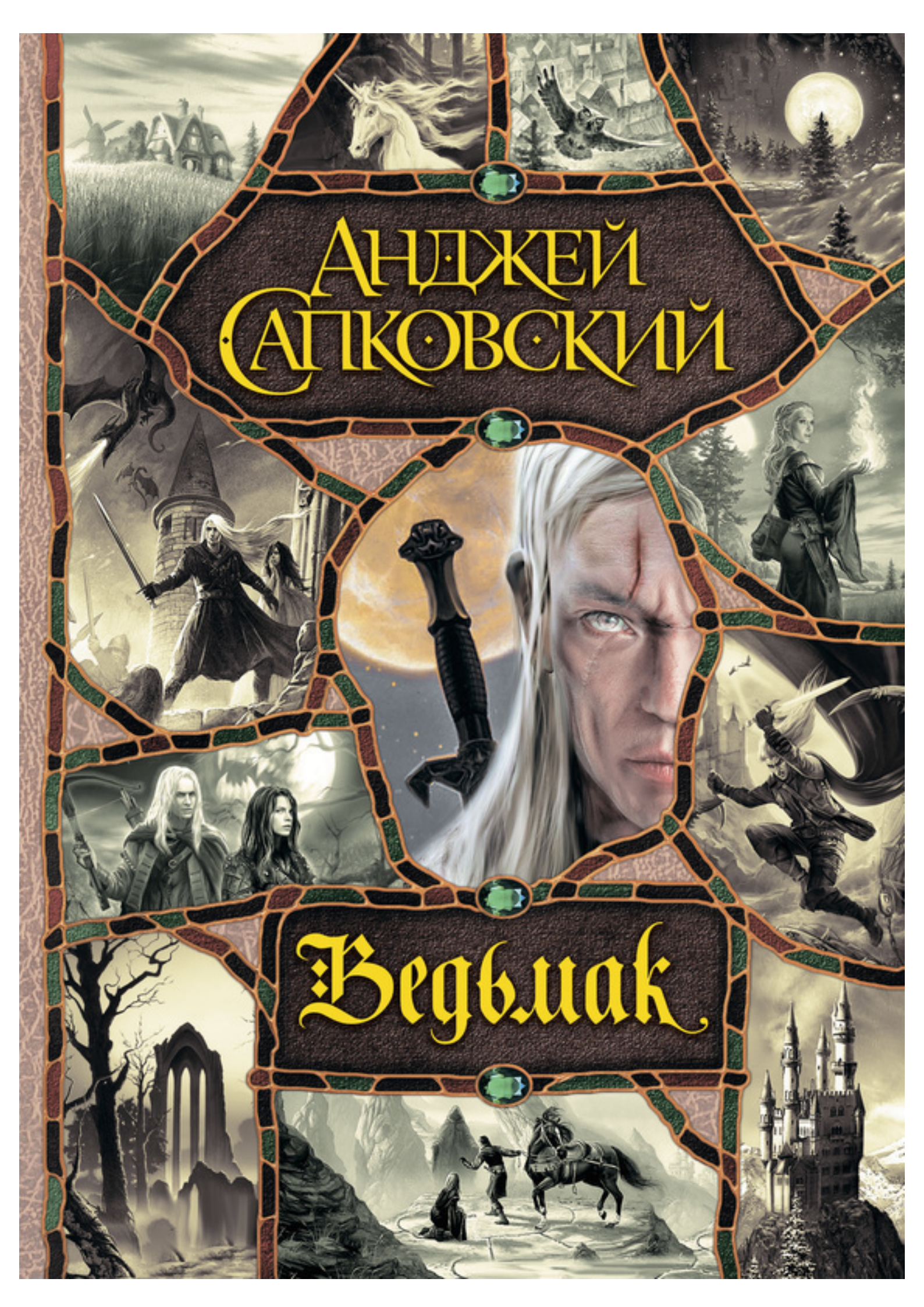

АНДЖЕЙ
САПКОВСКИЙ

Бегбуак

Анджей Сапковский
Ведьмак (сборник)

«Издательство АСТ»

1993-1997, 1999

Сапковский А.

Ведьмак (сборник) / А. Сапковский — «Издательство АСТ»,
1993-1997, 1999

ISBN 978-5-271-40351-4

Одна из лучших фэнтези-саг за всю историю существования жанра. Оригинальное, масштабное эпическое произведение, одновременно и свободное от влияния извне, и связанное с классической мифологической, легендарной и сказовой традицией. Шедевр не только писательского мастерства Анджея Сапковского, но и переводческого искусства Евгения Павловича Вайсброта. «Сага о Геральте» – в одном томе. Бесценный подарок и для поклонника прекрасной фантастики, и для ценителя просто хорошей литературы. Перед читателем буквально оживает необычный, прекрасный и жестокий мир литературной легенда, в котором обитают эльфы и гномы, оборотни, вампиры и «низушки»-хоббиты, драконы и монстры, – но прежде всего люди. Очень близкие нам, понятные и человеческие люди – такие как мастер меча ведьмак Геральт, его друг, беспутный менестрель Лютик, его возлюбленная, прекрасная чародейка Йеннифэр, и приемная дочь – безрассудно отважная юная Цири...

ISBN 978-5-271-40351-4

© Сапковский А., 1993-1997, 1999

© Издательство АСТ, 1993-1997, 1999

Содержание

Последнее желание	6
Глас рассудка I	6
Ведьмак	7
Глас рассудка II	24
Крупица истины	28
Глас рассудка III	45
Меньшее зло	48
Глас рассудка IV	70
Вопрос цены	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Анджей Сапковский

Ведьмак (сборник)

Andrzej Sapkowski
OSTATNIE ŻYCZENIE
MIECZ PRZEZNACZENIA
KREW ELFÓW
CZAS POGARDY
CHRZEST OGINIA
WIEŻA JASKÓŁKI
PANI JEZIORA

© Andrzej Sapkowski, 1993–1997, 1999

© Перевод. Е. Вайсброт, наследники, 1990, 1992, 1994–1998

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Последнее желание

Глас рассудка I

Она пришла под утро.

Вошла осторожно, тихо, бесшумно ступая, плывя по комнате, словно призрак, привидение, а единственным звуком, выдававшим ее движение, был шорох накидки, прикасавшейся к голому телу. Однако именно этот исчезающе тихий, едва уловимый шелест разбудил ведьмака, а может, только вырвал из полусна, в котором он мерно колыбался, словно погруженный в бездонную тень, висящий между дном и поверхностью спокойного моря, среди легонько извивающихся нитей водорослей.

Он не пошевелился, даже не дрогнул. Девушка подпорхнула ближе, сбросила накидку, медленно, нерешительно оперлась коленом о край ложа. Он наблюдал за ней из-под опущенных ресниц, не выдавая себя. Девушка осторожно поднялась на постель, легла на него, обхватила бедрами. Опираясь на напряженные руки, скользнула по его лицу волосами. Волосы пахли ромашкой. Решительно и как бы нетерпеливо наклонилась, коснулась сосочком его века, щеки, губ. Он улыбнулся, медленно, осторожно, нежно взял ее руки в свои. Она выпрямилась, ускользая от его пальцев, лучистая, подсвеченная и от этого света нечеткая в туманном отблеске зари. Он пошевелился, но она решительным нажимом обеих рук остановила его и легкими, но настойчивыми движениями бедер добилась ответа.

Он ответил. Она уже не избегала его рук, откинула голову, встряхнула волосами. Ее кожа была холодной и поразительно гладкой. Глаза, которые он увидел, когда она приблизила свое лицо к его лицу, были огромными и темными, как глаза русалки.

Покачиваясь, он утонул в ромашковом море, а оно взбурлило и зашумело, потеряв покой.

Ведьмак

1

Потом говорили, что человек этот пришел с севера, со стороны Канатчиковых ворот. Он шел, а навьюченную лошадь вел под уздцы. Надвигался вечер, и лавки канатчиков и шорников уже закрылись, а улочка опустела. Было тепло, но на человеке был черный плащ, накинутый на плечи. Он обращал на себя внимание.

Путник остановился перед трактиром «Старая Преисподняя», постоял немного, прислушиваясь к гулу голосов. Трактир, как всегда в это время, был полон народу.

Незнакомец не вошел в «Старую Преисподнюю», а повел лошадь дальше, вниз по улочке к другому трактиру, поменьше, который назывался «У Лиса». Здесь было пусто – трактир пользовался не лучшей репутацией.

Трактирщик поднял голову от бочки с солеными огурцами и смерил гостя взглядом. Чужак, все еще в плаще, стоял перед стойкой твердо, неподвижно и молчал.

– Что подать?

– Пива, – сказал незнакомец. Голос был неприятный.

Трактирщик вытер руки полотняным фартуком и наполнил щербатую глиняную кружку.

Незнакомец не был стар, но волосы у него были почти совершенно белыми. Под плащом он носил потертую кожаную куртку со шнуровкой у горла и на рукавах. Когда сбросил плащ, стало видно, что на ремне за спиной у него висит меч. Ничего странного в этом не было, в Выземе почти все ходили с оружием, правда, никто не носил меч на спине, словно лук или колчан.

Незнакомец не присел к столу, где расположились немногочисленные посетители, а остался у стойки, внимательно изучая взглядом трактирщика.

– Ищу комнату на ночь, – проговорил он, отхлебнув из кружки.

– Нету, – буркнул трактирщик, глядя на обувь гостя, запыленную и грязную. – Спросите в «Старой Преисподней».

– Я бы хотел здесь.

– Нету. – Трактирщик наконец распознал выговор незнакомца. Ривиец.

– Я заплачу, – тихо и как бы неуверенно сказал чужак.

Тогда-то и началась эта паскудная история. Рябой верзила, с момента появления чужака не спускавший с него угрюмого взгляда, встал и подошел к стойке. Двое его дружков встали шагах в двух позади.

– Ну, нету же местов, шпана ривская, – гаркнул рябой, подходя к незнакомцу вплотную. – Нам тут, в Выземе, такие ни к чему. Это порядочный город.

Незнакомец взял свою кружку и отодвинулся. Взглянул на трактирщика, но тот отвел глаза. Он и не думал защищать ривийца. Да и кто любит ривийцев?

– Что ни ривиец, то ворюга, – продолжал рябой, от которого несло пивом, чесноком и злобой. – Слышь, что говорю, недоносок?

– Не слышит он, уши-то дерьмом забил, – проямлил один из тех, что стояли позади. Второй захохотал.

– Плати и выматывайся, – рявкнул рябой. Только теперь незнакомец взглянул на него.

– Пиво допью.

– Мы те подмогнем, – прошипел дылда. Он выбил у ривийца кружку и, одновременно схватив одной рукой плечо, впился пальцами другой в ремень, пересекающий наискось грудь чужака. Один из стоявших позади размахнулся, собираясь ударить. Чужак развернулся на

месте, выбив рябого из равновесия. Меч свистнул в ножнах и коротко блеснул в свете каганцев. Пошла кутерьма. Поднялся крик. Кто-то из гостей кинулся к выходу. С грохотом упал стол, глухо шмякнулась об пол глиняная посуда. Трактирщик – губы у него тряслись – глядел на чудовищно рассеченное лицо рябого, а тот, вцепившись пальцами в край стойки, медленно оседал, исчезал из глаз, будто тонул. Двое других лежали на полу. Один не двигался, второй извивался и дергался в быстро расплывающейся темной луже. В воздухе дрожал, ввинчиваясь в мозг, тонкий, истошный крик женщины. Трактирщик затрясся, хватил воздуха, и его начало рвать.

Незнакомец отступил к стене. Сжавшийся, собранный, чуткий. Меч он держал обеими руками, водя острием по воздуху. Никто не шевелился. Страх, как холодная грязь, облепил лица, связал члены, заткнул глотки.

В трактир с шумом и лязгом ворвались трое стражников. Видимо, находились неподалеку. Обернутые ремнями палицы были наготове, но, увидев трупы, стражи тут же выхватили мечи. Ривиец прильнул спиной к стене, левой рукой вытащил из-за голенища кинжал.

– Брось! – рявкнул один из стражников дрожащим голосом. – Брось, бандюга! С нами пойдешь!

Второй толкнул стол, мешавший ему зайти ривийцу сбоку.

– Жми за людьми, Чубчик! – крикнул он тому, что стоял ближе к двери.

– Не надо, – проговорил незнакомец, опуская меч. – Сам пойду.

– Пойдешь, пойдешь, сучье племя, только на веревке! – заорал тот, у которого дрожал голос. – Кидай меч, не то башку развалю!

Ривиец выпрямился. Быстро перехватил меч под левую руку, а правой, выставив ее в сторону стражников, начертил в воздухе сложный знак. Сверкнули набивки, которыми были густо покрыты длинные, по самые локти, манжеты кожаной куртки.

Стражники моментально отступили, заслоня лица предплечьями. Кто-то из гостей вскочил, другой помчался к двери. Женщина снова завопила. Дико, пронзительно.

– Сам пойду, – повторил незнакомец звучным металлическим голосом. – А вы трое – впереди. Ведите к ипату. Я дороги не знаю.

– Да, господин, – пробормотал стражник, опустив голову, и, робко озираясь, двинулся к выходу. Двое других, пятясь, вышли следом. Незнакомец, убрав меч в ножны, а кинжал за голенище, пошел за ними. Когда они проходили мимо столов, гости прикрывали лица полами курток.

2

Велерад, ипат Вызимы, почесал подбородок и задумался. Он не был ни суеверен, ни трусоват, но перспектива остаться один на один с белоголовым его не прельщала. Наконец он решился.

– Выйдите, – приказал стражникам. – А ты садись. Нет, не тут. Туда, подальше, если не возражаешь.

Незнакомец присел. При нем уже не было ни меча, ни черного плаща.

– Слушаю, – сказал Велерад, поигрывая тяжелой булавой, лежащей на столе. – Я Велерад, ипат, то бишь – градоправитель Вызимы. Что скажешь, милсдарь разбойник, прежде чем отправиться в яму? Трое убитых, попытка навести порчу – недурственно, вовсе недурственно. За такие штучки у нас в Вызиме сажают на кол. Но я – человек справедливый, сначала выслушаю. Говори.

Ривиец расстегнул куртку, извлек из-под нее свиток из белой козловой кожи.

– Это вы на дорогах по трактирам приколачиваете, – сказал он тихо. – То, что тут написано, правда?

– А, – буркнул Велерад, глядя на вытравленные на коже руны. – Вон оно дело-то какое. Как же я сразу-то не сообразил. Ну да, правда. Самая что ни на есть правдивая правда. Подписано: Фольтест, король, владыка Темерии, Понтара и Махакама. Ну а коли подписано, стало быть, правда. Но руны рунами, а закон законом. Людей убивать не позволю! Усек?

Ривиец кивнул – понял, мол. Велерад гневно засопел.

– Знак ведьмачий при тебе?

Незнакомец снова полез за полу куртки, вытащил круглый медальон на серебряной цепочке. На медальоне была изображена ощерившаяся волчья морда.

– Как звать-то? Мне воще-то все равно как, спрашиваю не из любопытства, а для облегчения беседы.

– Геральт.

– Геральт так Геральт. Судя по выговору – из Ривии?

– Из Ривии.

– Так. Знаешь что, Геральт? Об этом, – Велерад хлопнул ладонью по козловой шкуре, – забудь. Выкинь из головы. Это дело серьезное. Многие пробовали. Это, брат, не то что парую другую голодранцев прикончить.

– Знаю. Это моя профессия, милсдарь ипат. Написано: три тысячи оренгов награды.

– Три тысячи, – выпятил губы Велерад. – И принцесса в придачу, как людишки болтают, хоть этого милостивый Фольтест не написал.

– Принцесса мне ни к чему, – спокойно сказал Геральт. Он сидел неподвижно, положив руки на колени. – Написано: три тысячи.

– Ну, времена, – вздохнул градоправитель. – Ну и паршивые же пошли времена! Еще двадцать лет назад кто бы подумал, даже по пьянке, что такие профессии появятся? Ведьмаки! Странствующие убийцы василисков! Ходящие, словно точильщики, по домам истребители драконов и топляков. Геральт? В твоём цехе, ведьмаковском, пиво пить дозволено?

– Вполне!

Велерад хлопнул в ладоши и крикнул:

– Пива! А ты, Геральт, садись поближе. Чего уж там.

Пиво было холодное и пенистое.

– Ну, говорю, времена настали, – снова затянул Велерад, прихлебывая из кружки. – Дерьма всякого развелось. В Махакаме, в горах, нечисть кишмя кишит. По лесам раньше волки были, а нынче, понимаешь, упыри, боровики всякие, куда ни плюнь – оборотень или какая другая зараза. По селам русалки да нищенки детей умыкают, уже на сотни счет пошел. Хвори, о каких раньше никто и слухом не слыхивал. Прямо волосы дыбом встают. Ну и еще это вот, для комплекта! – Он толкнул свиток по столу. – Неудивительно, Геральт, что на вас такой спрос.

– Это, градоправитель, королевское обращение, – поднял голову Геральт. – Подробности знаете?

Велерад откинулся на спинку стула, сплел пальцы на животе.

– Подробности, говоришь? А как же, знаю. Не то чтоб из первых рук, но источники надежные.

– Это мне и надо.

– Уперся, стало быть. Ну, как знаешь. Слушай. – Велерад отхлебнул пива, понизил голос. – Наш милостивый Фольтест, когда еще в принцах ходил, при старом Меделе, показал, на что способен, а способен-то он был на многое. Мы надеялись, что со временем это пройдет, ан нет. Вскоре после коронации, тут же после смерти прежнего-то короля, Фольтест превзошел самого себя. У всех у нас челюсти отвалились. Короче: заделал дитятко своей сестрице Адде. Адда была моложе его, они всегда держались вместе, но никто ничего не подозревал, ну разве что королева... В общем, глядь, а Адда уже во-от с таким брюхом, а Фольтест начинает заводить разговоры о свадьбе. С сестрой, понял, Геральт? Положеньице сложилось хуже некуда, а

тут akurat Визимир из Новиграда задумал выдать за Фольтест свою Дальку, прислал сватов, а нам, понимаешь, хоть держи королька-то нашего за ноги-руки, потому как он вознамерился гнать сватов взащей. Ну, обошлось, и слава богам, иначе-то оскорбленный Визимир кишки б из нас повыпускал. Потом, не без помощи Адды, которая повлияла на брата, нам удалось отсоветовать сопляку без времени в женихи лезть. Ну а тут Адда возьми и роди, в положенное время, а как же. А теперь слушай, потому как тут-то и началось. Того, что выродилось, почти никто и не видел. Ну, там, одна повитуха выскочила в окно из башни и убилась насмерть, другая спятила и до сих пор не отошла. Потому-то я и думаю, что ребеночек, дитяtko королевское, не из красавцев выдался. Девчонка. Впрочем, она тут же померла, никто, сдается мне, особо не спешил пуповину перевязывать. Адда, на свое счастье, родов не пережила. А потом, братец ведьмак, Фольтест в очередной раз сглупил. Ублюдка-то надо было спалить иль, может, закопать где-нито на пустыре, а не хоронить в саркофаге да упрятывать в подземельях дворца.

– Что теперь рассуждать, – поднял голову Геральт. – Поздно. Во всяком случае, надо было вызвать кого-нибудь из Посвященных.

– Это ты о мошенниках со звездочками на колпаках? А как же! Их сюда с десятков слетелось, но уже после того, как стало ясно, что в том склепе лежит. И по ночам из него вылазит. А вылазить-то начало не сразу, э нет. Семь лет после похорон жили мы спокойно. А тут однажды ночью, akurat было полнолуние, во дворце визг, крик, переполох! Да что долго рассусоливать, сам знаешь, оповещение королевское читал. Дитяtko подросло, и неплохо, да и зубки вымахали ого-го! Одним словом, упыриха! Эх, жаль, ты трупов не видел. Как я. Иначе б постарался Вызиму стороной обойти.

Геральт молчал.

– И тогда, – продолжал Велерад, – Фольтест скликал к нам целую орду всяческих колдунов. Орали они друг на дружку, чуть не побились своими посохами, которые, видно, носят, чтоб собак отгонять, ежели кто науськает. А науськивают-то, я думаю, регулярно. Ты уж прости, Геральт, ежели у тебя другое мнение о волшебниках. Полагаю, в твоём цеху их тоже немало, но на мой вкус – так это дармоеды и дурни. К вам, ведьмакам, в народе больше уважения и доверия. Вы хоть, как бы это сказать, конкретны, что ли.

Геральт улыбнулся, но смолчал.

– Ну, ближе к делу. – Градоправитель, заглянув в кружку, долил пива себе и ривийцу. – Некоторые советы этих колдунов казались не такими уж идиотскими. Один, например, предложил спалить упыриху вместе с дворцом и саркофагом, другой посоветовал отрубить ей башку заступом, остальным больше нравились осиновые колья, которые следовало вбить ей в разные части тела, конечно, днем, когда дьяволица спит в гробу, притомившись после ночных утех. К несчастью, нашелся один шут в колпаке на лысом черепе, горбатый отшельник, который заявил, что все это чары и колдовство, что их можно расколдовать, и из упырицы снова получится Фольтестова дочечка, красивенькая как картинка. Надо только отсидеть в подвале всю ночь – и привет, дело в шляпе. После чего – представляешь себе, Геральт, что это был за придурок, – он отправился на ночь во дворец. Как легко догадаться, осталось от него маловато, почитай, только колпак да посох. Но Фольтест вцепился в его идейку как репей в собачий хвост. Запретил убивать упырицу и изо всех возможных дыр королевства притащил в Вызиму шарлатанов, чтобы те переколдовали ведьму в принцессу. Это была, доложу я тебе, та еще компания. Какие-то скрюченные бабы, хромоножки, грязные, братец, завшивевшие – страх, да и только. Слезы. Ну и давай они шаманить, в основном над тарелкой и кружкой. Правда, некоторых Фольтест не без помощи Совета расколол быстренько, нескольких даже остратки ради повесил на частоколе, но маловато, маловато. Я б, к примеру, всех их на шибеницу отправил. Ну, о том, что за это время упырица ухитрилась загрызть кой-кого, наплевав на мошенников и их заклинания, думаю, говорить не приходится. Да и о том, что Фольтест во дворце больше не жил. И вообще никто уже там не жил.

Велерад замолчал, отхлебнул пива. Ведьмак тоже помалкивал.

– Так оно и идет, Геральт, шесть лет уже, потому как ОНО уродилось лет четырнадцать назад. Были у нас за это время и заботы иного характера, подрались мы с Визимиром из Новиграда, но по вполне достойным, понятным причинам, поскольку речь шла о передвижке пограничных столбов, а не о каких-то там доченьках или родственниках узах. Фольтест, кстати, уже начинает снова поговаривать о женитьбе и разглядывать присылаемые соседскими дворами портреты, которые раньше прямым ходом отправлял в отхожее место. Но время от времени на него обратно находит, и он принимается рассылать гонцов на поиски новых колдунов. Ну и награду положил три тысячи, из-за чего сбежалось несколько сумасбродов, странствующих рыцарей, даже один свинопас, известный всей округе недоумок, да будет земля ему пухом. А упырице хоть бы хны. Время от времени загрызет кого. Привыкнуть можно. А от тех героев, что пытаются ее расколдовать, хоть та польза, что бестия нажрется, не отходя от саркофага, и не околачивается за пределами дворцовых служб. А Фольтест живет теперь в новом дворце, вполне приличном.

– За шесть лет, – Геральт поднял голову, – за шесть лет никто не покончил с этим делом?

– Правда твоя. – Велерад проницательно глянул на ведьмака. – Потому, похоже, и сделать-то ничего нельзя. Придется терпеть. Я говорю о Фольтесте, нашем возлюбленном и милостивом монархе, который все еще велит приколачивать свои призывы и обращения на перепутьях. Только вот охотников вроде бы поубавилось. Недавно, правда, объявился один, так он хотел эти три тысячи непременно получить вперед. Ну, посадили мы его в мешок, значит, и кинули в озеро.

– Да уж, жулья хватает.

– Это точно. Их даже, я бы сказал, с избытком, – поддакнул ипат, не спуская с ведьмака глаз. – Потому, когда пойдешь во дворец, не требуй золота авансом. Если, конечно, пойдешь.

– Пойду.

– Ну, твое дело. Только не забудь мой совет. Ну а коли уж мы заговорили о награде, то последнее время людишки стали поговаривать о второй части. Я тебе говорил: принцессу в жены. Не знаю, кто это придумал, но ежели упырица выглядит так, как рассказывают, то шуточка получается невеселая. И все ж таки не было недостатка в дурнях, которые во весь опор помчались во дворец, как только разошлась весть, что появилась okazия затесаться в королевскую родню. Конкретно, два сапожниковых подмастерья. Слушай, почему сапожники такие идиоты, Геральт?

– Не знаю. А ведьмаки, милсдарь градоправитель, пытались?

– Не без того, а как же. Однако чаще всего, узнав, что упырицу надобно не убить, а расколдовать, тут же пожимали плечами и уезжали. Потому-то мое уважение к вашему брату серьезно выросло. Ну а потом приехал один, тебя помоложе, имени не упомянул, если он вообще его называл. Этот пробовал.

– Ну и?

– Зубастая принцесса растянула его кишочки на расстояние полета стрелы.

Геральт покачал головой.

– Это все?

– Был еще один.

Велерад помолчал. Ведьмак не торопил.

– Да, – сказал наконец градоправитель. – Был. Сначала, когда Фольтест пригрозил ему шибеницей, ежели тот прибудет или покалечит упырицу, он только рассмеялся и стал собирать манатки. Ну а потом...

Велерад снова снизил голос почти до шепота:

– Потом принял заказ. Понимаешь, Геральт, у нас в Вызиме есть пара толковых людей, притом и на высоких должностях, которым вся эта фигня осточертела. Слух прошел, будто эти

люди втихую убедили ведьмака не тратить времени на всякие там фигли-мигли и чары, с ходу прибить упырицу, а королю сказать, что, мол, чары не подействовали, что-де доченька свалилась с лестницы – несчастный случай на производстве. Король, известно дело, разозлится, но все кончится тем, что он не заплатит ни орена из обещанной награды. Шельма ведьмак в ответ: дескать, задарма сами на чудовищ ходите. Ну что было делать, скинулись мы, поторговались... Только ничего из этого не получилось.

Геральт поднял брови.

– Ничего, говорю, – сказал Велерад. – Ведьмак не захотел идти туда сразу, в первую же ночь. Лазил, таился, по округе шастал. Наконец, говорят, увидел упырицу, вероятно, в деле, потому что бестия не вылезает из гроба только ради того, чтобы косточки поразмять. Ну, увидел он ее и в ту же ночь слинял, не попрощавшись.

Геральт слегка скривил губы, изобразив некое подобие улыбки.

– У толковых людей, – начал он, – вероятно, целы те деньги? Ведьмаки вперед не берут.

– Ну да, – проговорил Велерад. – Вероятно, целы.

– И сколько там? По слухам.

– Кто говорит, восемьсот... – ухмыльнулся Велерад.

Геральт покрутил головой.

– А кто, – буркнул градоправитель, – тысяча.

– Негусто, если учесть, что сплетни, как правило, завышают. Кстати, король-то дает три тысячи.

– Ага. И невесту в придачу, – съехидничал Велерад. – Да и о чем мы толкуем? Известное дело, не получишь ты тех трех тысяч.

– Это почему же?

Велерад хватил рукой о столешницу.

– Геральт, не порти моего мнения о ведьмаках! Этому уже шесть лет с гаком! Упырица ужокошивает до полусотни людей в год, теперь, может, чуток поменьше, потому как все держится в стороне от дворца. Нет, братец, я верю в колдовство, приходилось видеть то да се на своем веку, и верю, до определенной степени, разумеется, в способности магов и ведьмаков. Но что до переколдовывания – это уж чепуха, придуманная горбатым и сопливым старикашкой, который вконец поглупел от своего отшельнического харча, ерунда, в которую не верит никто. Кроме Фольгеста. Разве не так, Геральт? Адда родила упырицу, потому что спала с собственным братом, вот в чем суть, и никакие чары тут не помогут. Упырица пожирает людей, как... упырица, и надобно ее прикончить, нормально и попросту. Слушай, два года тому назад кметы из какой-то захудалой дыры под Махакамом, у которых дракон пожирал овец, пошли скопом, забили его дубинами и даже не посчитали нужным похвалиться. А мы тут, в Вызиме, ожидаем чуда каждое полнолуние и запираем двери на семь засовов или же привязываем к столбу перед дворцом преступников, рассчитывая на то, что бестия нажрется и снова нырнет в свой гроб.

– Недурственный способ, – усмехнулся ведьмак. – Преступность пошла на убыль?

– Держи карман шире!

– Как пройти во дворец, в тот, новый?

– Я провожу тебя. А как с предложением толковых людей?

– Ипат, – сказал Геральт, – куда спешить? Ведь несчастный случай на работе может произойти действительно, независимо от моего желания. Тогда толковым людям придется подумывать, как спасти меня от королевского гнева и подготовить те тысячу пятьсот оренов, о которых болтают... людишки.

– Речь шла о тысяче.

– Э нет, милсдарь Велерад, – решительно сказал ведьмак. – Тот, кому вы предлагали тысячу, сбежал, стоило ему взглянуть на упырицу, и даже не торговался. Стало быть, риск гораздо выше, чем на тысячу. Ну конечно, в отличие от него я предварительно попрощаюсь.

Велерад почесал затылок.

– Геральт? Тысячу двести?

– Нет. Работа не из легких. Король дает три, а должен сказать, что расколдовать порой бывает легче, чем убить. В конце концов, кто-нибудь из моих предшественников убил бы упырицу, если б это было так просто. Вы думаете, они дали себя загрызть только потому, что боялись короля?

– Ну, лады, братец. – Велерад грустно покачал головой. – По рукам. Только чтоб королю ни гугу о возможном несчастном случае на... производстве. От всей души советую.

3

Фольтест был шупл, отличался красивым – слишком уж красивым – лицом. Ему еще не стукнуло сорока, как решил ведьмак. Он сидел на резном черного дерева карле, протянув ноги к камину, у которого грелись две собаки. Рядом, на сундуке, сидел пожилой, могучего сложения бородатый мужчина. За спиной у короля стоял другой, богато одетый, с гордым выражением на лице. Вельможа.

– Ведьмак из Ривии, – нарушил король недолгую тишину, наступившую после вступительных слов Велерада.

– Да, государь, – наклонил голову Геральт.

– От чего у тебя так голова поседела? От волшебства? Ты вроде бы не стар? Ну ладно, ладно. Шучу. Опыт, надеюсь, у тебя какой-никакой есть?

– Да, государь.

– Рад бы послушать.

– Вы же знаете, государь, – склонился Геральт еще ниже, – что наш кодекс запрещает нам рассказывать о том, что мы делаем.

– Удобный кодекс, господин ведьмак, весьма удобный. Ну а если, к примеру, без подробностей, с лесовиками дело имел?

– Да.

– С вампирами, лешими?

– Да.

Фольтест замялся.

– С упырями?

– Да.

Геральт поднял голову, глянул королю в глаза.

Фольтест смутился. Вроде бы.

– Велерад!

– Слушаю, государь!

– Ты ввел его в курс?

– Да, государь. Он утверждает, что принцессу можно расколдовать.

– Это-то я давно знаю. А каким образом, уважаемый господин ведьмак? Ах да, запомню. Кодекс. Ну хорошо. Только одно небольшое замечание. Захаживали тут ко мне несколько ведьмаков. Велерад, ты ему говорил? Хорошо. Поэтому мне ведомо, что ваша специальность в основном предусматривает... умерщвление, а не снятие порчи. Запомни, об этом и думать не смей. Если у моей дочери хоть волос с головы упадет, ты свою на плаху положишь. Это все. Острит и вы, государь Сегелин, останьтесь, сообщите ему все, что он пожелает. Они всегда много спрашивают, ведьмаки. Накормите, и пусть живет во дворце. Нечего по трактирам да корчмам валандаться.

Король встал, свистнул псам и направился к дверям, раскидывая солону, покрывающую пол комнаты. У дверей обернулся.

– Если получится, ведьмак, награда твоя. Возможно, еще кое-что подброшу, если выкажешь себя хорошо. Конечно, в болтовне относительно женитьбы на принцессе нет ни на грош правды. Надеюсь, ты не думаешь, что я выдам дочь за первого попавшегося проходимца?

– Нет, государь, не думаю.

– Ну и славно. Это доказывает, что ты не глуп.

Фольтест вышел, прикрыв за собой двери. Велерад и вельможи, которые до этого стояли, тут же уселись за стол. Ипат допил наполовину полный кубок короля, заглянул в кувшин, чертыхнулся. Острит, занявший карлю короля, глядел на ведьмака исподлобья, поглаживая резные подлокотники. Сегелин, бородач, кивнул Геральту.

– Присаживайтесь, господин ведьмак, присаживайтесь. Сейчас ужин подадут. Так что бы вы хотели узнать? Градоправитель Велерад, я думаю, сказал вам все. Я знаю его, уверен, что он сказал скорее больше, чем меньше.

– Всего несколько вопросов.

– Задавайте.

– Господин градоправитель сказал, что после появления упырицы король призвал многих Посвященных.

– Так оно и есть. Только говорите не «упырица», а «принцесса». Так вам легче будет избежать оговорки при короле... и связанных с нею неприятностей.

– Среди Посвященных был кто-нибудь известный? Знаменитый?

– Такие бывали и тогда, и сейчас. Имен не помню... А вы, господин Острит?

– Не припомню, – сказал вельможа. – Но знаю, что некоторые пользовались славой и признанием. Об этом многие говорили.

– Было ли у них согласие в том, что заклятие можно снять?

– Им далеко было до согласия, – усмехнулся Сегелин. – По любому вопросу. Но такое предположение высказывали. Речь шла о простом, вообще не требующем магических способностей методе, и, как я понял, заключался он в том, чтобы провести ночь, от заката до третьих петухов, в подземелье, рядом с саркофагом.

– Чего уж проще, – фыркнул Велерад.

– Я хотел бы услышать, как выглядит... принцесса.

– Принцесса выглядит как упырь, – рявкнул Велерад, вскакивая со стула. – Как самый что ни на есть упыристый упырь, о каком мне только доводилось слышать! В ее высочестве королевской доченьке, проклятом ублюдочном ублюдке, четыре локтя роста, она похожа на бочонок из-под пива, а пасть у нее от уха до уха, полная зубов, острых как кинжалы, у нее кроваво-красные зенки и рыжие патлы. Лапищи с когтями как у рыси свисают до самой земли! Удивительно, как это мы еще не начали посылать ее миниатюры дружественным дворам! Принцессе, чтоб ее чума взяла, уже четырнадцать годков, самое время выдать замуж за какого-нибудь принца!

– Притормозите, градоправитель, – поморщился Острит, поглядывая на дверь. Сегелин слабо улыбнулся.

– Описание весьма красочное и достаточно точное, а именно это вас интересовало, уважаемый ведьмак, верно? Велерад только забыл добавить, что принцесса передвигается с невероятной быстротой и что она гораздо сильнее, чем можно судить по росту и строению. А то, что ей четырнадцать, – факт. Если это имеет значение.

– Имеет, – сказал ведьмак. – А на людей она нападает только в полнолуние?

– Да, – ответил Сегелин. – Если это случается за стенами старого дворца. Во дворце же люди погибали независимо от фазы Луны. Но из дворца она выходит только по полнолуниям, да и то не всегда.

– Был ли хоть один случай нападения днем?

– Нет. Днем – нет.

– Она всегда пожирает жертвы?

Велерад смачно сплюнул на солому.

– А чтоб тебя, Геральт, сейчас же вечерять будем. Тьфу на тебя! Пожирает, обглаживает, оставляет – по-разному, в зависимости, видать, от настроения. У одного только голову отгрызла, нескольких выпотрошила, а других обгрызла начисто, можно сказать, наголо. Мать ее...

– Осторожнее, Велерад, – прошипел Острит. – Об упырице – что хочешь, но Адду не оскорбляй, потому как при короле-то и сам не отважишься.

– А выжил кто-нибудь из тех, на кого она напала? – спросил ведьмак, казалось, не обратив внимания на вспышку вельможи.

Сегелин и Острит переглянулись.

– Да, – сказал бородач. – В самом начале, лет шесть назад, она набросилась на двух солдат, стоявших на страже у склепа. Одному удалось сбежать.

– И позже, – вставил Велерад, – мельник, на которого она напала за городом. Помните?

4

В комнатку над кордегардией, где поместили ведьмака, мельника привели на другой день поздним вечером. Привел его солдат в плаще с капюшоном.

Особых результатов беседа не дала. Мельник был напуган, бормотал и заикался. Гораздо больше ведьмаку сказали его шрамы: у упырицы были внушающие уважение челюсти и действительно очень острые зубы, в том числе непомерно длинные верхние клыки – четыре, по два с каждой стороны. Когти, пожалуй, острее рысиных, хоть и не такие крючковатые. Впрочем, только поэтому мельнику и удалось вырваться.

Покончив с осмотром, Геральт кивком отпустил мельника и солдата. Солдат вытолкал парня за дверь и скинул капюшон. Это был Фольтест собственной персоной.

– Не вставай, – сказал король. – Визит неофициальный. Ты доволен допросом? Я слышал, ты с утра побывал во дворце?

– Да, государь.

– Когда приступишь к делу?

– До полнолуния четыре дня. После него.

– Хочешь сначала взглянуть на нее?

– Нет нужды. Но насытившаяся... принцесса... будет не так подвижна.

– Упырица, мэтр, упырица. Брось дипломатничать. Принцессой-то она только еще будет. Впрочем, именно об этом я хотел с тобой поговорить. Отвечай неофициально, кратко и толково – будет или не будет? Только не прикрывайся своими кодексами.

Геральт потер лоб.

– Я подтверждаю, государь, что чары можно снять. И если не ошибаюсь, действительно проведя ночь во дворце. Если третьи петухи застанут упырицу вне гробницы, то снимут колдовство. Обычно именно так поступают с упырями.

– Так просто?

– И вовсе не так просто, государь. Во-первых, эту ночь надо пережить. Во-вторых, возможны отклонения от нормы. Например, не одну ночь, а три. Одну за другой. Бывают также случаи... ну... безнадёжные.

– Так. – Фольтест передернуло. – Только и слышу: убить чудище, потому что это случай неизлечимый! Я уверен, мэтр, что с тобой уже потолковали. А? Дескать, заруби людоедку без церемоний, сразу же, а королю скажи, мол, иначе не получалось. Не заплатит король – заплатим мы. Очень удобно. И дешево. Король велит отрубить голову или повесить ведьмака, а золото останется в кармане.

– А что, король обязательно прикажет обезглавить ведьмака? – поморщился Геральт.

Фольтест долго глядел в глаза ривийцу. Наконец сказал:

– Король не знает. Но учитывать такую возможность ведьмак все-таки должен.

Теперь замолчал Геральт.

– Я намерен сделать все, что в моих силах, – сказал он наконец. – Но если дело пойдет скверно, я буду защищаться. Вы, государь, тоже должны учитывать такую возможность.

Фольтест встал.

– Ты меня не понял. Не о том речь. Совершенно ясно, что ты ее убьешь, если станет горячо, нравится мне это или нет. Иначе она убьет тебя, наверняка и бесповоротно. Я не разглашаю этого, но не покарал бы того, кто убьет ее в порядке самообороны. Но я не допущу, чтобы ее убили, не попытавшись спасти. Уже пробовали поджигать старый дворец, в нее стреляли из луков, копали ямы, ставили силки и капканы, пока нескольких умников я не вздернул. Но, повторяю, не о том речь. Слушай, мэтр...

– Слушаю.

– Если я правильно понял, после третьих петухов упырицы не будет. А кто будет?

– Если все пойдет как надо, будет четырнадцатилетняя девочка.

– Красноглазая? С зубищами как у крокодила?

– Нормальная девчонка. Но только...

– Ну?

– Физически.

– Час от часу не легче. А психически? Каждый день на завтрак ведро крови? Девичье бедрышко?

– Нет. Психически... трудно сказать... Думаю, на уровне, ну... трех-четырех годовалого ребенка. Ей понадобится заботливый уход. Довольно долго.

– Это ясно. Мэтр?

– Слушаю.

– А это... может повториться? Позже?

Ведьмак молчал.

– Так, – сказал король. – Стало быть, может. И что тогда?

– Если после долгого, затянувшегося на несколько дней беспамятства она умрет, надо будет сжечь тело. И как можно скорее.

Фольтест нахмурился.

– Однако не думаю, – добавил Геральт, – чтобы до этого дошло. Для верности я дам вам, государь, несколько советов, как уменьшить опасность.

– Уже сейчас? Не слишком ли рано, мэтр? А если...

– Уже сейчас, – прервал ривиец. – По-всякому бывает, государь. Может случиться, что наутро вы найдете в склепе расколдованную принцессу и мой труп.

– Даже так? Несмотря на разрешение на самооборону? Которое, похоже, не шибко тебе и нужно.

– Это дело серьезное, государь. Риск очень велик. Поэтому слушайте: принцесса должна будет постоянно носить на шее сапфир, лучше всего инклюз, на серебряной цепочке. Постоянно. Днем и ночью.

– Что такое инклюз?

– Сапфир с пузырьком воздуха внутри. Кроме того, в камине ее спальни надо будет время от времени сжигать веточки можжевельника, дрока и орешника.

Фольтест задумался.

– Благодарю за советы, мэтр. Я буду придерживаться их, если... А теперь слушай меня внимательно. Если увидишь, что случай безнадежный, убей ее. Если снимешь заклятие, но девочка не будет... нормальной... если у тебя возникнет хотя бы тень сомнения в том, что все прошло удачно, убей ее. Не бойся меня. Я стану на тебя при людях кричать, выгоню из дворца

и из города, ничего больше. Награды, разумеется, не дам. Ну, может, что-нибудь выторгуешь... Сам знаешь у кого.

Они помолчали.

– Геральт. – Фольтест впервые назвал ведьмака по имени.

– Слушаю.

– Сколько правды в слухах, будто ребенок родился таким только потому, что Адда была моей сестрой?

– Не много. Порчу надо навести. Чары не возникают из ничего. Но, думаю, ваша связь с сестрой послужила поводом к тому, что кто-то бросил заклинание, а значит, и причиной такого результата.

– Так я и думал. Так говорили некоторые из Посвященных, правда, не все. Геральт. Откуда все это берется? Чары, магия?

– Не знаю, государь. Посвященные пытаются отыскать причины таких явлений. Нам же, ведьмакам, достаточно знать, что их можно вызывать сосредоточением воли. И знать, как с ними бороться.

– Убивая?

– Как правило. Впрочем, чаще всего за это нам и платят. Мало кто требует снять порчу. В основном люди просто хотят уберечься от опасности. Если же у чудища на совести еще и трупы, то присовокупляется стремление отомстить за содеянное.

Король встал, прошелся по комнате, остановился перед висевшим на стене мечом ведьмака.

– Этим? – спросил он, не глядя на Геральта.

– Нет. Этот против людей.

– Наслышан. Знаешь что, Геральт? Я пойду с тобой в склеп.

– Исключено.

Фольтест повернулся, глаза его сверкнули.

– Тебе известно, колдун, что я ее ни разу не видел? Ни при рождении, ни... позже? Боялся. Могу ее уже никогда не увидеть, верно? Имею я право хотя бы видеть, как ты будешь ее убивать?

– Повторяю, исключено. Это верная смерть. И для меня тоже. Стоит мне ослабить внимание, волю... Нет, государь.

Фольтест отвернулся и направился к двери. Геральту показалось, что он уйдет, не произнеся ни слова, без прощального жеста, но король остановился и взглянул на него.

– Ты вызываешь доверие, – сказал он. – Хотя я и знаю, что ты за фрукт. Мне рассказали, что произошло в трактире. Уверен, ты прибил этих головорезов исключительно ради рекламы, чтобы всколыхнуть людей, потрясти меня. Я уверен, ты мог столкнуться с ними и не убивая. Боюсь, мне никогда не узнать, идешь ли ты спасти мою дочь или же убить ее. Но соглашаюсь на это. Вынужден согласиться. Знаешь почему?

Геральт не ответил.

– Потому что, – сказал король, – думаю, она страдает. Правда?

Ведьмак проницательно посмотрел на короля. Не подтвердил, не сделал ни малейшего жеста, но Фольтест знал. Знал ответ.

5

Геральт в последний раз выглянул в окно дворца. Быстро темнело. За озером помигивали туманные огоньки Вызимы. Вокруг дворца раскинулся пустырь – полоса ничейной земли, которой город за шесть лет отгородился от опасного места, не оставив ничего, кроме развалин, прогнивших балок и остатков щербатого частокола, которые разбирать и переносить, видимо,

не окупалось. Дальше всего, на другой край города, перенес свою резиденцию сам король – пузатая башня нового дворца чернела вдали на фоне темно-синего неба.

Ведьмак вернулся к запыленному столу, за которым в одной из пустых, разграбленных комнат готовился. Не спеша, спокойно, обстоятельно. Времени, как он знал, было достаточно. До полуночи упырица из склепа не вылезет.

Перед ним на столе стоял небольшой окованный сундучок. Геральт открыл его. Там тесно, в выложенных сухой травой отделениях, стояли флакончики из темного стекла. Ведьмак вынул три.

Поднял с пола продолговатый сверток, плотно укутанный овечьими шкурами и обвязанный ремнем. Развернул, достал из черных блестящих ножен, покрытых рядами рунических знаков и символов, меч с изукрашенной рукоятью. Острие заиграло идеальным зеркальным блеском. Лезвие было из чистого серебра.

Геральт прошептал формулу, медленно выпил содержимое двух флакончиков, после каждого глотка опуская левую руку на оголовье меча. Потом, плотно закутавшись в черный плащ, сел. На пол. В комнате не было ни одного стула. Как, впрочем, и во всем дворце.

Он сидел неподвижно, прикрыв глаза. Дыхание, поначалу ровное, вдруг ускорилося, стало хриплым, беспокойным. А потом полностью остановилось. Снадобье, с помощью которого ведьмак подчинил себе все органы тела, в основном состояло из чемерицы, дурмана, боярышника и молочая. Остальные компоненты не имели названий ни на одном человеческом языке. Не будь Геральт приучен к таким смесям с детства, это был бы смертельный яд.

Ведьмак резко повернул голову. Слух, обострившийся теперь сверх всякой меры, легко вылутил из тишины шелест шагов по заросшему крапивой двору. Это не могла быть упырица. Еще слишком светло. Геральт завел меч за спину, спрятал сундучок в угольях разрушенного камина и тихо, словно летучая мышь, сбежал по лестнице.

На дворе было еще достаточно света, чтобы приближающийся человек мог увидеть лицо ведьмака. Человек – это был Острит – резко попятился, невольная гримаса ужаса и отвращения исказила его лицо. Ведьмак криво усмехнулся – он знал, как выглядит. После мешанины из красавки, аконита и очанки лицо становится белее мела, а зрачки заполняют всю радужницу. Зато микстура позволяет видеть в глубочайшей тьме, а Геральту именно это и было нужно.

Острит быстро взял себя в руки.

– Ты выглядишь так, словно уже стал трупом, колдун, – сказал он. – Не иначе со страха. Не бойся. Я принес тебе жизнь.

Ведьмак не ответил.

– Не слышишь, что я сказал, ривийский знахарь? Ты спасен. И богат. – Подбросив на руке солидный мешок, Острит кинул его под ноги Геральту. – Тысяча оренгов. Бери, садись на коня и выматывай отсюда!

Ривиец молчал.

– Чего вылутился! – повысил голос Острит. – И не задерживай меня. Я не намерен торчать здесь до полуночи. Не понимаешь? Я не желаю, чтобы ты снимал заклятие. Нет, не думай, будто угадал. Я не в сговоре ни с Велерадом, ни с Сегелином. Просто не желаю, чтобы ты ее убивал. Ты должен уехать и оставить все как есть.

Ведьмак не шелохнулся. Он не хотел, чтобы вельможа понял, насколько сейчас обострились и ускорились его движения и реакции. Темнело быстро, это было только на руку Геральту, ведь даже полумрак сумерек был слишком ярок для его расширившихся зрачков.

– А собственно, почему все должно оставаться по-старому? – спросил он, стараясь помедленнее выговаривать слова.

– А вот это, – Острит гордо поднял голову, – не твоего ума дело.

– А если я уже знаю?

– Интересно...

– Легче будет скинуть Фольтеста с трона, если упырица дойдет людей еще больше? Если королевские фокусы вконец осточертеют и вельможам, и народу, верно? Я ехал к вам через Реданию и Новиград. Там на каждом углу толкуют о том, что кое-кто в Выземе посматривает на короля Визимира как на избавителя и истинного монарха. Но меня, господин Острит, не интересуют ни политика, ни наследование тронов, ни дворцовые перевороты. Я здесь для того, чтобы выполнить работу. Вы никогда не слышали о чувстве долга и элементарной порядочности? О профессиональной этике?

– Не забывай, с кем говоришь, бродяга! – яростно крикнул Острит, сжимая рукоять меча. – Я не привык спорить с кем попало! Этика, кодексы, мораль?! И кто это говорит. Разбойник, который, не успев прибыть, уже прикончил троих. Кто бил поклоны Фольтесту, а за его спиной торговался с Велерадом, словно наемный убийца! И ты еще осмеливаешься задирать голову, холоп? Прикидываться Посвященным? Магом? Чародеем? Ты, паршивый ведьмак! Вон отсюда, пока я тебе череп не раскроил!

Ведьмак даже не дрогнул.

– Лучше б вам самому уйти, Острит, – сказал он. – Темнеет.

Острит попятился, мгновенно выхватил меч.

– Ты сам того хотел, колдун! Убью! Не помогут тебе твои штучки. При мне черепаший камень.

Геральт усмехнулся. Мнение о могуществе черепашьего камня было столь же распространено, сколь и ошибочно. Но ведьмак не намеревался тратить силы на заклятия и тем более скреплять серебряный клинок с оружием Острита. Он поднырнул под выписывающее круги острие и серебряными шипами манжета ударил вельможу в висок.

6

Острит очухался быстро и теперь водил глазами в абсолютной тьме. Он был связан. Геральта, стоявшего рядом, он не видел, но сообразил, где находится, и завыл протяжно, дико.

– Молчи, – сказал ведьмак. – Накличешь ее прежде времени.

– Проклятый убийца! Где ты? Развяжи немедленно, сукин ты сын! Вздерну поганца!

– Молчи.

Острит тяжело дышал.

– Оставишь меня ей на съедение? Связанного? – спросил он уже тише и совсем уж тихо добавил грязное ругательство.

– Нет, – сказал ведьмак. – Отпущу. Но не сейчас.

– Подлец, – прошипел Острит. – Чтобы отвлечь упырицу?

– Да.

Острит замолчал, перестал дергаться, лежал спокойно.

– Ведьмак?

– Да.

– А ведь я действительно хотел свалить Фольтеста. И не я один. Но лишь я желал его смерти, хотел, чтобы он помер в муках, чтобы свихнулся, чтобы живьем сгнил. Знаешь почему?

Геральт молчал.

– Я любил Адду. Королевскую сестру. Королевскую любовницу. Королевскую девку. Я любил ее... Ведьмак, ты здесь?

– Здесь.

– Я знаю, что ты думаешь. Но этого не было. Поверь, я не произносил никаких заклятий. Я не знаток по части чар. Только однажды, по злобе, сказал... Только один раз. Ведьмак? Ты слышишь?

– Слышу.

– Это его мать, старая королева. Наверняка она. Не могла видеть, как они с Аддой... Это не я. Я только однажды, понимаешь, пытался уговорить ее, а Адда... Ведьмак! На меня нашло, и я сказал... Ведьмак. Так это я? Я?

– Это уже не имеет значения.

– Ведьмак? Полночь близко?

– Близко.

– Выпусти меня раньше. Дай мне больше времени.

– Нет.

Острит не услышал скрежета отодвигаемой покровной плиты саркофага, но ведьмак услышал. Он наклонился и кинжалом рассек ремни, связывавшие вельможу. Острит не стал дожидаться каких-либо слов, вскочил, неловко заковылял, одеревеневший, побежал. Глаза уже привыкли к темноте, и он увидел дорогу, ведущую из главной залы к выходу.

Из пола с грохотом вылетела плита, закрывавшая вход в склеп. Геральт, предусмотрительно укрывшийся за балюстрадой лестницы, увидел уродливую фигуру упырицы, ловко, быстро и безошибочно устремившейся за удаляющимся топотом башмаков Острита. Упырица не издавала ни звука.

Чудовищный, душераздирающий, сумасшедший визг разорвал ночь, потряс старые стены и не прекращался, то вздымаясь, то опадая и вибрируя. Ведьмак не мог точно оценить расстояние – его обостренный слух ошибался, но он знал, что упырица добралась до Острита быстро. Слишком быстро.

Он вышел на середину залы, встал у выхода из склепа. Отбросил плащ. Повел плечами, поправляя положение меча. Натянул перчатки. У него еще было немного времени. Он знал, что упырица, хоть и нажравшаяся, так быстро труп не бросит. Сердце и печень были для нее ценным запасом пищи, позволяющим долго оставаться в летаргии.

Ведьмак ждал. До зари, по его подсчетам, оставалось еще около трех часов. Пение петуха могло его только спутать. Впрочем, в округе скорее всего вообще не было петухов.

И тут он ее услышал. Она шла медленно, шлепая по полу. А потом он ее увидел.

Описание было точным: спутанный ореол рыжеватых волос окружал непропорционально большую голову, сидящую на короткой шее. Глаза светились во мраке, словно два карбункула. Упырица остановилась, уставившись на Геральта. Вдруг раскрыла пасть – словно похваляясь рядами белых клиновидных зубищ, потом захлопнула челюсть с таким грохотом, будто захлопнула крышку сундука. И сразу же прыгнула, с места, без разбега, целясь в ведьмака окровавленными когтями.

Геральт отскочил, закружился, упырица задела его и тоже закружилась, вспарывая когтями воздух. Она не потеряла равновесия и напала снова, немедленно, с полуоборота, щелкнув зубами у самой груди Геральта. Ривиец отскочил в другую сторону, трижды меняя направление вращения и тем самым сбивая упырицу с толку, отскакивая, сильно, хотя и не с размаху, ударил ее по голове серебряными шипами, сидящими на верхней стороне перчатки, на костяшках пальцев.

Упырица жутко зарычала, заполнив дворец гулким эхом, припала к земле, замерла и принялась выть. Глухо, зловеще, яростно.

Ведьмак зло усмехнулся. Первый «раунд», как он и рассчитывал, прошел успешно. Серебро было убийственным для упырицы, как и для большинства чудовищ, вызванных к жизни колдовством. Так что, выходит, бестия не отличалась от других, а это давало надежду на то, что чары удастся снять, серебряный же меч как крайнее средство гарантировал ему жизнь.

Упырица не спешила нападать. Теперь она приближалась медленно, оскалив клыки, пуская слюни. Геральт попятился, пошел полукругом, осторожно ставя ноги, то замедляя, то ускоряя движение, тем самым рассеивая внимание упырицы, не позволяя ей собраться для прыжка.

Продолжая движение, он разматывал длинную тонкую крепкую цепь с грузом на конце. Серебряную цепь.

В тот момент, когда упырица, напрягшись, прыгнула, цепь просвистела в воздухе и, свернувшись змеей, мгновенно оплела руки, шею и голову чудища. Не довершив прыжка, упырица упала, издав пронзительный визг. Она извивалась на полу, жутко рыча то ли от ярости, то ли от палящей боли, причиняемой ненавистным металлом. Геральт был удовлетворен – убить упырицу, если б он того хотел, не составляло труда. Но он не доставал меча. Пока ничто в поведении упырицы не говорило о том, что это случай неизлечимый. Геральт немного отступил и, не спуская глаз с извивающегося на полу тела, глубоко дышал, собираясь с силами.

Цепь лопнула, серебряные звенья дождем прыснули во все стороны, звеня по камням. Слепленная яростью упырица, воя, кинулась в атаку. Геральт спокойно ждал и поднятой правой рукой чертил перед собой знак Аард.

Упырица отлетела на несколько шагов, словно ее ударили молотом, но удержалась на ногах, выставила когти, обнажила клыки. Ее волосы поднялись дыбом, зашевелились так, будто она шла против резкого ветра. С трудом, кашляя, шаг за шагом, медленно, но шла! Все-таки шла!

Геральт забеспокоился. Он, конечно, не ожидал, что такой простой знак совсем парализует упырицу, но и не думал, что бестия так легко оправится. Он не мог держать знак слишком долго – это истощало, а меж тем упырице оставалось пройти не больше десятка шагов. Он резко снял знак и отскочил вбок. Как и ожидал, застигнутая врасплох упырица полетела вперед, потеряла равновесие, перевернулась, поскользнулась на полу и покатилась вниз по ступеням зияющего в полу входа в склеп. Снизу донеслись истошные вопли.

Чтобы выиграть время, Геральт прыгнул на лестницу, ведущую на галерею. Не успел пройти и половины, как упырица вылетела из склепа и помчалась за ним, словно огромный черный паук... Ведьмак, дождавшись, пока она взбежит на лестницу, тут же перемахнул через поручень и спрыгнул на пол. Упырица развернулась на лестнице, оттолкнулась и кинулась на него в невероятном, чуть ли не десятиметровом прыжке. Она уже не дала так легко провести себя – дважды ее когти рванули кожаную куртку ривийца. Но новый могучий удар серебряных шипов откинул упырицу. Она закачалась. Геральт, чувствуя вздымающуюся в нем ярость, покачнулся, откинул туловище назад и сильнейшим ударом в бок повалил бестию на пол.

Рык, который она издала, был громче всех предыдущих. С потолка посыпалась штукатурка.

Упырица вскочила, дрожа от неудержимой злобы и жажды убийства. Геральт выжидал. Он уже выхватил меч и, чертя им в воздухе зигзаги, шел, обходил упырицу, следя за тем, чтобы движения меча не совпадали с ритмом и темпом шагов. Упырица не отскочила. Она медленно приближалась, водя глазами вслед за блестящей полоской клинка.

Геральт резко остановился, замер, поднял меч над головой. Упырица растерялась и тоже остановилась. Ведьмак, выписав острием двойной полукруг, сделал шаг в сторону упырицы. Потом еще один. А потом прыгнул, вертя меч над головой.

Упырица съежилась, попятилась. Геральт был все ближе. Глаза его разгорелись злобным огнем, сквозь стиснутые зубы вырвался хриплый рев. Упырица снова отступила, отброшенная мощью сконцентрированной ненависти, злобы и силы, излучаемой нападающим на нее человеком, бьющей в нее волнами, врывающимися в мозг и внутренности. До боли пораженная неведомым ей прежде ощущением, она издала вибрирующий тонкий визг, закружилась на месте и в панике кинулась в мрачный лабиринт коридоров дворцовых подземелий.

Геральт, сотрясаемый дрожью, остановился посреди залы.

Один.

«Сколько же понадобилось времени, – подумал он, – чтобы этот танец на краю пропасти, эта сумасшедшая, жуткая пляска привела к желаемому результату, позволила добиться психи-

ческого слияния с противником, проникнуть в глубины сконцентрированной воли, переполнявшей упырицу. Воли злобной, болезненной, породившей эту уродину». Ведьмак вздрогнул, вспомнив тот момент, когда он поглотил этот заряд зла, чтобы словно зеркало отразить его и направить на чудовище. Никогда он еще не встречался с такой концентрацией ненависти и убийственного неистовства. Даже у василисков, пользующихся самой дурной славой.

«Тем лучше, – думал он, направляясь ко входу в склеп, огромной черной дырой темнеющему в полу. – Тем лучше, сильнее был удар, полученный самой упырицей». Это дает чуть больше времени на дальнейшие действия, прежде чем бестия оправится от шока. Вряд ли он способен еще на одно такое усилие. Действие эликсиров слабеет, а до рассвета еще далеко. Нельзя допустить, чтобы упырица проникла в склеп до утренней зари, иначе весь труд пойдет насмарку.

Он опустился по ступеням. Склеп был невелик и вмещал три каменных саркофага. У первого от входа крышка была сдвинута. Геральт достал из-за пазухи третий флакончик, быстро выпил содержимое, спустился в саркофаг и лег. Как он и ожидал, саркофаг оказался двойным – для матери и дочери.

Крышку он задвинул только после того, как снова услышал сверху рев упырицы. Он лег навзничь рядом с мумифицированными останками Адды, на плите изнутри начертил знак Ирген. Меч положил на грудь и поставил маленькие песочные часы, заполненные фосфоресцирующим песком. Скрестил руки. Воплей упырицы он уже не слышал. Он вообще уже ничего не слышал: четырехлистый вороний глаз и ласточкина трава набирали силу.

7

Когда Геральт открыл глаза, песок в часах уже пересыпался до конца, а значит, он спал даже дольше, чем следовало. Он прислушался – и ничего не услышал. Органы чувств уже работали нормально.

Он взял меч в одну руку, другой провел по крышке саркофага, выговаривая формулу, затем легко сдвинул плиту на несколько вершков.

Тишина.

Он отодвинул крышку еще больше, сел, держа оружие наготове, высунул голову. В склепе было темно, но ведьмак знал, что на дворе светает. Он высек огонь, зажег маленький каганец, поднял, на стенках склепа заплескали странные тени.

Пусто.

Он выбрался из саркофага, занемевший, озябший. И тут увидел ее. Она лежала на спине рядом с гробницей, нагая, без чувств.

Она не была красивой. Худенькая, с маленькими остренькими грудками, грязная. Светло-рыжие волосы укрывали ее почти до пояса. Поставив каганец на плиту, он опустился рядом с девочкой на колени, наклонился. Губы у нее были белые, на скуле большой кровоподтек от его удара. Геральт снял перчатку, отложил меч, бесцеремонно поднял ей пальцем верхнюю губу. Зубы были нормальные. Он хотел взять ее за руку, погруженную в спутанные волосы. И тут, не успев нащупать кисть, увидел раскрытые глаза. Слишком поздно.

Она рванула его когтями по шее, кровь хлестнула ей на лицо. Она взвыла, другой рукой целясь ему в глаза. Он повалился на нее, схватил за запястья, пригвоздил к полу. Она щелкнула зубами – уже короткими – перед его лицом. Геральт ударил ее лбом в лицо, прижал сильнее. У нее уже не было прежних сил, она только извивалась под ним, выла, выплевывала кровь – его кровь, – заливавшую ей рот. Нельзя было терять ни минуты. Геральт выругался и сильно укусил ее в шею под самым ухом, впился зубами и стискивал их до тех пор, пока нечеловеческий вой не перешел в тихий, отчаянный крик, а потом во всхлипывания – плач страдающей четырнадцатилетней девочки.

Когда она перестала двигаться, он отпустил ее, поднялся на колени, выхватил из кармана на рукаве кусок материи, прижал к шее. Нашупал лежащий рядом меч, приставил острие к горлу бесчувственной девочки, наклонился к ее руке. Ногти были грязные, обломанные, окровавленные, но... нормальные. Совершенно нормальные.

Ведьмак с трудом встал. Сквозь вход в склеп уже струилась липко-мокрая серость утра. Он направился к ступеням, но, покачнувшись, тяжело опустился на пол. Просачивающаяся сквозь намокшую материю кровь бежала по руке, стекала в рукав. Он расстегнул куртку, разорвал рубаху и принялся обматывать шею, зная, что времени осталось совсем мало, что он вот-вот потеряет сознание...

Он успел. И погрузился в небытие.

В Выземе, за озером, петух, распушив перья в холодном, влажном воздухе, хрипло пропел в третий раз.

8

Он увидел побеленные стены и потолок комнаты над кордегардией. Пошевелил головой, кривясь от боли, застонал. Шея была перевязана плотно, солидно, профессионально.

– Лежи, волшебник, – сказал Велерад. – Лежи, не шевелись.

– Мой... меч...

– Да, да. Самое главное, конечно, твой серебряный ведьмачий меч. Здесь он, не волнуйся. И меч, и сундучок. И три тысячи оронов. Да, да, молчи. Это я – старый дуралей, а ты – мудрый ведьмак. Фольтест не устает твердить это уже два дня.

– Два?

– Ага, два. Недурно она тебя разделала, видно было все, что у тебя там внутри, в шее-то. Ты потерял много крови. К счастью, мы помчались во дворец сразу после третьих петухов. В Выземе в ту ночь никто глаз не сомкнул. Уснуть было невозможно. Вы там зверски шумели. Тебя не утомляет моя болтовня?

– Прин... цесса?

– Принцесса как принцесса. Худющая. И какая-то бестолковая. Все время плачет. И мочится в постель. Но Фольтест говорит, что это изменится. Я думаю, не к худшему, а, Геральт?

Ведьмак прикрыл глаза.

– Ну хорошо, хорошо, ухожу. – Велерад поднялся. – Отдыхай. Слушай, Геральт. Прежде чем уйду, скажи, почему ты хотел ее загрызть? А, Геральт?

Ведьмак спал.

Глас рассудка II

1

– Геральт.

Его разбудили ослепительные лучи солнечного света, настойчиво пробивавшиеся сквозь щели в ставнях. Казалось, солнце, стоящее уже высоко, исследует комнату своими золотыми щупальцами. Ведьмак прикрыл глаза ладонью, ненужным неосознанным жестом, от которого никак не мог избавиться, – ведь достаточно было просто сузить зрачки, превратив их в вертикальные щелочки.

– Уже поздно, – сказала Нэннеке, раскрывая ставни. – Вы заспались. Июля, исчезни. Мигом.

Девушка резко поднялась, наклонилась, доставая с полу накидку. На руке, в том месте, где только что были ее губы, Геральт чувствовал струйку еще теплой слюны.

– Погоди... – неуверенно сказал он. Она взглянула на него и быстро отвернулась.

Она изменилась. Ничего уже не осталось от той русалки, того сияющего ромашкового видения, которым она была на заре. Ее глаза были синими, не черными. И всю ее усеивали веснушки – нос, грудь, руки. Веснушки были очень привлекательны и сочетались с цветом ее кожи и рыжими волосами. Но он не видел их тогда, на заре, когда она была его сном. Он со стыдом и сожалением отметил, что обижен на нее – ведь она перестала быть мечтой – и что он никогда не простит себе этого сожаления.

– Погоди, – повторил он. – Июля...

Я хотел...

– Замолчи, Геральт, – сказала Нэннеке. – Она все равно не ответит. Уходи, Июля. Потопись, дитя мое.

Девушка, завернувшись в накидку, поспешила к двери, шлепая по полу босыми ногами, смущенная, порозовевшая, неловкая. Она уже ничем не напоминала...

Йеннифэр.

– Нэннеке, – сказал он, натягивая рубаху. – Надеюсь, ты не в претензии... Ты ее не накажешь?

– Дурачок, – фыркнула жрица, подходя к ложу. – Забыл, где ты? Это же не келья и не Совет старейшин. Это храм Мелитэле. Наша богиня не запрещает жрицам... ничего. Почти.

– Но ты запретила мне разговаривать с ней.

– Не запретила, а указала на бессмысленность этого. Июля молчит.

– Что?

– Молчит, потому что дала такой обет. Это одна из форм самопожертвования, благодаря которому... А, что там объяснять, все равно не поймешь, даже не попытаешься понять. Я знаю твое отношение к религии. Погоди, не одевайся. Хочу взглянуть, как заживает шея.

Она присела на край ложа, ловко смотала с шеи ведьмака плотную льняную повязку. Он поморщился от боли.

Сразу же по его прибытии в Элландер Нэннеке сняла чудовищные толстые швы из сапожной дратвы, которыми его зашили в Вызиме, вскрыла рану, привела ее в порядок и перебинтовала заново. Результат был налицо – в храм он приехал почти здоровым, ну, может, не вполне подвижным. Теперь же он снова чувствовал себя больным и разбитым. Но не протестовал. Он знал жрицу долгие годы, знал, как велики ее познания в целительстве и сколь богата и разнообразна ее аптека. Лечение в храме Мелитэле могло пойти ему только на пользу.

Нэннеке ощупала рану, промыла ее и начала браниться. Все это он уже знал наизусть. Жрица не упускала случая поворчать всякий раз, как только ей на глаза попадалась памятка о когтях вызимской принцессы.

– Кошмар какой-то! Позволить самой обыкновенной упирице так изуродовать себя! Мускулы, жилы, еще чуть-чуть – и она разодрала бы сонную артерию! Великая Мелитэле, Геральт, что с тобой? Как ты мог подпустить ее так близко? Что ты собирался с ней сделать? Оттрахать?

Он не ответил, только кисло улыбнулся.

– Не строй дурацкие рожи. – Жрица встала, взяла с комода сумку с медикаментами. Несмотря на полноту и небольшой рост, двигалась она легко и даже с шармом. – В случившемся нет ничего забавного. Ты теряешь быстроту реакций, Геральт.

– Преувеличиваешь.

– И вовсе нет. – Нэннеке наложила на рану зеленую кашицу, резко пахнущую эвкалиптом. – Нельзя было позволять себя ранить, а ты позволил, к тому же очень серьезно. Прямотаки пагубно. Даже при твоих невероятных регенеративных возможностях пройдет несколько месяцев, пока полностью восстановится подвижность шеи. Предупреждаю, временно воздержись от драк с бойкими противниками.

– Благодарю за предупреждение. Может, еще посоветуешь, на какие гроши жить? Собрать полдюжины девочек, купить фургон и организовать передвижной бордель?

Нэннеке, пожав плечами, быстрыми уверенными движениями полных рук перевязала ему шею.

– Учить тебя жить? Я что, твоя мать? Ну, готово. Можешь одеваться. В трапезной ожидает завтрак. Поспеши, иначе будешь обслуживать себя сам. Я не собираюсь держать девушек на кухне до обеда.

– Где тебя найти? В святилище?

– Нет. – Нэннеке встала. – Не в святилище. Тебя здесь любят, но по святилищу не шлейся. Иди погуляй. Я найду тебя сама.

– Хорошо.

2

Геральт уже в четвертый раз прошелся по обсаженной тополями аллейке, идущей от ворот к жилым помещениям и дальше в сторону утопленного в обрывистую скалу блока святилища и главного храма. После краткого раздумья он решил не возвращаться под крышу и свернул к садам и хозяйственным постройкам. Там несколько послушниц в серых рабочих одеждах пропалывали грядки и кормили в курятниках птиц. В основном это были молодые и очень молодые девушки, почти дети. Некоторые, проходя мимо, приветствовали его кивком или улыбкой. Он отвечал, но не узнавал ни одной. Хоть и бывал в храме часто, порой раза два в год, но никогда не встречал больше трех-четырёх знакомых лиц. Девушки приходили и уходили – вещуньями в другие храмы, повитухами и лекарками, специализирующимися по женским и детским болезням, странствующими друидками, учительницами либо гувернантками. Но не было недостатка в новых, прибывающих отовсюду, даже из самых удаленных районов. Храм Мелитэле в Элландере пользовался широкой известностью и заслуженной славой.

Култ богини Мелитэле был одним из древнейших, а в свое время – и самых распространенных и уходил корнями в незапамятные, еще дочеловеческие времена. Почти каждая нелюдская раса и каждое первобытное, еще кочевое, человеческое племя почитали какую-либо богиню урожая и плодородия, покровительницу земледельцев и огородников, хранительницу любви и домашнего очага. Большая часть култов слилась, породив култ Мелитэле.

Время, которое довольно безжалостно поступило с другими религиями и культами, надежно изолировав их в забытых, редко навещаемых, затерявшихся в городских кварталах церковках и храмах, милостиво обошлось с Мелитэле. У Мелитэле по-прежнему не было недостатка ни в последователях, ни в покровителях. Ученые, анализируя популярность богини, обычно обращались к древнейшим культам Великой Матери, Матери Природы, указывали на связи с природными циклами, с возрождением жизни и другими пышно именуемыми явлениями. Друг Геральта трубадур Лютик, мечтавший стать авторитетом во всем мыслимом, искал объяснений попроще. Культ Мелитэле, говорил он, – культ типично женский. Мелитэле – патронесса плодovitости, рождения, она опекуна повивальных бабок. А рожаящая женщина должна кричать. Кроме обычных визгов, суть которых, как правило, сводится к клятвенным заверениям, что-де она больше ни за какие коврижки не отдастся ни одному паршивому мужику, рожаящая женщина должна призывать на помощь какое-либо божество, а Мелитэле для этого подходит как нельзя лучше. Поскольку же, утверждал поэт, женщины рожали, рожают и рожать будут, постольку богине Мелитэле потеря популярности не грозит.

– Геральт.

– Ты здесь, Нэннеке? Я искал тебя.

– Меня? – усмехнулась жрица. – Не Иолу?

– Иолу тоже, – признался он. – Ты против?

– Сейчас – да. Не хочу, чтобы ты мешал ей и отвлекал. Ей надо готовиться и молиться, если мы хотим, чтобы из ее транса что-нибудь получилось.

– Я уже говорил тебе, – холодно сказал он, – что не хочу никакого транса. Не думаю, чтобы от него была какая-то польза.

– А я, – слегка поморщилась Нэннеке, – не думаю, чтобы от него был какой-то вред.

– Загипнотизировать меня не удастся, у меня иммунитет. Боюсь я за Иолу. Для нее как для медиума это может оказаться чрезмерным усилием.

– Иоля не медиум и не умственно отсталая ворожея, а девочка, пользующаяся особым расположением богини. Будь добр, не делай глупых мин. Я сказала, что твое отношение к религиям мне известно. Но мне это никогда особенно не мешало и, думаю, не помешает в будущем. Я не фанатичка. Тебе никто не запрещает считать, что нами правит Природа и скрытая в ней мощь. Тебе вольно думать, что боги, в том числе и моя Мелитэле, – всего лишь персонификация этой Мощи, придуманная для простачков, чтобы они легче ее поняли, признали ее существование. По-твоему, это слепая сила. А мне, Геральт, вера позволяет ожидать от природы того, что воплощено в моей богине: порядка, принципов, добра. И надежды.

– Знаю.

– Ну а коли знаешь, почему не доверяешь трансу? Чего боишься? Что я заставлю тебя биться лбом об пол перед статуей и распевать псалмы? Да нет же, Геральт! Мы просто немного посидим вместе, ты, я и Иоля. И посмотрим, позволяют ли способности этой девочки разобратся в клубке опутывающих тебя сил. Может, узнаем что-нибудь, о чем хорошо было бы знать. А может, не узнаем ничего. Возможно, окружающие тебя силы Предназначения не пожелают объявиться нам, останутся скрытыми и непонятыми. Не знаю. Но почему бы не попробовать?

– Потому что это бессмысленно. Не окружают меня никакие клубки Предназначений. А если даже и окружают, то на кой ляд в них копать?

– Геральт, ты болен.

– Ты хотела сказать – ранен.

– Я знаю, что хотела сказать. С тобой что-то неладно, я чувствую. Ведь я знаю тебя с малолетства, ты тогда доставал мне только до пояса. А теперь чувствую, тебя захватил какой-то дьявольский вихрь, ты запутался, попал в петлю, которая постепенно затягивается вокруг тебя. Я хочу знать, в чем дело. Самой мне не суметь, я вынуждена положиться на способности Иولي.

– Не слишком ли глубоко ты надумала проникнуть? И к чему эта метафизика? Если хочешь, я исповедуюсь тебе. Заполню твои вечера рассказами о самых интересных событиях последних нескольких лет. Вели приготовить бочонок пива, чтобы у меня в горле не пересыхало, и можно начать хоть сейчас. Только боюсь, ты разочаруешься, потому что никаких петель и клубков в моих рассказах не найдешь. Так, простые ведьмачьи истории.

– Послушаю с удовольствием. Но транс, повторяю, не помешал бы.

– А тебе не кажется, – усмехнулся он, – что мое неверие в смысл такого транса заранее перехеривает его целесообразность?

– Не кажется. И знаешь почему? – Нэннеке наклонилась, заглянула ему в глаза, странно улыбнулась. – Потому что это было бы первое известное мне доказательство того, что неверие имеет какую-либо силу.

Крупница истины

1

Черные точки, движущиеся по светлому, исполосованному облаками небу, привлекли внимание ведьмака. Их было много. Птицы парили, выписывая правильные, спокойные круги, потом резко падали и тут же взмывали, трепеща крыльями.

Ведьмак долго наблюдал за птицами, стараясь определить расстояние и хотя бы приблизительно время, потребное на то, чтобы преодолеть его, с поправкой на рельеф местности, густоту леса, глубину и направление яра, о существовании которого он подозревал. Наконец откинул плащ, затянул на две дырочки ремень, наискось пересекающий грудь. Эфес и рукоять меча, висевшего за спиной, выглянули из-за правого плеча.

– Накинем пару верст, Плотвичка, – сказал ведьмак. – Сойдем с тракта. Сдается, пташки кружат не без причины.

Кобыла, само собой, не ответила, но двинулась с места, послушная привычному голосу.

– Кто знает, может, там лось валяется, – сказал Геральт. – А может, и не лось. Кто знает?

Яр действительно оказался там, где он и ожидал, – ведьмак сверху окинул взглядом кроны деревьев, плотно заполняющих распадок. Однако склоны яра были пологими, а дно сухое, без терновника и гниющих стволов. Он легко выбрался на противоположный склон. Там раскинулся березняк, за ним – большая поляна, вересковые заросли и бурелом, тянущий кверху щупальца спутанных веток и корней.

Птицы, спугнутые появлением верхового, взмыли выше, раскричались пронзительно, хрипло.

Геральт сразу же увидел первый труп – белизна овчинного кожушка и матовая голубизна платья резко выделялись на фоне пожелтевших островков осоки. Второго трупа видно не было, но он знал, где тот лежит, – положение тела выдавали позы трех присевших на задние лапы волков, спокойно взиравших на ездока. Кобыла фыркнула. Волки как по команде не спеша беззвучно потрусили в лес, то и дело оборачивая на пришельца вытянутые морды. Геральт соскочил с лошади.

У женщины в кожушке и голубом платье не было лица, горла и большей части левого бедра. Ведьмак прошел мимо, не наклонившись.

Мужчина лежал лицом к земле. Геральт не стал переворачивать тело, видя, что и здесь волки и птицы не сплеховали. Впрочем, детальнее рассматривать труп не было нужды – плечи и спину шерстяной куртки покрывал ветвистый узор черной засохшей крови. Мужчина явно погиб от удара в шею, а волки изуродовали тело уже потом.

Кроме короткого меча в деревянных ножнах, у мужчины на широком поясе висел кожаный мешочек. Ведьмак сорвал его, вывалил на траву кресало, кусочек мыла, воск для печатей, горсть серебряных монет, складной, в кожаном футляре нож для бритья, кроличье ухо, три ключа на кольцо, амулет с фаллическим символом. Два письма, написанных на полотне, намочили от дождя и росы, руны расплылись, размазались. Третье, на пергаменте, тоже подпорченное влагой, все же возможно было прочесть. Это оказалось кредитное поручение, выданное мурривельским банком гномов купцу по имени Рулле Аспен или Аспем. Сумма была невелика.

Геральт наклонился, приподнял правую руку мужчины. Как он и ожидал, на медном кольце, врезавшемся в распухший и посиневший палец, был вычеканен знак цеха оружейников – стилизованные шлем с забралом, два скрещенных меча и выгравированная под ними руна «А».

Ведьмак вернулся к трупам женщины. Когда переворачивал тело, что-то кольнуло его в палец. Роза, приколотая к платью. Цветок увял, но лепестки сохранили свой цвет – темно-голубой, почти синий. Геральт впервые видел такую розу. Он перевернул тело на спину и вздрогнул.

На искалеченной шее женщины четко отпечатались следы зубов. Не волчьих.

Ведьмак осторожно попятился к лошади. Не отрывая взгляда от опушки леса, забрался в седло. Дважды объехал поляну, наклонившись, внимательно рассматривал землю, то и дело оглядываясь, потом, придерживая лошадь, тихо сказал:

– Да, Плотвичка, дело ясное, хоть и не до конца. Оружейник и женщина приехали верхом, со стороны вон того леса. Конечно, направлялись из Мурривеля домой – ведь никто не возит при себе неиспользованные аккредитивы. Ну а почему ехали здесь, а не по тракту – вопрос. И двигались через вересковые заросли бок о бок. Хотелось бы знать, почему оба слезли или свалились с коней. Оружейник погиб сразу. Женщина бежала, потом упала и тоже скончалась, а та погань, что не оставила следов, тащила ее по земле, ухватив зубами за шею. Стряслось это два или три дня назад. Кони разбрелись, не станем их искать.

Плотва, разумеется, не ответив, беспокойно фыркнула, реагируя на знакомый тон голоса.

– Убил их, конечно, – продолжал Геральт, глядя на опушку, – не оборотень и не леший. Ни тот ни другой не оставили бы столько поживы для любителей полакомиться падалью. Если бы здесь было болото, я бы сказал, что это кикимора или глумец. Но здесь нет болот.

Наклонившись, ведьмак немного отвернул попону, прикрывавшую бок лошади, открыл притороченный к вьюку второй меч с блестящей узорчатой чашкой эфеса и черной рифленой рукоятью.

– Да, Плотвичка. Сделаем-ка мы с тобой крюк. Надо посмотреть, чего ради оружейник и женщина ехали лесом, а не по тракту. Если будем спокойно проезжать мимо таких штук, то не заработаем даже тебе на овес, согласна? А, Плотва?

Лошадь послушно двинулась вперед по бурелому, осторожно обходя ямы от вывороченных с корнями деревьев.

– Хоть это и явно не оборотни, рисковать нам ни к чему, – продолжал ведьмак, доставая из торбы притороченной к седлу пучок бореца и вешая его на мундштук. Лошадь фыркнула. Геральт расшнуровал куртку у шеи, вытащил медальон с ощерившейся волчьей мордой. Медальон, висевший на серебряной цепочке, раскачивался в такт хода лошади, ртутью поблескивая в лучах солнца.

2

Красные черепицы конической крыши, увенчивающей башню, он заметил с вершины взгорья, на которую поднялся, срезав поворот еле заметной тропинки. Склон, поросший орешником, перекрытый иссохшими ветками, усеянный ковром желтых листьев, был довольно крут. Ведьмак вернулся назад, осторожно спустился с холма, выехал на тропинку. Он ехал медленно, то и дело придерживая Плотвичку, и, свесившись с седла, высматривал следы.

Лошадь дернула головой, дико заржала, заплесала на тропке, вздымая копытами облака высохших листьев. Геральт, охватив шею Плотвы левой рукой, правую сложил в знак Акий и водил ею над головой лошади, шепча заклинания.

– Неужто так уж скверно? – проворчал он, осматриваясь кругом и не снимая знака. – Надо же! Спокойно, Плотвичка, спокойно.

Магия действовала быстро, но подгоняемая ногой лошадь все же тронулась с места тяжело, с трудом, тупо, как-то ходульно, утратив размеренный ритм движения. Ведьмак ловко спрыгнул на землю и пошел пешком, ведя лошадь под уздцы. И наткнулся на забор.

Между каменным забором и лесом не было просвета, листва молодых деревьев и кустов можжевельника спутывалась с плющом и диким виноградом, цеплявшимся за камни. Геральт

задрал голову. И тут же почувствовал, как по шее, щекоча, приподнимая волосы, присасывается и ползет какое-то невидимое мягкое существо. Он знал, в чем дело.

Кто-то глядел.

Он медленно, стараясь не делать резких движений, обернулся. Плотвичка фыркнула, мышцы у нее на шее задрожали под кожей.

На склоне, с которого он только что спустился, неподвижно, опершись одной рукой о ствол ольхи, стояла девушка. Ее белое облегающее платье контрастировало с блестящими иссиня-черными растрепанными волосами, спадающими на плечи. Геральту показалось, будто она улыбается, но уверенности не было – она стояла слишком далеко.

– Привет! – бросил он, подняв руку в дружественном жесте, и шагнул в ее сторону.

Девушка, слегка поворачивая голову, следила за его движениями. У нее было бледное лицо и огромные черные глаза. Улыбка – если это была улыбка – слетела с ее губ, словно ее стерли ластиком. Геральт сделал еще шаг. Зашелестели листья. Девушка косулей сбежала по склону, промчалась меж кустов можжевельника и, превратившись в белую черточку, скрылась в глубине леса. Длинное платье, казалось, вовсе не ограничивало свободу ее движений.

Лошадь ведьмака, вздернув морду, испуганно заржала. Геральт, все еще глядевший в сторону леса, машинально успокоил ее знаком. Ведя Плотву за уздечку, пошел вдоль забора, по пояс утопая в лопухах.

Висящие на проржавевших петлях массивные, окованные железом ворота украшала большая медная колотушка. После недолгого колебания Геральт протянул руку и коснулся позеленевшего металла. И сразу отскочил, потому что ворота тут же со скрипом распахнулись, разгоняя по сторонам пучки травы, камушки и ветви. За воротами не было никого – лишь пустой двор, запущенный, заросший крапивой. Ведьмак вошел, ведя лошадь за собой. Одурманенная знаком лошадь не сопротивлялась, но ноги ставила жестко и неуверенно.

Двор с трех сторон был окружен забором и остатками деревянных строительных лесов, четвертую образовывала фасадная стена здания, усеянная оспинами отвалившейся штукатурки, грязными потеками, увитая плющом. Облезлые ставни были закрыты. Двери тоже.

Геральт накинул поводья Плотвички на столбик у ворот и медленно направился к дому по щебенчатой аллейке, проходящей вдоль низкой стенки небольшого фонтана, забитого листьями и мусором. Посередине фонтана на вычурном цоколе вздымался, выгибая к небу отбитый хвост, дельфин, вытесанный из белого камня.

Рядом с фонтаном, на чем-то вроде древней клумбы, рос розовый куст. Ничем, кроме цвета, он не отличался от других кустов роз, какие доводилось видеть Геральту. Цветы были исключением – индиго с легкой примесью пурпура на кончиках некоторых лепестков. Ведьмак коснулся одного, наклонился, понюхал. У цветков был типичный для роз, но немного более резкий запах.

Дверь особняка, а одновременно и все ставни с треском распахнулись. Геральт быстро поднял голову. По аллейке, скрипя щебенкой, прямо на него перло чудище.

Правая рука ведьмака мгновенно взвилась над правым плечом, в тот же миг левая рванула ремень на груди, и рукоять меча сама скользнула в руку. Клинок с шипением выскочил из ножен, описал короткий огненный полукруг и замер, уставившись концом на мчащуюся бестию. Увидев меч, чудище резко остановилось. Щебень прыснул во все стороны. Ведьмак даже не дрогнул.

Существо было человекообразным, выраженным в довольно истрепанную, но хорошего качества одежду, не лишенную со вкусом подобранных, хоть и совершенно нефункциональных украшений. Однако человекообразность эта доходила лишь до грязноватого жабо, а выше вздымалась огромная, косматая медвежья голова с гигантскими ушами, парой диких глазниц и жуткой пастью с кривыми клыками, в которой ярким пламенем шевелился красный язык.

– Вон отсюда, смертный! – рявкнуло чудище, размахивая лапами, но не двигаясь с места. – Сожру! Разорву в клочья!

Ведьмак не шелохнулся, не опустил меч.

– Оглох, что ли? Вон, говорю, отсюда! – зарычало чудище и исторгло из глубин своих звук, напоминающий нечто среднее между визгом свиньи и рыком оленя-самца. Ставни залопотали и захлопали, стряхивая мусор и штукатурку с парапетов. При этом ни ведьмак, ни чудище даже не пошевелились.

– Проваливай, покамест цел! – заорало существо, но вроде бы не так уж уверенно. – А то...

– Что «а то»? – прервал Геральт.

Чудище бурно засопело, наклонило ужасную голову.

– Гляньте-ка, храбрец выискался, – сказала оно спокойно, скаля клыки и глядя на Геральта кроваво-красным глазом. – Опусть свою железяку. Изволь. Может, еще не усек, что ты находишься во дворе моего личного дома? Или там, откуда ты родом, принято угрожать хозяевам мечами на их собственных подворьях?

– Принято, – сказал Геральт. – Но только тем хозяевам, которые приветствуют гостей ревом и посулами разорвать в клочья.

– Ишь ты, – занервничало чудище, – еще оскорбляет, бродяга. Тоже мне гость сыскался. Прет во двор, вытаптывает чужие цветы, распоряжается как дома и думает, что ему немедля поднесут хлеб-соль! Тьфу на тебя!

Чудище сплюнуло, засопело и захлопнуло пасть. Нижние клыки остались снаружи, придавая ему вид кабана-одиночки.

– Ну и что? – сказал ведьмак, опуская меч. – Так и будем стоять?

– А есть другие предложения? Лечь? – хохотнуло чудище. – Говорю же, спрячь железяку.

Ведьмак ловко засунул оружие в ножны на спине, не опуская руки, погладил оголовку, торчащую выше плеча.

– Желательно, – сказал он, – чтоб ты не делал слишком резких движений. Этот меч можно вынуть в любой момент и быстрее, чем думаешь.

– Видел, – кашлянуло чудище. – Если б не это, ты уже давно был бы за воротами с отметиной моего каблука на заднице. Чего тебе тут надо? Откуда ты взялся?

– Заплутал, – солгал ведьмак.

– Заплутал, – повторило чудище, грозно скривив пасть. – Ну так выплутывайся. За ворота, стало быть. Обороти левое ухо к солнцу и так и держись – попадешь на тракт. Ну, чего ждешь?

– Вода тут есть? – спокойно спросил Геральт. – Лошадь пить хочет. Да и я тоже. Если тебе это не в тягость.

Чудище переступило с ноги на ногу, почесало ухо.

– Слушай, ты. Ты что, меня в самом деле не боишься?

– А надо?

Чудище оглянулось, откашлялось, размашисто подтянуло широкие штаны.

– Ладно, чего уж. Гость в дом. Не каждый день встречается человек, который, увидев меня, не драпанул бы или не свалился без чувств. Ну, добро. Ежели ты усталый, но порядочный путник, приглашаю. Но ежели разбойник или вор, знай – дом выполняет мои приказы. За этими стенами команду я!

Он поднял косматую лапу. Ставни тут же заколотились о стену, а в каменном горле дельфина что-то глухо забулькало.

– Приглашаю, – повторил он.

Геральт не пошевелился, внимательно глядя на него.

– Один живешь?

– А тебе какое дело, с кем? – зло проговорило чудище, разевая пасть, а потом громко расхохоталось. – Ага, понимаю. Небось, думаешь, держу сорок молодых, красавцев вроде меня. Нет, не держу. Ну так как, черт побери, воспользуешься приглашением от чистого сердца? Ежели нет, то ворота вон там, как раз за твоим задом.

Геральт сдержанно поклонился и сухо ответил:

– Принимаю приглашение. Закон гостеприимства не нарушу.

– Мой дом – твой дом, – ответило чудище столь же сухо. – Прошу сюда. А кобылу поставь там, у колодца.

Дом внутри тоже требовал солидного ремонта, однако в нем было в меру чисто и опрятно. Мебель вышла, вероятно, из рук хороших мастеров, даже если это и произошло давным-давно. В воздухе витал ощутимый запах пыли. Было темно.

– Свет! – буркнуло чудище, и лучина, воткнутая в железный захват, незамедлительно вспыхнула и выдала пламя и копоть.

– Недурственно, – бросил ведьмак.

– И всего-то? – захохотало чудище. – Похоже, тебя чем попало не проймешь. Я же сказал, дом выполняет мои приказы. Прошу сюда. Осторожнее – лестница крутая. Свет!

На лестнице чудище обернулось.

– А что это у тебя на шее болтается, гостюшка? А?

– Посмотри.

Чудище взяло медальон в лапу, поднесло к глазам, слегка натянув цепочку на шее Геральта.

– У этого животного неприятное выражение... лица. Что это?

– Цеховой знак.

– Ага, вероятно, твое ремесло – намордники? Прошу сюда. Свет!

Середину большой комнаты, в которой не было ни одного окна, занимал огромный дубовый стол, совершенно пустой, если не считать большого подсвечника из позеленевшей меди, увитого фестонами застывшего воска. Выполняя очередную команду, свечи зажглись, замигали, немного осветив помещение.

Одна из стен была увешана оружием – композициями из круглых щитов, скрещивающихся алебард, рогатин и гизард, тяжелых мечей и топоров. Половину прилегающей стены занимал огромный камин, над которым располагались ряды шелушащихся и облезлых портретов. Стену напротив входа заполняли охотничьи трофеи – лопаты лосиных рогов, ветвистые рога оленей отбрасывали длинные тени на головы кабанов, медведей и рысей, на взъерошенные и расчехранные крылья орлиных и ястребиных чучел. Центральное, почетное место занимала отливная старинной бронзой, подпорченная, с торчащей из дыр паклей голова скального дракона. Геральт подошел ближе.

– Его подстрелил мой дедуля, – сказала чудище, кидая в камин огромное полено. – Пожалуй, это был последний дракон в округе, позволивший себя поймать. Присаживайся, гость. Голоден?

– Не откажусь, хозяин.

Чудище уселось за стол, опустило голову, сплело на животе косматые лапы, некоторое время что-то бормотало, крутя большими пальцами, потом негромко рыкнуло, хватив лапой о стол. Тарелки и блюда оловянно и серебристо звякнули, хрустально зазвонили кубки. Запахло жарким, чесноком, душицей, мускатным орехом. Геральт не выдал удивления.

– Так, – потерло лапы чудище. – Получше, чем слуги, а? Угощайся, гость. Вот пулярка, вот ветчина, это пахтет из... Не знаю, из чего. Это вот рябчики. Нет, ядрена вошь, куропатки. Перепутал, понимаешь, заклинания. Ешь, ешь. Настоящая, вполне приличная еда, не бойся.

– Я и не боюсь. – Геральт разорвал пулярку пополам.

– Совсем забыл, – усмехнулось чудище, – что ты не из пугливых. А звать тебя, к примеру, как?

– Геральт. А тебя, хозяин? К примеру же.

– Нивеллен. Но в округе кличут Ублюдком либо Клыкачом. И детей мною пугают. – Чудище опрокинуло в глотку содержимое гигантского кубка, затем погрузило пальцы в паштет, выхватив из блюда половину за раз.

– Детей, говоришь, пугают, – проговорил Геральт с набитым ртом. – Надо думать, без причин?

– Абсолютно. Твое здоровье, Геральт!

– И твое, Нивеллен.

– Ну как винцо? Заметил, виноградное, не яблочное. Но ежели не нравится, наколдую другого.

– Благодарствую. Вполне, вполне. Магические способности у тебя врожденные?

– Нет. Появились, когда это выросло. Морда, стало быть. Сам не знаю, откуда они взялись, но дом выполняет все, чего ни захочу. Ничего особенного. Так, мелочь. Умею наколдовать жратву, выпивку, одежду, чистую постель, горячую воду, мыло. Любая баба сумеет и без колдовства. Отворяю и запираю окна и двери. Разжигаю огонь. Ничего особенного.

– Ну, как-никак, а все же... А эта... как ты сказал, морда, она давно у тебя?

– Двенадцать лет.

– Как это вышло?

– А тебе не все равно? Лучше налей еще.

– С удовольствием. Мне-то без разницы, просто любопытно.

– Повод вполне понятный и в принципе приемлемый, – громко рассмеялось чудище. – Но я его не принимаю. Нет тебе до этого дела, и вся недолга. Однако, чтобы хоть малость удовлетворить твое любопытство, покажу, как я выглядел до того. Взгляни-ка туда, на портреты. Первый от камина – мой папуля. Второй – хрен его знает кто. Третий – я. Видишь?

Из-под пыли и теней с портрета водянистыми глазами взирает какой-то толстячок с пухлой, грустной и прыщавой физиономией. Геральт, который и сам, на манер некоторых портретистов, бывал склонен польстить клиентам, грустно покачал головой.

– Ну, видишь? – осклабившись, повторил Нивеллен.

– Вижу.

– Ты кто такой?

– Не понял.

– Не понял, стало быть? – Чудище подняло голову. Глаза у него загорелись, как у кота. – Мой портрет, гостюшка, висит в тени. Я его вижу, но я-то не человек. Во всяком случае, сейчас. Человек, чтобы рассмотреть портрет, подошел бы ближе, скорее всего взял бы свечу. Ты этого не сделал. Вывод прост. Но я спрашиваю без обиняков: ты человек?

Геральт не отвел взгляда.

– Если ты так ставишь вопрос, – ответил он после недолгого молчания, – то не совсем.

– Ага. Вероятно, я не совершу бестактности, если спрошу, кто же ты в таком разе?

– Ведьмак.

– Ага, – повторил Нивеллен, немного помолчав. – Если мне память не изменяет, ведьмаки довольно своеобразно зарабатывают на жизнь. За плату убивают разных чудищ.

– Не изменяет.

Снова наступила тишина. Языки пламени пульсировали, устремлялись вверх тонкими усиками огня, отражались блесками в резном хрустале кубков, в каскадах воска, стекающего по подсвечнику. Нивеллен сидел неподвижно, слегка шевеля огромными ушами.

– Допустим, – сказал он наконец, – ты ухитришься вытащить меч прежде, чем я на тебя прыгну. Допустим, даже успеешь меня полоснуть. При моем весе это меня не остановит, я

повалю тебя с ходу. А потом дело докончат зубы. Как думаешь, ведьмак, у кого из нас двоих больше шансов перегрызть другому глотку?

Геральт, придерживая большим пальцем оловянную крышку графина, налил себе вина, отхлебнул, откинулся на спинку стула. Он глядел на чудище ухмыляясь, и ухмылка была исключительно паскудной.

– Та-а-ак, – протянул Нивеллен, ковыряя когтем в уголке пасти. – Надобно признать, ты умеешь отвечать на вопросы, не разбрасываясь словами. Интересно, как ты справишься со следующим? Кто тебе за меня заплатит?

– Никто. Я тут случайно.

– А не врешь?

– Я не привык врать.

– А к чему привык? Мне рассказывали о ведьмаках. Я запомнил, что ведьмаки похищают маленьких детей, которых потом пичкают волшебными травами. Кто выживет, становится ведьмаком, волшебником с нечеловеческими способностями. Их учат убивать, искореняют в них всяческие человеческие чувства и рефлексy. Из них делают чудовищ, задача которых уничтожать других чудовищ. Я слышал, говорили, уже пора начать охоту на ведьмаков, потому как чудовищ становится все меньше, а ведьмаков – все больше. Отведай куропатку, пока вовсе не остыла.

Нивеллен взял с блюда куропатку, целиком запихал в пасть и сжевал, словно сухарик, хрустя косточками.

– Молчишь? – спросил он невнятно, проглатывая птичку. – Что из сказанного правда?

– Почти ничего.

– А вранье?

– То, что чудовищ все меньше.

– Факт, их немало, – ощерился Нивеллен. – Представитель оных как раз сидит перед тобой и раздумывает, правильно ли поступил, пригласив тебя. Мне сразу не понравился твой цеховой знак, гостюшка.

– Ты – никакое не чудовище, Нивеллен, – сухо сказал ведьмак.

– А, черт, что-то новенькое. Тогда кто же я, по-твоему? Клюквенный кисель? Клин диких гусей, тянущийся к югу тоскливым ноябрьским утром? Нет? Так, может, я – святая невинность, потерянная у ручья сисястой дочкой мельника? Э? Геральт? Ну скажи, кто я такой? Неужто не видишь – я аж весь трясусь от любопытства?

– Ты не чудовище. Иначе б не смог прикоснуться к этой вот серебряной тарелке. И уж ни в коем случае не взял бы в руку мой медальон.

– Ха! – рывкнул Нивеллен так, что язычки пламени свечей на мгновение легли горизонтально. – Сегодня явно день раскрытия страшных секретов! Сейчас я узнаю, что уши у меня выросли, потому что я еще сосунком не любил овсянки на молоке!

– Нет, Нивеллен, – спокойно сказал Геральт. – Это – результат сглаза. Уверен, ты знаешь, кто навел на тебя порчу.

– А если и знаю, то что?

– Порчу можно снять. И довольно часто.

– Ты как ведьмак, разумеется, умеешь снимать порчу. Довольно часто?

– Умею. Хочешь попробовать?

– Нет. Не хочу.

Чудище раскрыло пасть и вывесило красный язычище длиной в две пяди.

– Ну что, растерялся?

– Верно, – признался ведьмак.

Чудище захохотало, откинулось на спинку стула.

– Я знал, что растеряешься. Налей себе еще, сядь поудобнее. Расскажу тебе всю эту историю. Ведьмак не ведьмак, а глаза у тебя не злые. А мне, видишь ли, приспичило поболтать. Налей себе.

– Уже нечего наливать-то.

– Дьявольщина, – откашлялось чудище, потом снова хватануло лапой по столу. Рядом с двумя пустыми графинами неведомо откуда появился большой глиняный кувшин в ивовой оплетке. Нивеллен сорвал клыками восковую печать. – Как ты, вероятно, заметил, – начал он, наполняя кубки, – округа довольно пустынна. До ближайших людских поселений идти да идти. Потому как, понимаешь, папуля с дедулей в свое время особой любовью ни у соседей, ни у проезжих купцов не пользовались. Каждый, кто сюда заворачивал, в лучшем случае расставался с имуществом, если папуля примечал его с башни. А несколько ближних поселков сгорели, потому как папуля, видишь ли, решил, что они задерживают оброк. Мало кто любил моего папулю. Кроме меня, разумеется. Я страшно плакал, когда однажды на возу доставили то, что осталось от моего папочки после удара двуручным мечом. Дедуля в ту пору уже не разбойничал, потому что с того дня, как получил по черепушке железным шестопером, жутко заикался, пускал слюни и редко когда вовремя успевал добежать до сортира. Получилось, что мне как наследнику досталось возглавить дружину.

Молод я тогда был, – продолжал Нивеллен. – Прямо молокосос, так что парни из дружины мигом меня окрутили. Командовал я ими, как понимаешь, не лучше, чем, скажем, поросенок волчьей стаей. Вскоре начали мы вытворять такое, чего папочка, будь он жив, никогда б не допустил. Опускаю детали, перехожу сразу к сути. Однажды отправились мы аж под самый Гелибол, что под Миртой, и грабанули храм. Вдобавок ко всему была там еще и молоденькая жричка.

– Что за храм, Нивеллен?

– Хрен его знает. Но, видать, скверный был храм. Помню, на алтаре лежали черепа и мослы, горел зеленый огонь. Воняло, аж жуть! Но ближе к делу. Парни прижали жричку, стянули с нее одежду, а потом сказали, что, мол, мне пора уже стать мужчиной. Ну, я и стал, дурной сопляк. В ходе становления жричка плюнула мне в морду и что-то выкрикнула.

– Ну?

– Что я – чудище в человеческой шкуре, что буду чудищем из чудищ, что-то о любви, о крови, не помню. Кинжальчик маленький такой был у нее, кажется, спрятан в прическе. Она покончила с собой, и тут... Драпанули мы оттуда, Геральт, так что чуть коней не загнали. Нет. Скверный был храм...

– Продолжай.

– Дальше было так, как сказала жричка. Дня через два просыпаюсь утром, а слуги, как меня увидели, в рев. И в ноги – бац! Я к зеркалу... Понимаешь, Геральт, запаниковал я, случился со мной какой-то припадок, помню как сквозь туман. Короче говоря, трупы. Несколько. Хватал все, что только под руку попадало, и вдруг стал страшно сильным. А дом помогал как мог: хлопали двери, летали по воздуху предметы, метался огонь. Кто успел, сбежал: тетушка, кузина, парни из дружины, да что там – сбежали даже собаки, воя и поджимая хвосты. Убежала моя кошечка Обжорочка. Со страху удар хватил даже тетушкиного попугая. И вот остался я один, рыча, воя, психуя, разнося в пух и прах что ни попадя, в основном зеркала.

Нивеллен замолчал, вздохнул, шмыгнул носом и продолжал:

– Когда приступ прошел, было уже поздно что-нибудь предпринимать. Я остался один. Никому не мог объяснить, что у меня изменилась только внешность, что, хоть и в ужасном виде, я остался по-прежнему всего лишь глупым пацаном, рыдающим в пустом замке над телами убитых слуг. Потом пришел жуткий страх: вот вернутся те, что спаслись, и прикончат меня, прежде чем я успею растолковать. Но никто не вернулся.

Уродец замолчал, вытер нос рукавом.

– Не хочется вспоминать те первые месяцы, Геральт. Еще и сегодня меня трясет. Давай ближе к делу. Долго, очень долго сидел я в замке, как мышь под метлой, не высовывая носа со двора. Если кто-нибудь появлялся – а случалось это редко, – я не выходил, велел дому хлопнуть несколько раз ставнями либо рывкал через водосточную трубу, и этого обычно хватало, чтобы от сбежавшего посетителя только туча пыли осталась. Но вот однажды выглянул я в окно и вижу, как ты думаешь, что? Какой-то толстяк срезает розы с тетушкиного куста. А надобно тебе знать, что это не хухры-мухры, а голубые розы из Назаира, саженцы привез еще дедуля. Злость меня взяла, выскочил я во двор. Толстяк, как только обрел голос, который потерял, увидев меня, провизжал, что хотел-де всего лишь взять несколько цветков для дочурки, и умолял простить его, даровать жизнь и здоровье. Я уже приготовился было выставить его за главные ворота, но тут кольнуло меня что-то, и вспомнил я сказку, которую когда-то рассказывала Леника, моя няня, старая тетеха. Черт побери, подумал я, вроде бы красивые девушки могут превратить лягушку в принца или наоборот, так, может... Может, в этой брехне есть крупица истины, какая-то возможность... Подпрыгнул я на две сажени, зарывал так, что дикий виноград посыпался со стены, и рывкнул: «Дочка или жизнь!» Ничего лучшего в голову не пришло. И тут купец – а это был купец – кинулся в рев, потом признался, что его доченьке всего восемь годков. Ну, смешно, а?

– Нет.

– Вот и я не знал, смеяться мне или плакать над своей паскудной судьбой. Жаль мне стало купца, смотреть было тошно, как он трясется, пригласил его в дом, угостил, а на прощание насыпал в мешок золота и камушков. А надобно тебе знать, что в подвалах, еще с папулиных времен, оставалось много добра, я не очень-то знал, что с ним делать, так что мог позволить себе широкий жест. Купец просиял, благодарил, аж всего себя оплевал. Видно, где-то похвалился своим приключением, потому что не прошло и двух месяцев, как прибыл сюда другой купец. Прихватил большой мешок. И дочку. Тоже не малую.

Нивеллен вытянул ноги под столом, потянулся так, что затрещал стул.

– Мы быстренько договорились с торгашом. Решили, что он оставит мне дочурку на год. Пришлось помочь ему закинуть мешок на мула, сам бы он не управился.

– А девушка?

– Сначала, увидев меня, лишилась чувств, думала, я ее съем. Но через месяц мы уже сидели за одним столом, болтали и совершали долгие прогулки. Но хоть она была вполне мила и на удивление толкова, язык у меня заплетался, когда я с ней разговаривал. Понимаешь, Геральт, я всегда робел перед девчатами, надо мной потешались даже девки из хлева, те, у которых вечно ноги в навозе и которых наши дружинники крутили как хотели, и так, и этак, и наоборот. Так даже они надо мной смеялись. Чего же ждать теперь-то, думал я, с этакой мордой? Я даже не решился сказать ей, чего ради так дорого заплатил за один год ее жизни. Год этот тянулся, как вонь за народным ополчением, и наконец явился купец и забрал ее. Я же с отчаяния заперся в доме и несколько месяцев не реагировал ни на каких гостей с дочками. Но после года, проведенного в обществе купцовой доченьки, я понял, как тяжело, когда некому слова молвить.

Уродец издал звук, долженствовавший означать вздох, но прозвучавший как икота.

– Следующую, – продолжил он немного погодя, – звали Фэнне. Маленькая, шустрая, болтливая, ну прям королек, только что без крылышек. И вовсе не боялась меня. Однажды, аккуратно была годовщина моих пострижин, упились мы медовухи и... хе, хе. Я тут же выскочил из-под перины и к зеркалу. Признаюсь, был я обескуражен и опечален. Морда осталась какой была, может, чуточку поглупее. А еще говорят, мол, в сказках – народная мудрость! Хрен цена такой мудрости, Геральт! Ну, Фэнне скоренько постаралась, чтобы я забыл о своих печалях. Веселая была девчонка, говорю тебе. Знаешь, что придумала? Мы на пару пугали непрошенных гостей. Представь себе: заходит такой тип во двор, осматривается, а тут с ревом вылетаю я

на четвереньках. А Фэнне, совсем без ничего, сидит у меня на заливке и трубит в дедулин охотничий рог!

Нивеллен затрясся от смеха, сверкнув белизной клыков.

– Фэнне, – продолжал он, – прожила у меня целый год, потом вернулась в семью с крупным приданым. Ухитрилась выйти замуж за какого-то шинкаря, вдовца.

– Продолжай, Нивеллен. Это интересно.

– Да? – сказала чудище, скребя за ушами. – Ну, ну. Очередная, Примула, была дочкой оскудевшего рыцаря. У рыцаря, когда он пожаловал сюда, был только тощий конь, проржавевшая кираса, и был он невероятно длинным. Грязный, как навозная куча, и источал такую же вонь. Примулу, даю руку на отсечение, видно, зачали, когда папочка был на войне, потому как была она вполне ладненькая. И в ней я тоже не возбуждал страха. И неудивительно, потому что по сравнению с ее родителем я мог показаться вполне даже ничего. У нее, как оказалось, был изрядный темперамент, да и я, обретя веру в себя, тоже не давал маху. Уже через две недели у нас с Примулой установились весьма близкие отношения, во время которых она любила дергать меня за уши и выкрикивать: «Загрызи меня, зверюга!», «Разорви меня, бестия!» и тому подобные идиотизмы. В перерывах я бегал к зеркалу, но, представь себе, Геральт, поглядывал в него с возрастающим беспокойством, потому как я все меньше жаждал возврата к прежней, менее работоспособной, что ли, форме. Понимаешь, раньше я был какой-то растяпистый, а стал мужиком хоть куда. То, бывало, постоянно болел, кашлял, и из носа у меня текло, теперь же никакая холера меня не брала. А зубы? Ты не поверишь, какие у меня были скверные зубы! А теперь? Могу перегрызть ножку от стула. Скажи, хочешь, чтобы я перегрыз ножку от стула? А?

– Не хочу.

– А может, так-то оно и лучше, – раззявил пасть уродец. – Девочек веселило, как я управлялся с мебелью, и в доме почти не оставалось целых стульев. – Нивеллен зевнул, при этом язык свернулся у него трубкой. – Надоела мне болтовня, Геральт. Короче говоря: потом были еще две – Илика и Венимира. Все шло как обычно. Тоска! Сначала смесь страха и настороженности, потом проблеск симпатии, подпитываемый мелкими, но ценными сувенирчиками, потом: «Грызи меня, съешь меня всю», потом возвращение ихних папуль, нежное прощание и все более ощутимый ущерб в сундуках. Я решил делать длительные перерывы на одиночество. Конечно, в то, что девичий поцелуйчик изменит мою внешность, я уже давно перестал верить. И смирился. Больше того, пришел к выводу, что все и так идет хорошо и ничего менять не надо.

– Так уж и ничего?

– Ну подумай сам. Я тебе говорил, мое здоровье связано именно с таким телом – это раз. Два: мое отличие действует на девушек как дурман. Не смейся! Я совершенно уверен, что в человеческом обличье мне пришлось бы здорово набегаться, прежде чем я нашел бы такую, например, Венимиру, весьма, скажу тебе, красивую девицу. Думаю, такой парень, каким я изображен на портрете, ее бы не заинтересовал. И, в-третьих, безопасность. У папули были враги, некоторым удалось выжить. У тех, кого отправила в мир иной дружина под моим печальным командованием, остались родственники. В подвалах – золото. Если б не ужас, который я внушаю, кто-нибудь да явился бы за ним. Например, кметы с вилами.

– Похоже, ты уверен, – бросил Геральт, поигрывая пустым кубком, – что в теперешнем своем виде никого не обидел. Ни одного отца, ни одной дочери. Ни одного родственника или жениха дочери. А, Нивеллен?

– Успокойся, Геральт, – буркнуло чудище. – О чем ты говоришь? Отцы чуть не обмочились от радости, увидев мою щедрость. А дочери? Ты бы посмотрел на них, когда они приходили в драных платьях, с лапками, изъеденными щелоком от стирки, спины сутулые от постоянного перетаскивания лоханей. На плечах и бедрах у Примулы еще после двух недель пребывания у меня не прошли следы от ремня, которым потчевал ее папочка-рыцарь. А у меня они ходили

графинюшками: самое тяжелое, что в ручки брали, так это веер; понятия не имели, где здесь кухня. Я их наряжал и увешивал цацками. Своим волшебством нагревал по их желанию воду для жестяной ванны, которую папуля еще для мамы увел из Ассенгарда. Представляешь себе? Жестяная ванна?! Редко у какого графа, да что там, короля есть жестяная ванна! Для них, Геральт, это был сказочный дом. А что до постели... Зараза, невинность в наши дни встречается реже, чем горный дракон. Ни одной я не принуждал, Геральт.

– Но ты подозревал, что кто-то мне за тебя заплатит. И кто бы это мог быть?

– Какой-нибудь стервец, которому покоя не дают те крохи, что остались в моих подвалах, а дочек ему боги не дали, – выразительно произнес Нивеллен. – Человеческая жадность не знает предела.

– И больше никто?

– И больше никто.

Они помолчали, глядя на нервно подрагивающие язычки пламени свечей.

– Нивеллен, – вдруг сказал ведьмак. – Сейчас ты один?

– Ведьмак, – не сразу ответил уродец, – я думаю, мне определенно следует покрыть тебя не самыми приличными словами, взять за шиворот и спустить с лестницы. И знаешь за что? За то, что ты считаешь меня придурком. Я давно вижу, как ты прислушиваешься, как зыркаешь на дверь. Ты прекрасно знаешь, что я живу не один. Верно?

– Верно. Прости.

– Что мне твои извинения. Ты ее видел?

– Да. В лесу, неподалеку от ворот. В этом причина того, что купцы с дочками с некоторых пор уезжают от тебя несолоно хлебавши?

– Стало быть, ты и об этом знал? Да, причина в этом.

– Позволь спросить...

– Не позволю.

Опять помолчали.

– Что ж, воля твоя, – наконец сказал ведьмак, вставая. – Благодарю за хлеб-соль, хозяин. Мне пора.

– И верно. – Нивеллен тоже встал. – По известным причинам я не могу предложить тебе ночлег у себя, а останавливаться в здешних лесах не советую. После того как округа опустела, тут по ночам неладно. Тебе следует вернуться на тракт засветло.

– Учту, Нивеллен. А ты уверен, что не нуждаешься в моей помощи?

Чудище искоса глянуло на него.

– А ты уверен, что можешь мне помочь? Сумеешь освободить от этого?

– Я имел в виду не только это.

– Ты не ответил на вопрос. Хорошо... Пожалуй, ответил. Не сумеешь.

Геральт посмотрел ему прямо в глаза.

– Не повезло вам тогда, – сказал он. – Из всех храмов в Гелиболе и Долине Ниммар выбрали аккурат храм Корам Агх Тэра, Львиноголового Паука. Чтобы снять заклятие, брошенное жрицей Корам Агх Тэра, требуются знания и способности, которых у меня нет.

– А у кого есть?

– Так это тебя все-таки интересует? Ты же сказал, будто тебе сейчас хорошо.

– Сейчас – да. А потом... Боюсь...

– Чего?

Уродец остановился в дверях комнаты, обернулся.

– Я сыт по горло твоими вопросами, ведьмак. Ты только и знаешь, что спрашиваешь, вместо того чтобы отвечать. Похоже, тебя надо спрашивать по-другому. Слушай, меня уже некоторое время... Ну, я вижу дурные сны. Может, точнее было бы сказать «чудовищные». Как думаешь, только коротко, я напрасно чего-то боюсь?

– А проснувшись, ты никогда не замечал, что у тебя грязные ноги? Не находил иголок в постели?

– Нет.

– А...

– Нет. Пожалуйста, короче.

– Правильно делаешь, что боишься.

– С этим можно управиться? Пожалуйста, короче.

– Нет.

– Наконец-то. Пошли, я тебя провожу.

Во дворе, пока Геральт поправлял выюки, Нивеллен погладил кобылу по ноздрям, похлопал по шее. Плотвичка, радуясь ласке, наклонила голову.

– Любят меня зверушки, – похвалился Нивеллен. – Да и я их люблю. Моя кошка Обжорочка, хоть и сбежала вначале, потом все же вернулась. Долгое время это было единственное живое существо, моя спутница недоли. Вереена тоже...

Он осекся, скривил морду.

– Тоже любит кошек? – усмехнулся Геральт.

– Птиц, – ощерился Нивеллен. – Проговорился, язви его. А, да что там. Это никакая не новая купеческая дочка, Геральт, и не очередная попытка найти крупицу истины в старых небылицах. Это нечто посерьезнее. Мы любим друг друга. Если засмеешься, получишь по мордасам.

Геральт не засмеялся.

– Твоя Вереена, – сказал он, – скорее всего русалка. Знаешь?

– Подозреваю. Худенькая. Черненькая. Говорит редко, на языке, которого я не знаю. Не ест человеческую пищу. Целыми днями пропадает в лесу, потом возвращается. Это типично?

– Более-менее. – Ведьмак затянул подпругу. – Ты, верно, думаешь, что она не вернулась бы, если б ты стал человеком?

– Уверен. Знаешь, как русалки избегают людей. Мало кто видел русалку вблизи. А я и Вереена... Эх, язви ее... Ну, бывай, Геральт.

– Бывай, Нивеллен.

Ведьмак дал кобыле в бок и направился к воротам. Урод плелся сбоку.

– Геральт?

– Ну?

– Я не так глуп, как ты думаешь. Ты приехал следом за купцом, который тут недавно побывал. С ним что-то случилось?

– Да.

– Он был у меня три дня назад. С дочкой, впрочем, не из лучших. Я велел дому запереть все двери и ставни, не подавал признаков жизни. Они покрутились по двору и уехали. Девушка сорвала розу с тетушкиного куста и приколола к платью. Ищи их в другом месте. Но будь осторожен, это скверные места... Ночью в лесу опасно. Слышно и видно... неладное.

– Спасибо, Нивеллен. Я не забуду о тебе. Как знать, может, найду кого-то, кто...

– Может, найдешь. А может, и нет. Это моя проблема, Геральт, моя жизнь и моя кара. Я научился переносить, привык. Ежели станет хуже, тоже привыкну. А если уж станет вовсе не вмоготу, не ищи никого, приезжай сам и кончай дело. По-ведьмачьи. Бывай, Геральт.

Нивеллен развернулся и быстро пошел к особняку. Ни разу не оглянувшись.

3

Район был пустынный, дикий, зловеще недружелюбный. До наступления сумерек Геральт на тракт не вернулся, не хотел делать крюк, поехал напрямик, через лес. Ночь, положив меч на

колени, провел на лысой вершине высокого холма у небольшого костерка, в который то и дело подбрасывал пучки бореца. Посреди ночи далеко в долине заметил свет, услышал шальной вой и пение и еще что-то такое, что могло быть только криком истязаемой женщины. Едва рассвело, он двинулся туда, но нашел лишь вытопанную поляну и обугленные кости в еще теплом пепле. В кроне могучего дуба что-то верещало и шипело. Это мог быть леший, но мог быть и обычный лесной кот. Ведьмак не стал задерживаться, чтобы проверить.

4

Около полудня, когда он поил Плотвичку у родника, кобыла дико заржала, рванулась, оскалив желтые зубы и грызя мундштук. Геральт машинально успокоил ее знаком и тут же увидел правильный круг, образованный торчащими из мха головками красноватых грибков.

– Ну, Плотва, ты становишься истеричкой, – сказал он. – Ведь нормальный же ведьмин круг. Что еще за сцены?

Кобыла фыркнула, повернувшись к нему мордой. Ведьмак потер лоб, поморщился, задумался. Потом одним махом оказался в седле, развернул коня, быстро поехал назад по собственным следам.

– «Любят меня зверушки», – буркнул он. – Прости, лошадка. Выходит, у тебя больше ума, чем у меня.

5

Кобыла прыдала ушами, фыркала, рыла копытами землю, не хотела идти. Геральт не стал успокаивать ее знаком, соскочил с седла, перекинул поводья через голову лошади. На спине у него был уже не старый меч в ножнах из кожи ящера, а блестящее красивое оружие с крестовой гардой и изящной, хорошо отбалансированной рукоятью, оканчивающейся шаровым эфесом из белого металла.

На сей раз ворота перед ним не раскрылись, потому что были и без того раскрыты, как он оставил их, уезжая.

Он услышал пение. Не понимал слов, не мог даже разобрать языка. Да это и не нужно было – ведьмак знал, чувствовал и понимал самую природу, сущность пения – тихого, пронизывающего, разливающегося по жилам волной тошнотворного, обессиливающего ужаса.

Пение резко оборвалось, и тут он увидел ее.

Она прильнула к спине дельфина в высохшем фонтане, охватив обомшелый камень маленькими руками, такими белыми, что они казались прозрачными. Из-под бури спутанных черных волос на него глядели огромные, горящие, широко раскрытые антрацитовые глаза.

Геральт медленно приближался мягкими, пружинящими шагами, обходя фонтан полукругом со стороны забора, мимо куста голубых роз. Существо, прилепившееся к хребту дельфина, поворачивало вслед за ним миниатюрное личико, на котором читалась невыразимая тоска, полная такого очарования, что оно заставляло его постоянно слышать пение, хотя маленькие бледные губы не шевелились.

Ведьмак остановился в десяти шагах. Меч, медленно выползая из черных, покрытых эмалью ножен, блеснул над его головой.

– Это серебро, – сказал он. – Клинок серебряный.

Бледное личико не дрогнуло, антрацитовые глаза не изменили выражения.

– Ты так похожа на русалку, – спокойно продолжал ведьмак, – что можешь обмануть кого угодно. Тем более что ты редкая птичка, чернуля. Но лошади не ошибаются. Таких, как ты, они распознают инстинктивно и безошибочно. Кто ты? Думаю, муля или альп. Обычный вампир не вышел бы на солнце.

Уголки белогубого ротика дрогнули и слегка приподнялись.

– Тебя привлёк Нивеллен в своем обличье, верно? Сны, о которых он говорил, – твоя работа? Догадываюсь, что это были за сны, и сочувствую ему.

Черноволосая не пошевелилась.

– Ты любишь птичек, – продолжал ведьмак. – Однако это не мешает тебе перегрызть глотки людям? А? Подумать только, ты и Нивеллен! Хорошая бы вышла парочка, урод и вампириха, хозяйева лесного замка. Сразу б подчинили себе все окрест. Ты, вечно жаждущая крови, и он, твой защитник, убийца по заказу, слепое орудие. Но сначала ему надо было стать настоящим чудовищем, а не человеком в маске чудища.

Огромные черные глаза прищурились.

– Что с ним, черноволосая? Ты пела, значит, насосалась крови. Прибегла к последнему средству – стало быть, не сумела покорить его разум. Я прав?

Черная головка легонько, почти незаметно, кивнула, а уголки губ поднялись еще выше. Выражение маленького личика стало жутеньким.

– Теперь небось считаешь себя хозяйкой дома?

Кивок, на этот раз более явный.

– Так ты – муля?

Медленное отрицательное движение головы. Послышалось шипение, которое могло исходить только из бледных, кошмарно усмехающихся губ, хотя ведьмак не заметил, чтобы они пошевелились.

– Альп?

То же движение.

Ведьмак попятился, крепче стиснул рукоять меча.

– Значит, ты...

Уголки губ стали приподниматься выше, все выше, губы раскрылись...

– Брукса! – крикнул ведьмак, бросаясь к фонтану.

Из-за белых губ сверкнули острые клыки. Брукса подпрыгнула, выгнула спину, словно леопард, и взвизгнула. Звуковая волна тараном ударила в ведьмака, сбивая дыхание, ломая ребра, иглами боли вонзаясь в уши и мозг. Отскочив назад, он еще успел скрестить кисти рук в знак Гелиотроп. Чары немного смягчили удар спиной о забор, но в глазах все равно потемнело, а остатки воздуха со стоном вырвались из легких.

На спине дельфина, в каменном кругу высохшего фонтана, там, где только что сидела изящная девушка в белом платье, расплущилось искрящееся тело огромного черного нетопыря, разевающего продолговатую узкую пасть, заполненную рядами иглоподобных снежно-белых зубов. Развернулись перепончатые крылья, беззвучно захлопали, и существо ринулось на ведьмака, словно стрела, пущенная из арбалета. Геральт, чувствуя во рту железный привкус крови, выкинул вперед руку с пальцами, растопыренными в форме знака Квен, и выкрикнул заклинание. Нетопырь, шипя, резко повернул, с хохотом взвился в воздух и тут же отвесно спикировал прямо на шею ведьмака. Геральт отпрыгнул, рубанул мечом, но промазал. Нетопырь медленно, грациозно, подвернув одно крыло, развернулся, обошел его и снова напал, разевающая зубастую пасть безглазой морды. Геральт ждал, ухватив обеими руками меч и вытянув его в сторону нападающего. В последний момент прыгнул – не в сторону, а вперед, рубанув наотмашь, так что взвыл воздух. И снова промахнулся. Это было так неожиданно, что он выбился из ритма и уклонился с секундной задержкой. В тот же миг когти бестии вцепились ему в щеку, а бархатное влажное крыло принялось хлестать по шее. Ведьмак развернулся на месте, перенес вес тела на правую ногу, резко ударил назад... и в третий раз не достал фантастически подвижного зверя.

Нетопырь замахал крыльями, взлетел, помчался к фонтану. В тот момент, когда кривые когти заскрежетали по камням облицовки, жуткая, истекающая слюной пасть уже расплыва-

лась, изменялась, исчезала, хотя проявляющиеся на ее месте бледные губки все еще не прикрывали убийственных клыков.

Брукса пронзительно, модулируя голос, завывала, уставилась на ведьмака ненавидящими глазами и снова взывала.

Удар волны был так силен, что переборол знак. В глазах Геральта завертелись черные и красные круги, в висках и темени заломило. Сквозь боль, высверливающую уши, он услышал голоса, стоны и вопли, звуки флейты и гобоя, гул вихря. Кожа на лице занемела. Тряся головой, он упал на одно колено.

Черный нетопырь беззвучно плыл к нему, разевая на лету зубастую пасть. Геральт, хоть и выбитый из колеи волной рева, среагировал автоматически. Вскочил, молниеносно подстраивая ритм движений к скорости полета чудища, сделал три шага вперед, вольт и полуоборот и сразу же после этого быстрый, как мысль, удар. Острие не встретило сопротивления. Почти не встретило. Он услышал вопль, но на этот раз – вопль боли, вызванной прикосновением серебра.

Брукса, воя, прилипла к спине дельфина. Немного выше левой груди на белом платье расплывалось красное пятно под рассечкой не больше мизинца длиной. Ведьмак заскрежетал зубами – удар, который должен был располосовать бестию, обернулся всего лишь царапиной.

– Ори, вампириха, – буркнул он, отирая кровь со щеки. – Визжи. Теряй силы. И тогда уж я срублю твою прелестную головку!

Ты. Ослабнешь первым. Колдун. Убью.

Губы не пошевелились, но ведьмак отчетливо слышал слова, они звучали у него в мозгу, глухо звеня, словно из-под воды.

– Посмотрим, – процедил он и, наклонившись, направился к фонтану.

Убью. Убью. Убью.

– Увидим!

– Вереена!!!

Нивеллен, наклонив голову, обеими руками вцепившись в дверную коробку, выполз из дома. Покачиваясь, двинулся к фонтану, неуверенно размахивая лапами. Полы куртки были заляпаны кровью.

– Вереена! – снова рявкнул он.

Брукса резко повернула голову. Геральт, занеся меч для удара, прыгнул к ней, но она среагировала гораздо быстрее. Резкий вопль – и очередная волна сбила ведьмака с ног. Он рухнул навзничь, пополз по гравии дорожки. Брукса выгнулась, напружинилась для прыжка, клыки у нее заблестели разбойничьими стилетами. Нивеллен, раскинув лапы, как медведь, пытался ее схватить, но она рявкнула ему прямо в морду, откинув на несколько сажен к деревянным лесам у стены, которые тут же с диким треском сломались, похоронив его под кучей досок.

Геральт, уже вскочив, мчался полукругом, обходя двор, стараясь отвлечь внимание бруксы от Нивеллена. Брукса, шурша белым платьем, неслась прямо на него, легко, как бабочка, едва касаясь земли. Она уже не вопила и не пыталась трансформироваться. Ведьмак знал, что она устала. Но знал и то, что, даже уставшая, она по-прежнему смертельно опасна. За спиной Геральта Нивеллен, рыча, ворочался под досками.

Геральт отскочил влево, завертел мечом, дезориентируя бруксу. Она двинулась к нему, белая, страшная, растрепанная. Он недооценил ее – она снова завопила. Он не успел сотворить знак, отлетел назад, ударился спиной о стену, боль в позвоночнике пронзила ведьмака, парализовала руки, подсекла колени. Он упал на четвереньки. Брукса, певуче воя, прыгнула к нему.

– Вереена!!! – рявкнул Нивеллен.

Она обернулась. И тогда Нивеллен с размаху вонзил ей между грудей обломанный острый конец трехметровой жерди. Она не крикнула. Только вздохнула. Ведьмак, слыша этот звук, задрожал.

Так они и стояли – Нивеллен на широко расставленных ногах, обеими руками державший жердь, конец которой он зажал под мышкой, и брукса, словно белая бабочка на шпильке, на другом конце жерди, тоже ухватившаяся за нее обеими руками.

Брукса душераздирающе охнула и вдруг сильно нажала на жердь. Геральт увидел, как на ее спине, на белом платье расцвело красное пятно, из которого в потоке крови мерзко и страшно вылезает обломанный острый конец. Нивеллен крикнул, сделал шаг назад, потом второй и начал быстро пятиться, но не отпускал жерди, таща за собой пробитую навывлет бруксу. Еще шаг – и он уперся спиной в стену. Конец жерди, который он держал под мышкой, скрипнул о кирпичи.

Брукса медленно, как-то даже нежно, передвинула маленькие ладони вдоль жерди, вытянула руки на всю длину, сильно ухватила за жердь и нажала снова. Уже почти метр окровавленного дерева торчал у нее из спины. Глаза были широко раскрыты, голова откинута назад. Вздохи стали чаще, ритмичнее, переходя в стон.

Геральт встал, но, зачарованный тем, что видит, по-прежнему не мог ни на что решиться. И тут услышал слова, гудящие внутри черепа, словно под сводом холодного и мокрого подвала.

Мой. Или ничей. Люблю тебя. Люблю.

Снова страшный, прерывистый, захлебывающийся кровью вздох. Брукса рванулась, передвинулась вдоль жерди, протянула руки. Нивеллен отчаянно зарычал, не отпуская жерди, пытаясь отодвинуть бруксу как можно дальше. Напрасно. Она еще больше переместилась вперед, схватила его за голову. Он пронзительно взвыл, замотал косматой головой. Брукса подтянулась еще ближе, наклонила голову к горлу Нивеллена. Клыки сверкнули ослепительной белизной.

Геральт прыгнул. Прыгнул, как высвобожденная пружина. Каждое движение, каждый шаг, которые следовало теперь сделать, были его натурой, были заучены, неотвратимы, автоматичны и смертельно верны. Три быстрых шага. Третий, как сотни подобных шагов до того, кончился на левой ноге могучим, решительным движением. Поворот туловища, резкий, с размаху удар. Он увидел ее глаза. Ничто уже не могло измениться. Услышал ее голос. Впустую. Он крикнул, чтоб заглушить слово, которое она повторяла. Напрасно. Он рубанул.

Рубанул уверенно, как сотни раз до того, серединой лезвия, и тут же, не сбавляя ритма, сделал четвертый шаг и полуоборот. Клинок, в конце полуоборота уже освободившийся, двинулся следом за ним, сверкая, увлекая за собой шлейф красных капель. Волосы цвета воронова крыла заволновались, развеваясь, плыли в воздухе, плыли, плыли, плыли...

Голова упала на гравий.

Чудовищ все меньше?

А я? Кто такой я?

Кто кричит? Птицы?

Женщина в кожане и голубом платье?

Роза из Назаира?

Как тихо!

Как пусто. Какая пустота.

Во мне.

Нивеллен, свернувшись клубком, сотрясаемый спазмами и дрожью, лежал у стены дома в крапиве, обхватив голову руками.

– Встань, – сказал ведьмак.

Молодой, красивый, крепко сложенный мужчина с белой кожей, лежавший у стены, поднял голову, осмотрелся невидящим взглядом. Протер глаза пальцами. Взглянул на свои руки. Ощупал лицо. Тихо застонал, сунул палец в рот, долго водил им по деснам. Снова схватился за лицо и снова застонал, коснувшись четырех кровотокающих вспухших полос на щеках. Охнул, потом засмеялся.

– Геральт! Как это? Как это... Геральт!

– Встань, Нивеллен. Встань и иди. У меня во व्यюках лекарства, они нужны нам обоим.

– Я уже... не... Нет? Геральт? Как это?

Ведьмак помог ему встать, стараясь не глядеть на маленькие, белые, словно прозрачные руки, стиснутые на жерди, торчащей между маленькими грудками, облепленными мокрой красной тканью. Нивеллен застонал снова.

– Вереена...

– Не смотри. Идем.

Они пересекли двор, прошли мимо куста голубых роз, поддерживая друг друга. Нивеллен не переставал ощупывать лицо свободной рукой.

– Невероятно, Геральт. Через столько лет! Неужели это возможно?

– В каждой сказке есть крупица истины, – тихо сказал ведьмак. – Любовь и кровь. В них могучая сила. Маги и ученые не первый год ломают себе над этим головы, но поняли только одно...

– Что, Геральт, что?

– Любовь должна быть истинной.

Глас рассудка III

– Я – Фальвик, граф Мойон. А это рыцарь Тайлес из Дорндаля.

Геральт небрежно поклонился, глядя на рыцарей. Оба были в латах и карминовых плащах со знаком Белой Розы на левом плече. Это его немного удивило: в округе, как он знал, не было ни одной командории этого ордена.

Нэннеке, казалось, свободно и беззаботно улыбнулась, заметив его удивление.

– Благородные господа, – сказала она вскользь, удобнее устраиваясь на своем похожем на трон кресле, – пребывают на службе у владельца здешних земель, дюка Эреварда.

– Князя, – подчеркнуто поправил Тайлес, младший из рыцарей, вперившись в жрицу взглядом ясных голубых глаз, в которых стояла неприязнь. – Князя Эреварда.

– Не будем вдаваться в детали, – усмехнулась Нэннеке. – В мои времена князьями именovali только тех, у кого в жилах текла королевская кровь, сегодня, похоже, это уже не имеет значения. Итак, этих господ я тебе представила, теперь объясню цель визита рыцарей Белой Розы в мою скромную обитель. Тебе следует знать, Геральт, что Капитул пытается получить от Эреварда земельные наделы для Ордена, поэтому многие рыцари Розы поступили на службу к князю. А много здешних, как, например, Тайлес, присягнули ему и приняли красный плащ, который, кстати, ему так к лицу.

– Такая честь. – Ведьмак поклонился так же небрежно, как и раньше.

– Не думаю, – холодно проговорила жрица. – Они приехали не для того, чтобы оказать тебе честь. А совсем даже наоборот. Они требуют, чтобы ты как можно скорее убрался отсюда. Говоря кратко и по сути, они намерены тебя выгнать. Ты считаешь это честью? Я – нет. Я считаю это оскорблением.

– Думается, благородные рыцари трудились напрасно, – пожал плечами Геральт. – Я не собираюсь здесь поселиться. Уеду сам, к тому же вскоре, и нет нужды меня торопить и... подталкивать.

– Вскоре? Немедленно! – буркнул Тайлес. – Сей же момент! Князь приказывает...

– На территории этого храма приказываю я, – прервала Нэннеке холодным, властным тоном. – Я обычно стремлюсь к тому, чтобы мои распоряжения не вступали в чрезмерное противоречие с политикой Эреварда. Если, конечно, его политика достаточно логична и понятна. В данном конкретном случае она иррациональна, поэтому я не собираюсь воспринимать ее серьезнее, нежели она того заслуживает. Геральт из Ривии мой гость, господа. Его пребывание в моем храме мне приятно. Поэтому Геральт из Ривии останется в моем храме до тех пор, пока ему этого хочется.

– Ты имеешь наглость противиться князю, женщина? – крикнул Тайлес, откидывая на руку плащ и демонстрируя во всей красе рифленый, украшенный латунью нагрудник. – Ты осмеливаешься подрывать авторитет власти?

– Тише, тише, – сказала Нэннеке и прищурилась. – Сбавь тон. Следи за тем, что говоришь и с кем говоришь.

– Я знаю, с кем говорю! – шагнул вперед рыцарь. Фальвик, тот, что постарше, крепко схватил его за локоть и стиснул так, что скрипнула железная перчатка. Тайлес яростно рванулся. – А говорю я то, что выражает волю князя, хозяина здешних владений! Знай, женщина, у ворот нас ожидают двенадцать солдат...

Нэннеке сунула руку в висящий на поясе мешочек и вынула небольшую фарфоровую баночку.

– Поверь мне, я не знаю, – спокойно сказала она, – что будет, если я разобью эту баночку у твоих ног, Тайлес. Возможно, у тебя разорвутся легкие. Не исключено, что ты покроешься шерстью. А может, и то и другое разом, кто знает? Пожалуй, только милостивая Мелитэле.

– Ты смеешь угрожать мне чарами, жрица? Да наши солдаты...

– Ваши солдаты, стоит хоть одному из них коснуться жрицы Мелитэле, будут висеть на акациях вдоль дороги до самого города, причем еще раньше, чем солнце коснется горизонта. Они отлично знают это. Да и ты тоже, Тайлес, так что перестань хамить. Я принимала тебя, сопляк, прости, Господи, обкаканный, и мне жаль твоей матери, но не искушай судьбу. Не заставляй меня учить тебя хорошим манерам!

– Ну ладно, ладно, – вставил ведьмак, которому все это уже надоело. – Похоже, моя скромная персона может стать причиной серьезного конфликта, а я не вижу повода потворствовать этому. Милсдарь Фальвик, вы кажетесь мне более уравновешенным, чем ваш спутник, которого, как я вижу, заносит по молодости. Послушайте, милсдарь, я обещаю вскоре покинуть здешние места. Через два-три дня. Заявляю также, что не собирался и не собираюсь впредь здесь работать, выполнять заказы и принимать поручения. Я тут не в качестве ведьмака, а просто как частное лицо.

Граф Фальвик глянул ему в глаза, и Геральт сразу понял свой промах. В глазах рыцаря Белой Розы таилась чистая, невозмутимая и ничем не замутненная ненависть. Ведьмаку стало ясно, что выбрасывает и изгоняет его вовсе не дюк Эревард, а Фальвик и ему подобные.

Рыцарь повернулся к Нэннеке, уважительно поклонился и начал речь. Говорил он спокойно и почтительно. Говорил он логично. Но Геральт знал, что Фальвик лжет как сивый мерин.

– Почтенная Нэннеке, прошу простить меня, но князь Эревард, мой сеньор, не желает видеть в своих владениях ведьмака Геральта из Ривии. Не важно, охотится ли Геральт из Ривии на чудовищ или полагает себя частным лицом. Князь знает, что Геральт из Ривии частным лицом не бывает. Ведьмак притягивает неприятности, как магнит железные опилки. Чародеи возмущаются и шлют петиции, друиды в открытую грозятся...

– Не вижу оснований заставлять Геральта из Ривии страдать от разнузданности здешних чародеев и друидов, – прервала жрица. – С каких это пор Эреварда стало интересоваться мнение тех и других?

– Довольно болтать, – поднял голову Фальвик. – Или я выражаюсь недостаточно ясно, почтенная Нэннеке? Тогда скажу так ясно, что яснее некуда: ни князь Эревард, ни Капитул Ордена не намерены ни дня терпеть в Элландере ведьмака Геральта из Ривии, известного как Мясник из Блавикена.

– Здесь не Элландер, – вскочила с кресла жрица. – Здесь храм Мелитэле! А я, Нэннеке, главная жрица Мелитэле, не желаю больше ни минуты терпеть вас на территории храма, господа!

– Милсдарь Фальвик, – тихо произнес ведьмак, – послушайтесь гласа рассудка. Я не хочу осложнений, да и вам, мне думается, они ни к чему. Я покину здешние места самое большее через три дня. Нет, Нэннеке, прошу тебя, помолчи. Мне все равно уже пора в путь. Три дня, граф. Большого я не прошу.

– И правильно делаешь, что не просишь, – сказала жрица, прежде чем Фальвик успел ответить. – Вы слышали, парни? Ведьмак останется здесь на три дня, ибо таково его желание. А я, жрица Великой Мелитэле, буду принимать его у себя эти три дня, ибо таково мое желание. Передайте это вашему Эреварду. Нет, не Эреварду. Его супружнице, благородной Эрмелле, и добавьте, что если она хочет, чтобы не прерывались поставки афродизий из моей аптеки, то пусть успокоит своего дюка. Пусть сдерживает его капризы и фанаберии, которые все больше начинают смахивать на кретинизм.

– Довольно! – тонко крикнул Тайлес, и голос перешел у него в фальцет. – Не желаю слушать, как какая-то шарлатанка оскорбляет моего сеньора и его супругу! Не прошу такого неуважения! Отныне здесь будет править Орден Белой Розы. Конец вашим рассадникам тьмы и предрассудков. А я, рыцарь Белой Розы...

– Слушай, ты, молокосос, – прервал Геральт, скверно ухмыльнувшись. – Сдержи свой дурной язычишко. Ты разговариваешь с женщиной, которую должно уважать. Тем более рыцарю Белой Розы. Правда, чтобы стать таковым, последнее время достаточно внести в скарбницу Капитула тысячу новиградских крон, потому-то Орден и стал скопищем отпрысков ростовщиков и портняжек, но какая-то порядочность в вас, надеюсь, еще сохранилась? Или я ошибаюсь?

Тайлес побледнел и потянулся за мечом.

– Фальвик, – сказал Геральт, не переставая усмехаться, – если он вытянет меч, я отберу и отстегаю сопляка по заднице. А потом вышибу им двери.

Тайлес дрожащей рукой вытащил из-за пояса железную перчатку и со звоном кинул на пол к ногам ведьмака.

– Я смою оскорбление Ордена твоей кровью, выродок! – взвизгнул он. – Вызываю тебя на поединок! Выходи во двор!

– У тебя что-то упало, сынок, – спокойно произнесла Нэннеке. – Подними, пожалуйста, здесь сорить не положено, здесь – храм. Фальвик, уведи отсюда своего придурка, иначе это кончится несчастьем. Ты знаешь, что надо передать Эреварду. Впрочем, я напишу ему личное письмо: вы не вызываете у меня доверия. Убирайтесь отсюда. Найдете выход сами, надеюсь?

Фальвик, удерживая разъяренного Тайлеса железной хваткой, поклонился, звякнув латами. Потом посмотрел в глаза ведьмаку. Ведьмак не улыбался. Фальвик перекинул через плечо карминовый плащ.

– Это был не последний наш визит, почтенная Нэннеке, – сказал он. – Мы вернемся.

– Именно этого я опасалась, – холодно ответила жрица. – К несчастью.

Меньшее зло

1

Первыми, как обычно, на него обратили внимание кошки и дети. Полосатый котяра, дремавший на нагретой солнцем поленнице, приподнял круглую голову, прижал уши, фыркнул и юркнул в крапиву. Трехгодовалый Драгомир, сын рыбака Тригли, прилагавший на пороге хаты все усилия к тому, чтобы еще больше испачкать и без того грязную рубашонку, раскричался, уставившись полными слез глазами на проезжавшего мимо верхового. Ведьмак ехал медленно, не пытаясь опередить воз с сеном, занимавший всю ширину улицы. За ведьмаком, вытянув шею и то и дело сильно натягивая веревку, трусил привязанный к луке седла навьюченный осел. Кроме обычного груза, длинноухий трудяга тащил на спине большую штуковину, обернутую попоной. Серо-белый бок осла покрывали черные полосы запекшейся крови.

Наконец воз свернул в боковую улочку, ведущую к амбарам и пристани, от которой веяло бризом и несло смолой и воловьей мочой. Геральт поторопил лошадь. Он оставил без внимания приглушенный крик торговки овощами, уставившейся на костлявую, когтистую лапу, свисающую из-под попоны и подпрыгивающую в такт шагам осла. Не оглянувшись и на растущую кучку возбужденных людей, следовавших за ним.

Перед домом войта, как обычно, было полно телег. Геральт соскочил с кобылы, поправил меч на спине, перекинул узду через деревянную коновязь. Толпа, следовавшая за ним, образовала вокруг осла полукольцо.

Вопли войта были слышны уже от самого входа в дом.

– Нельзя, говорю! Нельзя, мать твою! По-людски не понимаешь, паршивец?

Геральт вошел. Перед войтом, низеньким и толстым, покрасневшим от злости, стоял кмет, держа за шею вырывающегося гусака.

– А тебе чего... О господи! Это ты, Геральт? Уж не ослеп ли я? – И снова обращаясь к просителю, крикнул: – Забирай это, хамло! Оглох, что ли?

– Сказали, – бормотал крестьянин, косясь на гуся, – вот, дескать, надоть чегой-то дать, уважаемый, потому как иначе-то...

– Кто сказал? – рявкнул войт. – Кто? Это что же, выходит, я взятки беру? Не позволю, сказано тебе! Вон, сказано тебе! Привет, Геральт.

– Привет, Кальдемейн.

Войт, пожимая руку ведьмаку, хлопнул его по плечу свободной рукой.

– Ты тут не бывал, почитай, года два? А? Что ж ты нигде не усидишь-то? Откуда занесло? А, хрен с ним, не все равно откуда! Эй, кто-нибудь, тащите сюда пива! Садись, Геральт, садись. У нас тут, понимаешь, черт-те что творится, потому как завтра ярмарка. Ну, что там у тебя, выкладывай!

– Потом. Давай выйдем.

Толпа была уже раза в три побольше, но свободное пространство вокруг осла не уменьшилось. Геральт отвернул попоны. Толпа ахнула и попятилась. Кальдемейн широко раскрыл рот.

– Господи, Геральт? Это что такое?

– Кикимора. Не будет ли за нее какой-нибудь награды, милсдарь войт?

Кальдемейн переступил с ноги на ногу, глядя на паучье, обтянутое черной высохшей кожей тело, на остекленевший глаз с вертикальным зрачком, на иглоподобные клыки в окровавленной пасти.

– Где... Откуда...

– На плотине, верстах в четырех от поселка. На болотах. Там, Кальдемейн, кажется, гибли люди. Дети.

– Угу, отлично. Но никто... Кто бы мог подумать... Эй, людишки, по домам, за работу! Тут вам не балаган! Закрой ее, Геральт. Мухи слетаются.

В комнате войт молча схватил кувшин пива и выпил до дна не отрываясь. Тяжко вздохнул, потянул носом.

– Награды не будет, – угрюмо сказал он. – Никто и не думал, что такая... такой... сидит на соленых болотах. Факт, несколько человек пропало в тамошних местах, но... Мало кто лазил по тем трясинам. А ты-то как там очутился? Почему не ехал большаком?

– На большаках не заработаешь, Кальдемейн.

– Я забыл. – Войт, надув щеки, сдержал отрыжку. – А ведь какая была тихая округа! Даже домовые – и те редко отливали бабам в крынки с молоком. И вот, поди ж ты, под самым боком какая-то дрянь. Выходит, надо тебя благодарить. Потому как заплатить – не заплачу. Фондов нету. На награды-то.

– Скверно. Немного наличных мне б не помешали, чтобы перезимовать. – Ведьмак отхлебнул из кружки, смахнул с губ пену. – Отправляюсь в Испаден, да не знаю, успею ли до снега. Могу застрять в каком-нибудь городишке вдоль Лутонского тракта.

– Надолго к нам, в Блавикен?

– Нет. Нельзя засиживаться. Зима подпирает.

– Где остановишься? Может, у меня? На мансарде есть свободная комната. На кой тебе к трактирщикам переться? Обдерут как липку, разбойники. Поболтаем, расскажешь, что в мире слыхать.

– Охотно. А как на это твоя Либуше? Последний раз я заметил, она не очень-то меня жалуется.

– В моем доме бабы ни гугу. Но так, между нами, постарайся не делать при ней того, что недавно выкинул за ужином.

– Ты имеешь в виду, когда я запустил вилкой в крысу?

– Нет. Я имею в виду, что ты в нее попал, хотя было темно.

– Я думал, будет забавно.

– Оно и было. Только не делай этого при Либуше. Слушай, а эта... как там ее... Куки...

– Кикимора.

– Она тебе для чего-то нужна?

– Интересно, для чего бы? Если награды не будет, можешь выкинуть ее на помойку.

– А знаешь, это мысль. Эй, Карэлька, Борг, Носикамень! Есть там кто?

Вошел городской стражник с алебардой на плече, с грохотом задев острием о притолоку.

– Носикамень, – сказал Кальдемейн, – прихвати кого-нибудь в помощь, заberi от хаты осла вместе с той дрянью, что покрыта попоной, отведи за хлевы и утопи в навозной яме. Усек?

– Угу... Слушаюсь... Только, милсдарь войт...

– Чего еще?

– Может, прежде чем утопить...

– Ну?

– Показать ее мэтру Ириону? А вдруг ему куда-нито сгодится?

Кальдемейн хлопнул ладонью по столу.

– А ты не дурак, Носикамень. Слушай, Геральт, может, наш городской колдун отвалит тебе чего за эту падаль? Рыбаки приносят разных чудовищ, восьминогов там, крабаллонов, каракатов, на этом многие заработали. А ну пошли в башню.

– Разбогатели? Собственного колдуна завели? Навсегда или временно?

– Навсегда. Мэтр Ирион. Уже год как в Блавикене. Сильный маг, Геральт, сразу видно.

– Не думаю, чтобы ваш сильный маг заплатил за кикимору, – поморщился Геральт. – Насколько мне известно, она на эликсиры не годится. Думаю, Ирион только отчитает меня. Мы, ведьмаки, не очень-то дружим с волшебниками.

– Никогда не слышал, чтобы мэтр Ирион кого-нибудь обругал. Заплатит ли, не обещаю, но попытка не пытка. На болотах таких куки... это, кикимор, может быть, много. И что тогда? Пусть колдун осмотрит ее и в случае чего наведет на топи какие-нибудь чары или чего там еще.

Ведьмак ненадолго задумался.

– Ну что ж, один-ноль в твою пользу, Кальдемейн. Рискнем. Где моя шапка?

2

Башня, сложенная из гладко отесанных гранитных блоков, увенчанная каменными зубцами, выглядела вполне представительно, возвышаясь над побитыми крышами домов и полуразвалившимися кровлями халуп.

– Вижу, подновил, – сказал Геральт. – Волшебством или вас на работы согнал?

– В основном чарами.

– Какой он, этот ваш Ирион?

– Вполне нормальный. Людям помогает. Но отшельник, молчун. Почти не выходит из башни.

На дверях, украшенных розеттой и инкрустированных светлым деревом, висела огромная колотушка в форме плоской пучеглазой рыбьей головы, державшей в зубастой пасти латунное кольцо. Кальдемейн, видать, знакомый с действием механизма, подошел, откашлялся и проговорил:

– Приветствует войт Кальдемейн, явившийся к мэтру Ириону по делу. С ним приветствует также ведьмак Геральт из Ривии, также явившийся по делу.

Долгое время ничего не происходило, наконец рыбья голова, пошевелив зубастыми челюстями, выпустила облако пара.

– Мэтр Ирион не принимает. Уходите, добрые...

– Я не добрый человек, – громко прервал Геральт. – Я ведьмак. А вон там, на осле, лежит кикимора, которую я убил недалеко от городка. Любой волшебник-резидент обязан заботиться о безопасности района. Мэтру Ириону ни к чему оказывать мне честь беседой, и он не обязан меня принимать, ежели такова его воля. Но кикимору пусть осмотрит и сделает соответствующие выводы. Носикамень, раскрой кикимору и свали ее здесь, у самых дверей.

– Геральт, – тихо сказал войт. – Ты-то уедешь, а мне тут придется...

– Пошли, Кальдемейн. Носикамень, вынь палец из носа и делай что велят.

– Сейчас, – проговорила колотушка совсем другим голосом. – Геральт, это верно ты?

Ведьмак тихо выругался.

– Ну, зануда! Да, верно я. Ну и что с того, что это верно я?

– Подойди ближе к двери, – произнесла колотушка, испуская облачко пара. – Один. Я тебя впущу.

– А как с кикиморой?

– Черт с ней. Я хочу поговорить с тобой, Геральт. Только с тобой. Извините, войт.

– Да чего уж там, мэтр Ирион, – махнул рукой Кальдемейн. – Бывай, Геральт. Увидимся позже. Носикамень! Уродину в жижу!

– Слушаюсь!

Ведьмак подошел к инкрустированной двери, она слегка приоткрылась, ровно настолько, чтобы он мог протиснуться, и тут же захлопнулась, оставив его в полной темноте.

– Эгей! – крикнул он, не скрывая раздражения.

– Готово, – ответил удивительно знакомый голос...

Впечатление было настолько неожиданным, что ведьмак покачнулся и вытянул руки в поисках опоры. Опоры не было.

Сад цвел белым и розовым, воздух был напоен ароматом дождя. Небо пересекала многоцветная радуга, связывая кроны деревьев с далекой голубоватой цепью гор. Домик посреди сада, маленький и скромный, утопал в мальвах. Геральт глянул под ноги и увидел, что стоит по колено в тимьяне.

– Ну, иди же, Геральт, – прозвучал голос. – Я у дома.

Он вошел в сад. Слева заметил движение, оглянулся. Светловолосая девушка, совершенно нагая, шла вдоль кустов, неся корзинку, полную яблок. Ведьмак торжественно поклялся самому себе больше ничему не удивляться.

– Наконец-то. Приветствую тебя, ведьмак.

– Стрегобор! – удивился решивший не удивляться Геральт.

Ведьмаку встречались в жизни разбойники с внешностью городских советников, советники, похожие на вымаливающих подавание старцев, блудницы, смотревшиеся принцессами, принцессы, выглядевшие как стельные коровы, и короли с манерами разбойников. Стрегобор же всегда выглядел так, как по всем канонам и представлениям должен выглядеть чародей. Он был высок, худ, согбен, у него были буйные кустистые брови и длинный крючковатый нос. Вдобавок он носил черный, ниспадающий до земли балахон с широченными рукавами, а в руке держал длиннющий посох с хрустальным шариком на конце. Ни один из знакомых Геральту чародеев не выглядел так, как Стрегобор. И – что самое удивительное – Стрегобор действительно был чародеем.

Они присели на терраске, окруженной мальвами, расположившись в плетеных ивовых креслах у столика со столешницей из белого мрамора. Нагая блондинка с корзиной яблок подошла, улыбнулась и снова направилась в сад, покачивая бедрами.

– Тоже иллюзия? – спросил Геральт, любясь колышущимися прелестями.

– Тоже. Как и все здесь. Но, дорогой мой, это иллюзия высшего класса. Цветы пахнут, яблоки можешь отведать, пчела может тебя ужалить, а ее, – чародей указал на блондинку, – ты можешь...

– Возможно, позднее...

– И верно. Что поделяешься здесь, Геральт? По-прежнему трудишься, за деньги истребляя представителей вымирающих видов? Что получил за кикимору? Наверное – ничего, иначе б не пришел сюда. Подумать только, есть люди, не верящие в Предназначение. Разве что знал обо мне. Знал?

– Не знал. Уж если я где не ожидал тебя встретить, так именно здесь. Если мне память не изменяет, раньше ты жил в Ковире, в такой же башне.

– Много изменилось с тех пор.

– Хотя бы твое имя. Теперь ты вроде бы зовешься мэтром Ирионом?

– Так звали строителя этой башни, он скончался лет двадцать назад. Я решил, что его надо как-то почтить, ну и занял его обитель. Я тут сижу за резидента. Большинство горожан живут дарами моря, а, как тебе известно, моя специальность – кроме иллюзий, разумеется, – это погода. Порой шторм пригашу, порой вызову, то западным ветром пригоню ближе к берегу косяк мерлангов или угрей. Жить можно. То есть, – добавил он грустно, – можно бы жить.

– Почему «можно бы»? И зачем ты сменил имя?

– У Предназначения масса обличей. Мое прекрасно снаружи и отвратительно внутри. Оно протянуло ко мне свои окровавленные когти...

– Ты ничуть не изменился, Стрегобор, – поморщился Геральт. – Плетешь ерунду и при этом строишь умные и многозначительные мины. Не можешь говорить нормально?

– Могу, – вздохнул чернокнижник. – Если это доставит тебе удовольствие, могу. Я забрался сюда, сбежав от жуткого существа, которое собралось меня прикончить. Бегство

ничего не дало, оно меня нашло. По всей вероятности, попытается убить завтра, в крайнем случае – послезавтра.

– Та-а-ак, – бесстрастно протянул ведьмак. – Теперь понимаю.

– Что-то мне сдается, моя возможная смерть не очень-то тебя волнует.

– Стрегобор, – сказал Геральт. – Таков мир. Путешествуя, видишь многое. Двое бьются из-за межи посреди поля, которое завтра истопчут кони дружин двух здешних графов, жаждущих уничтожить друг друга. Вдоль дорог на деревьях болтаются висельники, в лесах разбойники перерезают глотки купцам. В городах то и дело натыкаешься на трупы в сточных канавах. В дворцах тычут друг друга стилетами, а на пиршествах то и дело кто-нибудь валится под стол, синий от отравы. Я привык. Так чего же ради меня должна волновать грозящая кому-то смерть, к тому же грозящая не мне, а тебе?

– К тому же грозящая мне, – усмехнувшись, повторил Стрегобор. – А я-то считал тебя другом. Надеялся на твою помощь.

– Наша последняя встреча, – сказал Геральт, – имела место при дворе короля Иди в Ковире. Я пришел получить плату за уничтожение амфисбены, которая терроризировала всю округу. Тогда ты и твой собрат Завист наперебой обзывали меня шарлатаном, бездумной машиной для убийств и, если мне память не изменяет, трупоедом. В результате Иди не только не заплатил мне ни шелонга, но еще велел за двенадцать часов убраться из Ковира, а поскольку клепсида у него была испорчена, я едва-едва успел. А теперь ты говоришь, что рассчитываешь на мою помощь. Говоришь, что тебя преследует чудовище. Чего ты боишься, Стрегобор? Если оно на тебя нападет, скажи ему, что обожаешь чудовищ, оберегаешь их и следишь за тем, чтобы ни один трупоедский ведьмак не нарушил их покоя. Ну а уж если и после этого чудовище выпотрошит тебя и сожрет, значит, оно чудовищно неблагодарное чудовище.

Колдун, отвернувшись, молчал. Геральт рассмеялся.

– Не надуйся как жаба, маг. Говори, что тебе угрожает. Посмотрим, что можно сделать.

– Ты слышал о Проклятии Черного Солнца?

– А как же. Слышал. Только под названием Мании Сумасшедшего Эльтибальда. Так звали мага, который устроил бузу, в результате которой перебили или заточили в башни несколько десятков высокородных девиц. Даже королевских кровей. Якобы они были одержимы дьяволом, прокляты, порчены Черным Солнцем, как на вашем напыщенном жаргоне вы окрестили обыкновеннейшее солнечное затмение.

– Эльтибальд, который вовсе не был сумасшедшим, расшифровал надписи на менгирах дауков, на надгробных плитах в некрополях вожгоров, проанализировал легенды и мифы детолаков. Никаких сомнений быть не могло. Черное Солнце должно было предвещать скорое возвращение Лилиты, почитаемой на Востоке под именем Нийями, и гибель человечества. Дорогу для Лилиты должны были проложить «шестьдесят дев в золотых коронах, кои кровью заполнят русла рек».

– Бред, – сказал ведьмак. – И вдобавок нерифмованный. Все приличные предсказания бывают в стихах. Всем известно, что имел в виду Эльтибальд и Совет Чародеев. Вы воспользовались бредом сумасшедшего, чтобы укрепить свою власть, разрушить союзы, не допустить родственных связей, устроить неразбериху в династиях – словом, как следует подергать за веревочки, подвязанные к марионеткам в коронах. А ты мне мозги пудришь какими-то предсказаниями, которых постыдился бы даже кривой старик на ярмарке.

– Можно скептически относиться к теории Эльтибальда, к интерпретациям предсказателей. Но нельзя отрицать того факта, что у девушек, родившихся после затмения, наблюдаются чудовищные мутации.

– Почему же нельзя? Я слышал нечто диаметрально противоположное.

– Я присутствовал при вскрытии одной из них, – сказал волшебник. – Геральт, то, что мы обнаружили внутри черепа и спинного мозга, невозможно было однозначно определить.

Какая-то красная губка. Внутренние органы смещены, перемешаны, некоторых вообще нет. Все покрыто подвижными жгутиками, сине-розовыми лоскутками. Сердце с шестью камерами. Две практически атрофированы, но тем не менее. Что ты на это скажешь?

– Я видел людей, у которых вместо рук орлиные когти, людей с волчьими клыками. Людей с дополнительными суставами, дополнительными органами и дополнительными чувствами. Все это были результаты вашей возни с магией.

– Говоришь, видел различные мутации? – поднял голову чернокнижник. – А скольких из них ты угробил за деньги в соответствии со своим ведьмачьим призванием? А? Потому как можно иметь волчьи клыки и ограничиться тем, что их показываешь девкам в хлеву, а можно иметь волчью натуру и нападать на детей. Именно так было с рожденными после затмения девочками, у которых обнаружили необъяснимая склонность к жестокости, агрессивность, бурные вспышки гнева и чрезмерный темперамент.

– У любой бабы при желании можно отыскать подобное, – усмехнулся Геральт. – Что ты плетешь? Выпытываешь, сколько мутантов я убил, а почему тебя не интересует, скольких я расколдовал, освободил от сглаза? Я, ведьмак, которого вы презираете. А что сделали вы, могущественные чернокнижники?

– Применили высшую магию. Нашу и священническую в различных храмах. Все испытания окончились смертью девушек.

– Это плохо говорит о вас, а не о девушках. Итак, первые трупы. Насколько я понимаю, вскрывали только их?

– Не только. Не смотри на меня так, сам прекрасно знаешь, что были и еще трупы. Сначала решили было ликвидировать всех. Но потом передумали... Тех же, которых все-таки... убирала, вскрывали. Одну подвергли вивисекции.

– И вы, сукины дети, еще осмеливаетесь критиковать ведьмаков? Эх, Стрегобор, Стрегобор, придет день, люди поумнеют и возьмутся за вас.

– Не думаю, чтобы это случилось очень скоро, – кисло заметил чародей. – Не забывай, мы действовали, защищая людей. Мутантки залили бы кровью целые страны.

– Так утверждаете вы, колдуны, задрав носы выше своего нимба непогрешимости. Коли уж об этом зашла речь, ты, вероятно, не станешь утверждать, что якобы, охотясь на так называемых мутантов, вы ни разу не ошиблись?

– Ладно, – сказал Стрегобор после долгого молчания. – Буду откровенен, хотя в собственных интересах и не следовало бы. Ошиблись, и к тому же не раз. Разделить их по группам оказалось весьма трудным делом. Поэтому мы перестали их... убивать, а стали изолировать.

– Ну да, ваши знаменитые башни, – фыркнул ведьмак.

– Да, наши башни. Однако это была очередная ошибка. Мы недооценили их, и многие сбежали. Среди принцев, особенно тех, что помоложе, которым нечего было делать, а еще меньше – терять, распространилась какая-то идиотская мода освобождать заключенных красоток. К счастью, большинство свернули себе шеи.

– Насколько мне известно, заточенные в башнях девушки быстро умирали. Поговаривают, не без вашей помощи.

– Наглая ложь. Однако действительно они быстро погружались в апатию, отказывались от пищи... Что интересно, незадолго до смерти у них прорезывался дар ясновидения. Очередное доказательство мутации.

– Что ни доказательство, то все менее убедительное. Может, есть и другие?

– Есть. К примеру, Сильвена, хозяйка в Нароке, к которой нам не удалось даже приблизиться, так быстро она взяла власть в свои руки. Сейчас там творятся жуткие вещи.

Фиалка, дочь Эвермира, сбежала из башни, воспользовавшись шнурком, сплетенным из косичек, и давно терроризирует Северный Вельгад. Бернику из Тальгара освободил дурень-

принц. Его же и ослепили, и теперь он сидит в яме, а самый заметный элемент пейзажа в Тальгаре – шибеница. Есть и еще примеры.

– Именно что есть, – сказал ведьмак. – В Ямурлаке, например, правит старичок Абрад, у него золотуха, ни одного зуба, родился он, почитай, лет за сто до затмения, а не уснет, ежели кого-нибудь не обезглавят в его присутствии. Вырезал всех родственников и перебил половину страны в состоянии, как это говорится, невменяемости. Заметны и следы чрезмерного темперамента, в юности у него, кажется, прозвище было Абрад Юбкодрал. Эх, Стрегобор, славно было бы, если б жестокость владык можно было объяснить мутацией или заклятиями...

– Послушай, Геральт...

– И не подумай. Ты не убедишь меня в своей правоте и тем более в том, что Эльтибальд не был сумасшедшим разбойником. Вернемся к чудовищу, которое тебе якобы угрожает. Я выслушал тебя и должен сказать: рассказанная тобою история мне не нравится. Но я дослушаю ее до конца.

– Не перебивая ехидными замечаниями?

– Обещать не могу.

– Ну что ж, – Стрегобор засунул руки в рукава балахона, – тем больше это займет времени. Итак, история началась в Крейдене, маленьком северном княжестве. Женой Фредефалька, княжившего в Крейдене, была Аридея, умная, образованная женщина. В роду у нее было множество последователей искусства чернокнижников, и, вероятно, по наследству ей достался довольно редкий и могущественный артефакт, Зеркало Нехалены. Как известно, Зеркалами Нехалены в основном пользовались пророки и ясновидцы, потому что они безошибочно, хоть и путано, предсказывали будущее. Аридея довольно часто обращалась к Зеркалу...

– С обычным, как я думаю, вопросом, – прервал Геральт, – «Кто на свете всех милее?». Насколько мне известно, Зеркала Нехалены подразделяются на лъстивые и разбитые.

– Ошибаешься. Аридею больше интересовала судьба страны. А отвечая на ее вопросы, Зеркало предсказало мучительную смерть ее самой и множества ее подданных от руки либо по вине дочери Фредефалька от первого брака. Аридея постаралась, чтобы известие это дошло до Совета, а Совет послал в Крейден меня. Думаю, не надо добавлять, что дочурка Фредефалька родилась вскоре после затмения. Я некоторое время наблюдал за девчонкой. И пока наблюдал, она успела замучить канарейку, двух щенков и ручкой гребня выколоть глаз служанке. Я проделал несколько тестов при помощи заклинаний, большинство их подтвердило, что девчонка была мутантом. Я доложил об этом Аридее, потому что Фредефальк души в доченьке не чаял. Аридея, как я сказал, была женщиной неглупой...

– Ясно, – снова прервал Геральт, – и надо думать, не шибко любила падчерицу. Предпочитала, чтобы трон наследовали ее собственные дети. О дальнейшем можно догадаться. Похоже, там не оказалось никого, кто мог бы свернуть дочурке шею. Да попутно и тебе в придачу.

Стрегобор вздохнул, воздел очи горе, то есть к небу, на котором по-прежнему многоцветно и красочно переливалась радуга.

– Я стоял за то, чтобы ее только изолировать, но княгиня решила иначе. Наняла егеря-бандита и отослала с ним малышку в лес. Позже мы нашли его в зарослях. Он лежал без штанов, так что ход событий восстановить было нетрудно. Она воткнула ему шпильку в мозг через ухо, вероятно, когда его внимание было поглощено совершенно иным.

– Если ты думаешь, что мне его жаль, – буркнул Геральт, – то ошибаешься.

– Мы устроили облаву, – продолжал Стрегобор, – но девчонка как сквозь землю провалилась. А мне пришлось срочно ретироваться из Крейдена, потому что Фредефальк начал что-то подозревать. Лишь спустя четыре года я получил известие от Аридеи. Она выследила девку, та жила в Махакаме с семьей гномами зараз, которых убедила, что гораздо выгоднее обирать купцов на дорогах, чем зарабатывать антракоз в шахтах. Ее всюду называли Сорокопуткой, потому что пойманных она любила живьем насаживать на острые колья. Аридея несколько раз

нанимала убийц, но ни один не вернулся. А потом уж трудно было найти желающих, слух о девке прошел повсюду. Мечом научилась работать так, что мало какой мужик мог с ней сравняться. Меня снова вызвали, я тайком явился в Крейден и тут узнал, что Аридею отравили. Все считали, что это работа самого Фредефалька, который высмотрел себе наложницу помоложе и поядренее, но я думаю, без Ренфри тут не обошлось.

– Ренфри?

– Так звали Сорокопутку. Я утверждаю, что Аридею отравила она. Князь Фредефальк вскоре погиб при странных обстоятельствах на охоте, а старший сын Аридеи пропал без вести. Конечно, и это тоже была работа девчонки. Я говорю «девчонка», а ей к тому времени стукнуло уже семнадцать. И она неплохо подросла.

– К тому времени, – продолжал колдун после недолгого молчания, – она и ее гномы уже нагнали страху на весь Махакам. Но однажды они по какому-то поводу повздорили, не знаю, то ли из-за дележа добычи, то ли из-за очередности ночи на неделе, важно, что в ход пошли ножи. Семерка гномов не пережила поножовщины. Вышла сухой из воды только Сорокопутка. Она одна. Но тогда я уже был в Махакаме. Мы встретились нос к носу, она мгновенно узнала меня и тут же сообразила, какова была моя роль тогда в Крейдене. Уверю тебя, Геральт, я едва успел выговорить заклинание, а руки тряслись у меня страшно, когда эта дикая кошка кинулась на меня, размахивая мечом. Я заточил ее в изящную глыбу горного хрусталя, шесть локтей на девять. Когда она погрузилась в летаргию, я кинул глыбу в гномовскую шахту и завалил ствол.

– Халтурная работа, – прокомментировал Геральт. – Легко расколдовать. Нельзя было, что ли, превратить в пепел? Ведь у вас столько исключительно милых заклинаний.

– Не у меня. Не моя специальность. Но ты прав, я схалтурил. Отыскался какой-то идиот-королевич, истратил уйму денег на контрзаклинание, расколдовал ее и с триумфом привез к себе домой, в какое-то замызганное королевство на Востоке. Его отец, старый разбойник, оказался умнее. Отстегал сыночка, а Сорокопутку решил выпытать о сокровищах, которые та награбила вместе с гномами и хитроумно упрятала. Ошибка папеньки состояла в том, что, когда ее нагую распластали на лавке у палача, у того в помощниках ходил старший сын короля. Как-то так получилось, что наутро тот же старший сын, к этому часу уже осиротевший и лишившийся родни, восседал на троне, а Сорокопутка заняла место первой фаворитки.

– Стало быть, не уродина.

– Дело вкуса. Долго ей в фаворитках ходить не довелось. До первого дворцового, громко говоря, переворота, потому как дворец тот больше походил на коровник. Вскоре оказалось, что она не забыла обо мне. В Ковире организовала на меня три покушения из-за угла. Я решил не рисковать и переждать в Понтаре. Она снова нашла меня. Тогда я сбежал в Ангрен, но она и тут меня прищучила. Не знаю, как это у нее получается, следы я заметал хорошо. Наверно, свойство ее мутации.

– А что ж ты снова-то ее в хрусталь не заключил? Угрызения совести?

– Нет. Таковых не было. Однако оказалось, что она приобрела иммунитет против магии.

– Невозможно!

– Возможно. Достаточно заполучить соответствующий артефакт или обзавестись аурой. Это опять же могло быть следствием ее прогрессирующей мутации. Я сбежал из Ангрена и спрятался здесь, на Лукоморье, в Блавикене. Год прожил спокойно, но она снова меня вынюхала.

– Откуда знаешь? Она уже здесь?

– Да. Я видел ее в кристалле. – Волшебник поднял палочку. – Она не одна, руководит бандой, а значит, замыслила что-то серьезное. Геральт, больше мне бежать некуда, я не знаю такого места, где бы можно было укрыться. Да. То, что ты прибыл сюда именно сейчас, не случайность. Это Предназначение. Судьба. Рок.

Ведьмак поднял брови.

– Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, это ясно. Ты убьешь ее.

– Я не наемный убийца, Стрегобор.

– Согласен, ты не убийца.

– За деньги я истребляю чудовищ. Бестий, угрожающих людям. Кошмариков и страховидл, созданных чарами и заклинаниями таких типов, как ты. Но не людей.

– Она не человек. Она – чудовище, мутантка, проклятый выродок. Ты привез кикимору. Сорокопутка хуже кикиморы. Кикимора убивает от голода, а Сорокопутка удовольствия ради. Убей ее, и я заплачу столько, сколько ты пожелаешь. В пределах разумного, конечно.

– Я уже сказал: истории о мутации и проклятии Лилиты я считаю вздором. У девушки есть причины рассчитаться с тобой, я в это вмешиваться не стану. Обратись к войту, к городской страже. Ты – городской волшебник, на твоей стороне здешний закон.

– Плевать мне на закон, на войта и на его помощь! – взорвался Стрегобор. – Не нужна мне защита, я хочу, чтобы ты ее убил! В эту башню не войдет никто, в ней я в полной безопасности. Но что мне с того, не могу же я сидеть в ней до конца дней своих! Сорокопутка не откажется от своего, пока жива, я знаю. Ну и что, прикажешь мне хиреть в этой башне и ждать, когда придет смерть?

– Девушки сидели... Знаешь что, колдун? Надо было предоставить охотиться на девочек другим чародеям, более могущественным, и предвидеть последствия.

– Я прошу тебя, Геральт.

– Нет, Стрегобор.

Чернокнижник молчал. Ненастоящее солнце на ненастоящем небе несколько не сдвинулось к зениту, но ведьмак знал, что в Блавикене уже смеркается. Он почувствовал голод.

– Геральт, – сказал Стрегобор, – когда мы слушали Эльтибальда, у многих из нас возникли сомнения. Но мы решили выбрать меньшее зло. Теперь я прошу тебя о том же.

– Зло – это зло, Стрегобор, – серьезно сказал ведьмак, вставая. – Меньшее, большее, среднее – все едино, пропорции условны, а границы размыты. Я не святой отшельник, не только одно добро творил в жизни. Но если приходится выбирать между одним злом и другим, я предпочитаю не выбирать вообще. Мне пора. Увидимся завтра.

– Возможно, – сказал колдун. – Если успеешь.

3

В «Золотом Дворе», лучшем постоялом дворе городка, былолюдно и шумно. Гости, местные и приезжие, были заняты в основном типичными для их национальности и профессии делами. Серьезные купцы спорили с краснолюдами относительно цен на товары и процентов кредита. Менее серьезные щипали за ягодицы девушек, разносивших пиво и капусту с горохом. Местные придурки прикидывались хорошо информированными. Девки всеми силами старались понравиться толстосумам, в то же время отталкивая безденежных. Возницы и рыбаки пили так, словно завтра с утра запретят выращивать хмель. Моряки распевали песни, восхваляющие морские волны, отвагу капитанов и прелести сирен, последнее – красочно и в деталях.

– Напряги память, Сотник, – сказал Кальдемейн трактирщику, перегибаясь через стойку так, чтобы его можно было услышать. – Шесть парней и девка, одетые в черные, украшенные серебром кожи по новиградской моде. Я видел их на заставе. Они остановились у тебя или «Под Альбакором».

Трактирщик наморщил выпуклый лоб, протирая кружку полосатым фартуком.

– Здесь они, войт, – сказал наконец он. – Говорят, приехали на ярмарку, а все при мечях, даже девка. Одеты, как ты сказал, в черное.

– Угу, – кивнул войт. – Где они сейчас? Что-то их не видно.

– В маленьком закутке. Золотом платили.

– Схожу один, – сказал Геральт. – Не надо превращать это в официальное посещение, во всяком случае, пока. Приведу ее сюда.

– Может, и верно. Но поосторожней. Мне тут драки ни к чему.

– Постараюсь.

Песня матросов, судя по возрастающей насыщенности ненормативными словами, приближалась к громкому финалу. Геральт приоткрыл жесткий и липкий от грязи полог, прикрывавший вход в эркер.

За столом сидели шестеро мужчин. Той, которую он ожидал увидеть, среди них не было.

– Ну чего?! – рывкнул тот, который заметил его первым, лысоватый, с лицом, изуродованным шрамом, проходящим через левую бровь, основание носа и правую щеку.

– Хочу увидаться с Сорокопуткой.

От стола поднялись две одинаковые фигуры с одинаково неподвижными лицами, светлыми всклокоченными волосами до плеч, в одинаковых облегающих одеждах из черной кожи, горячей серебряными украшениями. Одинаковыми движениями близнецы подняли со скамьи одинаковые мечи.

– Спокойно, Выр. Садись, Нимир, – сказал человек со шрамом, опершись локтями о стол. – С кем, говоришь, хочешь встретиться, братец? Кто такая Сорокопутка?

– Ты прекрасно знаешь, о ком я.

– Что за тип? – спросил потный полуголый детина, крест-накрест перепоясанный ремнями и прикрытый на предплечьях шипастыми щитками. – Ты его знаешь, Ногорн?

– Нет, – сказал человек со шрамом.

– Альбинос какой-то, – хохотнул шуплый темноволосый мужчина, сидевший рядом с Ногорном. Тонкие черты лица, большие черные глаза и остrokонечные уши выдавали в нем полукровку-эльфа. – Альбинос, мутант, шутка природы. И надо же, впускают таких в шинки к порядочным людям.

– Я его где-то уже видел, – сказал плотный загорелый тип с волосами, заплетенными в косички, оценивая Геральта взглядом злых прищуренных глаз.

– Не важно, где ты его видел, Тавик, – сказал Ногорн. – Послушай, братец, Киврил только што тебя страшно обидел. Ты его не вызовешь? Такой скушный вечер.

– Нет, не вызову, – спокойно сказал ведьмак.

– А меня, если вылью на тебя эту рыбью похлебку, вызовешь? – захохотал голый по пояс.

– Спокойно, Десятка, – сказал Ногорн. – Раз он сказал нет, значит, нет. Пока. Ну, брат, говори, што хочешь сказать, и выматывайся. Имеешь возможность выйти сам. Если не воспользуешься, тебя вынесут половые.

– Тебе мне сказать нечего. Хочу увидаться с Сорокопуткой. С Ренфри.

– Слышали, парни? – Ногорн взглянул на дружков. – Он хочет видаться с Ренфри. А зачем, братец, позволю узнать?

– Не позволю.

Ногорн поднял голову и глянул на близнецов, те тут же сделали шаг вперед, бренча серебряными застегками высоких ботинок.

– Знаю, – вдруг сказал тот, с косой. – Вспомнил, где я его видел!

– Чего ты там бормочешь, Тавик?

– Перед домом войта. Он привез какого-то дракона на продажу, этакую помесь паука с крокодилом. Люди болтали, будто он ведьмак.

– Что такое ведьмак? – спросил голый Десятка. – Э? Киврил?

– Наемный колдун, – сказал полуэльф. – Фокусник. Фокусы кажет за горсть сребреников. Я же сказал – шутка природы. Оскорбление человеческих и божеских законов. Таких надобно сжигать.

– Мы не очень обожаем колдунов, – проскрипел Тавик, не отрывая от Геральта взгляда прищуренных глаз. – Чтой-то мне сдается, Киврил, что в тутошней дыре у нас будет работы поболее, чем думалось. Их здесь не один, а ведомо, они держатся разом.

– Свояк свояка видит издаലെка, – зловеще усмехнулся полукровка. – И как только земля таких носит? Кто вас плодит, уродцев?

– Будь добр, повежливее, – спокойно сказал Геральт. – Твоя матушка, как вижу, достаточно часто бродила по лесу в одиночку, так что у тебя есть причина призадуматься над собственным происхождением.

– Возможно, – ответил полуэльф, не переставая усмехаться. – Но я по крайней мере знал свою мать. А вот ты, ведьмак, не можешь этим похвалиться.

Геральт чуть-чуть побледнел и стиснул зубы. Ногорн, заметивший это, громко рассмеялся.

– Ну, братец, уж такого-то оскорбления ты не можешь спустить. Кажется, за спиной у тебя меч торчит? Ну так как? Выйдете с Киврилом во двор? Вечер – скуотища.

Ведьмак не ответил.

– Засранный трус, – фыркнул Тавик.

– Он вроде што-то говорил о матери Киврила? – спокойно продолжал Ногорн, опершись подбородком на сплетенные пальцы. – Што-то страшно оскорбительное, если я верно понял. Мол, распутничала или как-то так. Эй, Десятка, неужто ты сможешь слушать, как какой-то бродяга оскорбляет матушку твоего друга? Матушка, мать ее так, дело святое!

Десятка охотно поднялся, отстегнул меч, кинул на стол. Выпятил грудь, поправил оцетинившиеся серебряными шипами щитки на предплечьях, сплюнул и сделал шаг вперед.

– Если ты сумлеваешься, – сказал Ногорн, – поясню: Десятка вызывает тебя на кулашный бой. Я сказал, што тебя отседова вынесут. Освободите-ка место.

Десятка приблизился, поднимая кулаки. Геральт положил руку на рукоять меча.

– Осторожнее, – сказал он. – Еще шаг – и тебе придется искать свою руку на полу.

Ногорн и Тавик вскочили, хватаясь за мечи. Молчаливые близнецы вытянули свои. Десятка попятился. Не пошевелился лишь Киврил.

– Что здесь происходит, черт побери! Нельзя на минуту одних оставить?

Геральт очень медленно обернулся и встретился взглядом с глазами цвета морской волны.

Она была почти одного с ним роста. Соломенные волосы были подстрижены неровно, немного ниже ушей. Она стояла, опираясь одной рукой о дверь, в облегающем бархатном кафтанчике, перетянута нарядным поясом. Юбка была неровной, асимметричной – с левой стороны доходила до лодыжки, а с правой приоткрывала крепкое бедро над голенищем высокого сапога из лосиной кожи. На левом боку висел меч, на правом – кинжал с большим рубином в оголовье.

– Онемели?

– Это ведьмак, – буркнул Ногорн.

– Ну и что?

– Он хотел говорить с тобой.

– Ну и что?

– Это колдун, – прогудел Десятка.

– Спокойно, парни, – сказала девушка. – Он хочет со мной говорить, это не преступление. Продолжайте свои дела. И без скандалов. Завтра торговый день. Думаю, вы не хотите, чтобы ваши фокусы испортили ярмарку – столь важное событие в жизни этого милого городка?

В наступившей тишине послышался тихий противный смешок. Смеялся Киврил, все еще небрежно развалившийся на лавке.

– Да ну тебя, Ренфри, – выдавил полуэльф. – Важное... событие!

– Заткнись, Киврил! Немедленно.

Киврил перестал смеяться. Немедленно. Геральт не удивился. В голосе Ренфри прозвучало нечто очень странное. Нечто такое, что ассоциировалось с красным отблеском пожара на клинках, стоном убиваемых, ржанием коней и запахом крови. Видимо, у остальных тоже возникли подобные ассоциации, потому что бледность покрыла даже загорелую харю Тавика.

– Ну, белоголовый, – прервала тишину Ренфри. – Выйдем в большую залу, присоединимся к войту, с которым ты сюда пришел. Он, верно, тоже хочет со мной потолковать.

Кальдемейн, ожидавший у стойки, увидев их, прервал тихую беседу с трактирщиком, выпрямился, скрестил руки на груди.

– Послушайте, мазель, – твердо сказал он, не тратя времени на обмен ненужными учтивостями. – Я знаю от этого вот ведьмака из Ривии, что привело вас в Блавикен. Похоже, вы в обиде на нашего колдуна.

– Возможно. Ну и что? – тихо спросила Ренфри – тоже не очень-то учтиво.

– А то, что на такие обиды есть городские или кастелянские суды. Кто у нас, на Лукоморье, собирается мстить за обиду железом, тот считается самым обыкновенным разбойником. А еще то, что либо завтра поутру вы вымететесь из Блавикена вместе со своей черной компашкой, либо я вас упрячу в яму, пре... как это называется, Геральт?

– Превентивно.

– Именно. Вы поняли, мазель?

Ренфри сунула руку в мешочек на поясе, достала сложенный в несколько раз пергамент.

– Прочтите, войт, если грамотный. И больше не называйте меня мазелью.

Кальдемейн взял пергамент, читал долго, потом молча подал Геральту.

– «Моим комесам, вассалам и свободным подданным, – прочитал ведьмак вслух. – Всех и каждого извещаю, поелику Ренфри, крейгенская княжна, пребывает на нашей службе и мила нам, то гнев наш падет на голову тому, кто ей чинить припятствия вознамерится. Аудоен, король...» Слово «препятствия» пишется через «е». Но печать, похоже, подлинная.

– Потому что подлинная и есть, – сказала Ренфри, вырывая у него пергамент. – Поставил ее Аудоен, ваш милостивый государь. Потому не советую чинить мне препятствия. Независимо от того, как это пишется, последствия для вас могут быть печальными. Не удастся вам, уважаемый войт, упрятать меня в яму. И не называйте меня мазелью. Я не нарушила ни одного закона. Пока что.

– Если нарушишь хоть на пядь, – Кальдемейн выглядел так, словно собирался сплюнуть, – брошу в яму разом с твоим пергаментом. Клянусь всеми богами, мазель. Пошли, Геральт.

– А с тобой, ведьмак, – Ренфри коснулась руки Геральта, – еще пару слов.

– Не опоздай на ужин, – бросил войт через плечо. – Иначе Либуше обозлится.

– Не опоздаю.

Геральт оперся о стойку. Поигрывая медальоном с волчьей мордой, висящим на шее, он смотрел в зелено-голубые глаза девушки.

– Я слышала о тебе, – сказала она. – Ты – Геральт из Ривии, белоголовый ведьмак. Стрегобор – твой друг?

– Нет.

– Это упрощает дело.

– Не думаю. Я не намерен оставаться в стороне.

Ренфри прищурилась.

– Стрегобор завтра умрет, – проговорила она тихо, отбрасывая со лба прядку неровно подстриженных волос. – Зло было бы меньше, если б умер только он.

– Если, а вернее, прежде чем Стрегобор умрет, умрут еще несколько человек. Другой возможности я не вижу.

– Скромно сказано – несколько.

– Чтоб меня напугать, требуется нечто большее, чем слова, Сорокопутка.

– Не называй меня Сорокопуткой, не люблю. Дело в том, что я вижу другие возможности. Стоило бы их обсудить, но, что делать, Либуше ждет. Она хоть ничего, эта Либуше?

– Это все, что ты имела мне сказать?

– Нет. Но теперь иди. Либуше ждет.

4

В его каморке на мансарде кто-то был. Геральт знал об этом еще прежде, чем подошел к двери, и понял по едва ощутимой вибрации медальона. Он задул каганец, которым освещал себе ступени, вынул кинжал из-за голенища, сунул его сзади за пояс. Нажал ручку. В комнатке было темно. Не для ведьмака.

Он, умышленно не торопясь, как бы сонно, переступил порог, прикрыл за собой дверь. В следующий момент, сильно оттолкнувшись, прыгнул ласточкой, навалился на человека, сидевшего на его лежанке, прижал того к постели, левое предплечье сунул ему под подбородок, потянулся за кинжалом. Но не вынул. Что-то было не так.

– Недурно для начала, – глухо проговорила Ренфри, неподвижно лежа под ним. – Я рассчитывала на это, но не думала, что мы так скоро окажемся в постели. Убери руку с моего горла, будь любезен.

– Это ты?

– Это я. Слушай, есть два выхода. Первый: ты слезешь с меня, и мы побеседуем. Второй: все остается как есть, но хотелось бы все же скинуть сапоги. Как минимум.

Ведьмак выбрал первый выход. Девушка вздохнула, встала, поправила волосы и юбку.

– Зажги свечи. В темноте я вижу не как ты, а видеть собеседника люблю.

Она подошла к столу, высокая, худощавая, гибкая, села, вытянув ноги в сапогах. Оружия вроде бы у нее не было.

– Выпить есть?

– Нет.

– В таком случае хорошо, что я прихватила, – засмеялась она, ставя на стол дорожный бурдючок и два кожаных кубка.

– Почти полночь, – холодно сказал Геральт. – Может, перейдем к делу?

– Минутку. Пей. Твое здоровье, Геральт.

– Взаимно, Сорокопутка!

– Меня зовут Ренфри, черт побери, – подняла она голову. – Разрешаю упускать княжий титул, но перестань именовать меня Сорокопуткой.

– Тише, разбудишь весь дом. Могу я наконец узнать, чего ради ты влезла сюда через окно?

– Какой догадливый! Я хочу спасти Блавикен от резни. Чтобы обсудить это с тобой, я лазила по крышам, словно мартовский кот. Цени.

– Ценю. Только вот не знаю, какой смысл в таком разговоре. Положение ясное. Стрегобор сидит в колдовской башне, чтобы его достать, тебе придется организовать осаду. Если ты это сделаешь, тебе не поможет твой королевский папирус. Если ты в открытую нарушишь закон, Аудоен не станет тебя защищать. Войт, стража, весь Блавикен выступят против тебя.

– Если выступит весь Блавикен, то жутко пожалеет. – Ренфри усмехнулась, показав хищные белые зубки. – Ты разглядел моих мальчиков? Ручаюсь, они свое дело знают. Представляешь себе, что произойдет, если начнется драка между ними и теми телками из стражи, которые то и дело спотыкаются о собственные алебарды?

– А ты, Ренфри, воображаешь, что я буду стоять в стороне и спокойно взирать на такую драку? Видишь, я живу у войта? При надобности буду рядом с ним.

– Не сомневаюсь, – посерьезнела Ренфри. – Только скорее всего один ты, потому что остальные попрячутся по подвалам. Нет на свете бойца, который управился бы с моей воору-

женной мечами семеркой. Это не под силу ни одному человеку. Но, белоголовый, давай не будем пугать друг друга. Я сказала – резни и потоков крови можно избежать. Конкретно: есть два человека, которым это под силу.

– Я – само внимание.

– Один – Стрегобор. Лично. Он добровольно выйдет из своей башни, я отведу его куда-нибудь на пустырь, а Блавикен снова погрузится в благостную апатию и вскоре забудет обо всем.

– Стрегобор, возможно, и похож на спятившего, но не до такой же степени.

– Как знать, ведьмак, как знать. Есть доводы, которые невозможно отвергнуть, и предложения, которые нельзя отбросить. К таким, например, относится тридамский ультиматум. Я предъявлю колдуну тридамский ультиматум.

– В чем его суть?

– Это маленькая и сладкая тайна.

– Пусть так. Только сомневаюсь в ее эффективности. У Стрегобора, стоит ему заговорить о тебе, начинают зубы стучать. Ультиматум, который заставил бы его добровольно отдаться в твои прелестные ручки, должен и вправду быть каким-то особым. Давай-ка перейдем сразу ко второй особе, которая может предотвратить резню в Блавикене. Попытаюсь угадать, кто это.

– Ну-ну. Интересно, насколько ты проницателен, белоголовый.

– Это ты, Ренфри. Ты сама. Ты проявишь воистину княжеское, да что я – королевское великодушие и откажешься от мести. Я угадал?

Ренфри откинула голову и громко рассмеялась, успев прикрыть рот рукой. Потом посерьезнела и уставилась на ведьмака горящими глазами.

– Геральт, я была княжной, но в Крейдене. У меня было все, о чем только можно мечтать, даже просить не было нужды. Слуги по первому зову, платья, туфельки. Трусики из батиста. Драгоценности и бижутерия, буланный пони, золотые рыбки в бассейне. Куклы и дом для них повместительнее твоей здешней лачуги. И так было до того дня, пока твой Стрегобор и эта шлюха Аридея не приказали егерю отвести меня в лес, зарезать и подать им мои сердце и печень. Прелестно, не правда ли?

– Скорее отвратительно. Я рад, что ты тогда разделалась с егерем, Ренфри.

– Разделалась?! Как же! Он смилостивился и отпустил меня. Но сначала изнасиловал, сукин сын, отобрал серьги и золотую диадемку.

Геральт глянул ей в лицо, поигрывая медальоном. Она не отвела глаз.

– На том и кончилась княжна. Платьице разорвалось, батистовые трусики навсегда потеряли белизну. А потом были грязь, голод, вонь, палки и пинки. Я отдавалась первому встречному за миску похлебки и крышу над головой. Знаешь, какие у меня были волосы? Как шелк и спадали на добрый локоть ниже икр. Когда я завшивела, мне обрезают косы ножницами для стрижки овец под самый корень. Больше они так и не отросли по-настоящему.

Она ненадолго замолчала, отбросила со лба неровную прядку.

– Я воровала, чтобы не подохнуть с голоду. Убивала, чтобы не убили меня. Сидела в ямах, провонявших мочой, не зная, повесят меня утром или только выпорют и выгонят. И все это время моя мачеха и твой колдун преследовали меня, нанимали убийц, пытались отравить. Насылали порчу. Проявить великодушие? Простить им по-королевски? Я ему по-королевски башку оторву, а может, сначала вырву обе ноги, там видно будет.

– Аридея и Стрегобор пытались тебя отравить?

– Именно что. Яблоком, запроваженным вытяжкой из красавки. Меня спас один гном. Он дал мне рвотный камень, от которого, я думала, меня вывернет наизнанку, как чулок. Но – выжила.

– Один из семи гномов?

Ренфри, которая в этот момент как раз наполняла кубок, держа над ним бурдючок, замерла.

– Ого. Ты много обо мне знаешь. А что? Что ты имеешь против гномов? Или других гуманоидов? Если быть точной, они относились ко мне лучше, чем большинство людей. Но тебе до этого нет дела. Я сказала, Стрегобор и Аридея, пока могли, преследовали меня, как дикого зверя. Потом уже не могли, я сама стала охотником. Аридея откинула копыта в собственной постели. Для нее я составила особую программу. А теперь – для колдуна. Геральт, как ты считаешь, он заслуживает смерти? Ну скажи.

– Я не судья. Я – ведьмак.

– Именно что. Я сказала, есть два человека, которые могут предотвратить резню в Блавикене. Второй – ты. Тебя колдун пустит в башню, и ты его убьешь.

– Ренфри, – спокойно сказал Геральт, – по пути ко мне ты, случайно, не свалилась с крыши головой вниз?

– В конце концов, ведьмак ты или нет, черт побери?! Говорят, ты убил кикимору, привез ее на ослике для оценки. Стрегобор хуже кикиморы, она – бездумная скотина и убивает, потому как такой ее боги сотворили. Стрегобор – изверг, маньяк, чудовище. Привези его мне на ослике, и я не пожалею золота.

– Я не наемный убийца, Сорокопутка.

– Верно, – улыбнулась она и откинулась на спинку стула, положив ноги на стол и даже не пытаясь прикрыть юбкой бедра. – Ты – ведьмак, спаситель людей, которых защищаешь от Зла. А в данном случае Зло – это железо и огонь, которые разгуляются здесь, когда мы встанем друг против друга. Тебе не кажется, что я предлагаю Меньшее Зло – самое лучшее решение? Даже для этого сукина сына Стрегобора. Можешь убить его милосердно, одним движением, случайно. Он умрет, не зная, что умирает. А я ему этого не гарантирую. Совсем наоборот.

Геральт молчал. Ренфри потянулась, подняв руки над головой.

– Понимаю твои сомнения, – сказала она. – Но ответ я должна получить немедленно.

– Знаешь, почему Стрегобор и княгиня хотели тебя убить тогда, в Крейдене, и после?

Ренфри резко выпрямилась, сняла ноги со стола.

– Думаю, это ясно, – взорвалась она. – Хотели отделаться от первородной дочери Фредельки, потому что я была наследницей трона. Дети Аридеи родились в результате морганатической связи, и у них не было никаких прав на...

– Я не о том, Ренфри.

Девушка опустила голову, но только на мгновение. Глаза у нее разгорелись.

– Ну хорошо. Якобы я проклята. Испорчена еще в лоне матери. Я...

– Договаривай.

– Я – чудовище.

– А разве нет?

Какое-то мгновение Ренфри казалась беззащитной и надломленной. И очень грустной.

– Не знаю, Геральт, – шепнула она, потом черты ее лица снова ожесточились. – Да и откуда мне, черт побери, знать? Если я уколою себе палец, идет кровь. Ежемесячно тоже... ну, сам понимаешь. Переем – болит живот, а перепью – голова. Если мне весело – я пою, если грустно – ругаюсь. Если кого-то ненавижу – убиваю, а если... А, дьявольщина, довольно. Твой ответ, ведьмак.

– Мой ответ таков: нет.

– Ты помнишь, о чем я говорила? – спросила она после недолгого молчания. – Есть предложения, которые нельзя отвергнуть, последствия бывают страшными. Я тебя серьезно предупреждаю, мое предложение относится именно к таким. Подумай как следует.

– Я подумал как следует. И отнесись ко мне серьезно, потому что я тоже предостерегаю тебя серьезно.

Ренфри какое-то время молчала, играя шнуром жемчуга, трижды обернутым вокруг красивой шеи и кокетливо прячущимся в углублении между двумя изящными полушариями, выглядывающими в разрезе блузки.

– Геральт, Стрегобор просил тебя убить меня?

– Да. Он полагал, что это будет Меньшее Зло.

– И ты отказал ему так же, как и мне?

– Так же.

– Почему?

– Потому что я не верю в Меньшее Зло.

Ренфри слабо улыбнулась, затем губы у нее искривились в гримасе, очень некрасивой при желтом свете свечи.

– Стало быть, не веришь. Видишь ли, ты прав, но только отчасти. Существуют просто Зло и Большое Зло, а за ними обоими в тени прячется Очень Большое Зло. Очень Большое Зло, Геральт, это такое, которого ты и представить себе не можешь, даже если думаешь, будто уже ничто не в состоянии тебя удивить. И знаешь, Геральт, порой бывает так, что Очень Большое Зло схватит тебя за горло и скажет: «Выбирай, братец, либо я, либо то, которое чуточку поменьше».

– Можно узнать, куда ты клонишь?

– А никуда. Выпила немного, вот и философствую, ищу общие истины. Одну как раз нашла: Меньшее Зло существует, но мы не в состоянии выбирать его сами. Лишь Очень Большое Зло может принудить нас к такому выбору. Хотим мы того или нет.

– Я явно выпил слишком мало, – ехидно усмехнулся ведьмак. – А полночь меж тем уже миновала, как и всякая полночь. Перейдем к конкретным вопросам. Ты не убьешь Стрегобора в Блавикене, я тебе не дам. Не позволю, чтобы дело дошло до бойни и резни. Вторично предлагаю: откажись от мести. Откажись от намерения убить его. Таким образом ты докажешь ему, и не только ему, что ты не кровожадное, нечеловеческое чудовище, мутант и выродок. Докажешь, что он ошибается. Что причинил тебе Очень Большое Зло своей ошибкой.

Ренфри некоторое время смотрела на медальон ведьмака, вертящийся на цепочке, которую тот крутил пальцами.

– А если я скажу, ведьмак, что не умею прощать или отказываться от мести, то это будет равносильно признанию, что он и не только он правы? Верно? Тем самым я докажу, что я все-таки чудовище, нелюдь, демон, проклятый богами? Послушай, ведьмак. В самом начале моих скитаний меня приютил один свободный кмет. Я ему понравилась. Однако поскольку мне он вовсе не нравился, а совсем даже наоборот, то всякий раз, когда он хотел меня взять, он дубасил меня так, что утром я едва сползала с лежанки. Однажды я встала затемно и перерезала сердобольному кмету горло. Тогда я еще не была такой сноровистой, как теперь, и нож казался мне слишком маленьким. И, понимаешь, Геральт, слушая, как кмет булькает, и видя, как он дрыгает ногами, я почувствовала, что следы от его палки и кулаков уже не болят и что мне хорошо, так хорошо, что... Я ушла, весело посвистывая, здоровая, радостная и счастливая. И потом каждый раз повторялось то же самое. Если б было иначе, кто стал бы тратить время на месть?

– Ренфри, – сказал Геральт. – Независимо от твоих мотивов и соображений ты не уйдешь отсюда посвистывая и не будешь чувствовать себя так хорошо, что... Уйдешь не веселой и счастливой, но уйдешь живой. Завтра утром, как приказал войт. Я уже тебе это говорил, но повторяю. Ты не убьешь Стрегобора в Блавикене.

Глаза Ренфри блестели при свете свечи, горели жемчужины в вырезе блузки, искрился Геральтов медальон с волчьей пастью, крутясь на серебряной цепочке.

– Мне жаль тебя, – неожиданно проговорила девушка, не спуская глаз с мигающего кружочка серебра. – Ты утверждаешь, что не существует Меньшего Зла. Так вот – ты останешься

на площади, на брусчатке, залитой кровью, один-одинешенек, потому что не сумел сделать выбор. Не умел, но сделал. Ты никогда не будешь знать, никогда не будешь уверен. Никогда, слышишь... А платой тебе будет камень и злое слово. Мне жаль тебя, ведьмак.

– А ты? – спросил ведьмак тихо, почти шепотом.

– Я тоже не умею делать выбор.

– Кто ты?

– Я то, что я есть.

– Где ты?

– Мне холодно...

– Ренфри! – Геральт сжал медальон в руке.

Она подняла голову, словно очнувшись ото сна, несколько раз удивленно моргнула. Мгновение, краткий миг казалась испуганной.

– Ты выиграл, – вдруг резко бросила она. – Выиграл, ведьмак. Завтра рано утром я уеду из Блавикена и никогда не вернусь в этот задрипанный городишко. Никогда. Налей, если там еще что-нибудь осталось.

Обычная насмешливая, лукавая улыбка опять заиграла у нее на губах, когда она отставила кубок.

– Геральт?

– Да?

– Эта чертова крыша очень крутая. Я бы лучше вышла от тебя на рассвете. В темноте можно упасть и покалечиться. Я княжна, у меня нежное тело, я чувствую горошину сквозь тюфяк. Если, конечно, он как следует не набит сеном. Ну, как ты думаешь?

– Ренфри, – Геральт невольно улыбнулся, – то, что ты говоришь, подобает княжне?

– Что ты, ядрена вошь, понимаешь в княжнах? Я была княжной и знаю: вся прелесть жизни в том и состоит, чтобы делать то, что захочется. Я что, должна тебе прямо сказать, чего хочу, или сам догадаешься?

Геральт, продолжая улыбаться, не ответил.

– Я даже подумать не смею, что не нравлюсь тебе, – поморщилась девушка. – Уж лучше считать, что ты просто боишься, как бы тебя не постигла судьба свободного кмета. Эх, белоголовый! У меня при себе нет ничего острого. Впрочем, проверь сам.

Она положила ему ноги на колени.

– Стяни с меня сапоги. Голенища – лучшее место для кинжала.

Босая, она встала, дернула пряжку ремня.

– Тут тоже ничего не прячу. И здесь, как видишь. Да задуй ты свою треклятую свечу.

Снаружи в темноте орал кот.

– Ренфри?

– Что?

– Это батист?

– Конечно, черт поberi. Княжна я или нет? В конце-то концов?

5

– Папа, – монотонно тянула Марилька, – когда мы пойдем на ярмарку? На ярмарку, папа!

– Тихо ты, Марилька, – буркнул Кальдемейн, вытирая тарелку хлебом. – Так что говоришь, Геральт? Она выматывается из городка?

– Да.

– Ну, не думал, что так гладко пойдет. С этим своим пергаментом да с печатью Аудоена она приперла меня к стенке. Я прикидывался героем, но, по правде говоря, хрен что мог им сделать.

– Даже если б они в открытую нарушили закон? Устроили шум, драку?

– Понимаешь, Геральт, Аудоен страшно раздражительный король, посылает на эшафот за любую мелочь. У меня жена, дочка, мне нравится моя должность. Не приходится думать, где утром достать жиру для каши. Одним словом, хорошо, что они уезжают. А как это, собственно, получилось?

– Папа, хочу на ярмарку.

– Либуше! Забери ты Марильку! Да, Геральт, не думал я. Расспрашивал Сотника, трактирщика из «Золотого Двора», о новиградской компании. Та еще шайка. Некоторых узнали.

– Да?

– Тот, со шрамом на морде, Ногорн, бывший приближенный Абергарда из так называемой ангренской вольницы. Слышал о такой вольнице? Ясно, кто не слышал. Тот, которого кличут Десяткой, тоже там был. И даже если не был, думаю, его прозвище пошло не от десяти добрых дел. Чернявый полуэльф Киврил – разбойник и профессиональный убийца. Вроде имеет какое-то отношение к резне в Тридаме.

– Где-где?

– В Тридаме. Не слышал? Об этом много было шуму. Три... Ну да, три года назад, потому как Марильке тогда было два годка. Барон из Тридама держал в яме каких-то разбойников. Их дружки, среди них, кажется, и полукровка Киврил, захватили паром на реке, полный пилигримов, а дело было во время Праздника Нис. Послали барону требование: мол, освободи всех. Барон, дело ясное, отказал, и тогда они принялись убивать паломников по очереди, одного за другим. Пока барон не смягчился и не выпустил их дружков из ямы, они спустили по течению больше десятка. Барону за это грозило изгнание, а то и топор: одни заимели на него зуб за то, что он уступил, только когда прикончили стольких, другие подняли шум, что-де очень скверно поступил, что, мол, это был прен... прецедент, или как его там, что, дескать, надо было перестрелять всех там из арбалетов вместе с заложниками или штурмом взять на лодках, не уступать ни на палец. Барон на суде толковал, что выбрал Меньшее Зло, потому как на пароме было больше четверти сотни людей, бабы, ребятня...

– Тридамский ультиматум, – прошептал ведьмак. – Ренфри...

– Что?

– Кальдемейн, ярмарка.

– Ну и что?

– Не понимаешь? Она меня обманула. Никуда они не выедут. Заставят Стрегобора выйти из башни, как заставили барона из Тридама. Или вынудят меня... Не понимаешь? Начнут мордовать людей на ярмарке. Ваш рынок посреди этих стен – настоящая ловушка!

– О боги, Геральт! Сядь! Куда ты, Геральт?

Марилька, напуганная криком, разревелась, втиснувшись в угол кухни.

– Я ж тебе говорила, – крикнула Либуше, указывая на Геральта. – От него одна беда!

– Тихо, баба! Геральт! Сядь!

– Надо их остановить. Немедленно, пока люди не хлынули на рынок. Собирай стражников. Когда будут выходить с постоялого двора, за шеи их и в яму!

– Геральт, подумай. Так нельзя, мы не можем их тронуть, если они ничего не сделали. Станут сопротивляться, прольется кровь. Это профессионалы, они вырежут мне весь народ. Если слух дойдет до Аудоена, полетит моя голова. Ладно, соберу стражу, пойду на рынок, буду следить за ними...

– Это ничего не даст, Кальдемейн. Когда толпа повалит на площадь, ты уже ничем не успокоишь народ, не остановишь панику и резню. Их надо обезвредить сейчас, пока рынок пуст.

– Это будет беззаконие. Я не могу допустить. Что до полуэльфа и Тридама – это может быть сплетня. Вдруг ты ошибаешься, и что тогда? Аудоен из меня ремни нарежет!

- Надо выбрать Меньшее Зло!
 - Геральт! Я запрещаю! Как войт запрещаю! Положи меч! Стой!
- Марилька кричала, прикрыв мордашку ручонками.

6

Киврил, заслонив глаза ладонью, посмотрел на солнце, выползающее из-за деревьев. На рынке начиналось оживление, погромыхивали тележки и возы, первые перекупщики уже заполняли палатки товаром. Стучал молоток, пел петух, громко кричали чайки.

– Намечается чудесный денек, – молвил Десятка задумчиво. Киврил косо глянул на него, но смолчал.

- Как кони, Тавик? – спросил Ногорн, натягивая рукавицы.
- Готовы, оседланы. Киврил, их все еще мало на рынке.
- Будет больше.
- Надо бы чего пожрать.
- Потом.
- Как же! Будет у тебя потом время. И желание.
- Гляньте, – неожиданно сказал Десятка.

Со стороны главной улочки приближался ведьмак, обходил прилавки, направляясь прямо к ним.

- Ага, – сказал Киврил. – Ренфри была права. Дай-ка самострел, Ногорн.

Он сгорбился, натянул тетиву, придерживая ногой стремечко. Тщательно уложил стрелу в канавке. Ведьмак шел. Киврил поднял арбалет.

- Ни шага дальше, ведьмак!

Геральт остановился. От группы его отделяло около сорока шагов.

- Где Ренфри?

Полукровка скривил свою красивую физиономию.

– У башни. Делает чародею некое предложение. Она знала, что ты придешь. Велено передать тебе две вещи.

- Говори.

– Первое – послание, которое звучит так: «Я есть то, что я есть. Выбирай. Либо я, либо то, другое, меньшее». Вроде бы ты знаешь, в чем дело.

Ведьмак кивнул, потом поднял руку, ухватил рукоять меча, торчащую над правым плечом. Блеснул клинок, описав круг над его головой. Он медленно направился в сторону группы.

Киврил мерзко, зловеще рассмеялся.

– Ну-ну! Она и это предвидела, ведьмак. А посему сейчас ты получишь то второе, что она велела тебе передать. Прямо меж глаз.

Ведьмак шел. Полуэльф поднес самострел к лицу. Стало очень тихо.

Звякнула тетива. Ведьмак махнул мечом, послышался протяжный звон металла по металлу, стрела, крутясь, взмыла вверх, сухо ударилась о крышу, загромыхала в сточной трубе. Ведьмак шел.

- Отбил... – охнул Десятка. – Отбил в полете...

– Ко мне, – скомандовал Киврил. Лязгнули мечи, вырывающиеся из ножен, группа сомкнула плечи, ошетилилась остриями.

Ведьмак ускорил шаг, его движения, удивительно плавные и мягкие, перешли в бег – не прямо, на ошетилившуюся мечами группу, а вбок, обходя ее по сужающейся спирали.

Тавик не выдержал первым, двинулся навстречу, сокращая расстояние. За ним рванулись близнецы.

– Не расходиться! – рявкнул Киврил, вертя головой и потеряв ведьмака из виду. Выругался, отскочил в сторону, видя, что группа распадается, кружится между прилавками в сумасшедшем хороводе.

Тавик был первым. Еще мгновение назад он гнался за ведьмаком, теперь вдруг увидел, что тот мелькнул у него слева, направляясь в противоположную сторону. Он засеменил ногами, чтобы остановиться, но ведьмак пролетел рядом прежде, чем он успел поднять меч. Тавик почувствовал сильный удар выше бедра. Развернулся и начал падать. Уже оказавшись на коленях, с удивлением взглянул на свое бедро и принялся кричать.

Близнецы одновременно, атакуя мчащуюся на них черную расплывчатую фигуру, налетели один на другого, ударились плечами, на мгновение потеряв ритм. Этого оказалось достаточно. Выр, которого Геральт рубанул по всей ширине груди, согнулся пополам, опустил голову, сделал еще несколько шагов и рухнул на прилавок с овощами. Нимир получил в висок, закружился на месте и, обессилев, тяжело свалился в канаву.

На рынке закипело от бегущих перекупщиков, загрохотали переворачиваемые прилавки, поднялись пыль и крик. Тавик еще раз попробовал приподняться на дрожащих руках и упал.

– Десятка, слева! – рявкнул Ногорн, мчась полукругом, чтобы обойти ведьмака сзади.

Десятка быстро обернулся. Недостаточно быстро. Получил раз по животу, выдержал, размахнулся для удара, тут же получил снова – в шею под самым ухом. Напрягшись, сделал четыре неуверенных шага и свалился на тележку, полную рыбы. Тележка покатила. Десятка соскользнул на брусчатку, серебриющуюся чешуей.

Киврил и Ногорн ударили одновременно с двух сторон, эльф с размаху сверху, Ногорн с присесту, низко, плоско. Оба удара ведьмак парировал, два металлических удара слились в один. Киврил отскочил, споткнулся, удержался на ногах, схватившись за деревянные столбики ларька. Ногорн бросился и заслонил его поднятым вверх мечом. Удар был настолько сильный, что его отшвырнуло назад, пришлось подогнуть колени. Вскакивая, он заслонился рукой. Поздно. Получил удар в лицо симметрично старому шраму.

Киврил, оттолкнувшись спиной от ларька, перескочил через падающего Ногорна, налетел с полуоборота, ударил обеими руками, не попал, моментально отскочил. Удара он не почувствовал. Ноги под ним подкосились, когда, защищаясь, он попытался перейти с финтом к очередному выпаду. Меч выпал у него из руки, рассеченной с внутренней стороны, выше локтя. Он упал на колени, затряс головой да так и замер в красной луже, среди раскиданной капусты, баранок и рыбы.

На рынок вступила Ренфри.

Она шла мягким, кошачьим шагом, обходя возки и прилавки. Толпа, словно рой шершней, гудевшая в улочках и у стен домов, утихла. Геральт стоял неподвижно, держа меч в опущенной руке. Девушка подошла на десять шагов, остановилась. Стало видно, что под кафтанчиком у нее кольчуга, короткая, едва прикрывающая бедра.

– Ты выбрал, – сказала она. – Ты уверен, что правильно?

– Здесь не будет второго Тридама, – с трудом сказал Геральт.

– И не было бы. Стребор высмеял меня. Сказал, что я могу перебить весь Блавикен и добавить несколько ближайших деревушек, но он все равно из башни не выйдет. Что так смотришь? Да, я обманула тебя. Я всю жизнь обманывала, если это было необходимо, чего же ради делать исключение для тебя?

– Уйди, Ренфри.

– Нет, Геральт, – рассмеялась она и быстрохватила меч.

– Ренфри.

– Нет, Геральт. Ты свой выбор сделал, теперь моя очередь.

Одним рывком она сдернула юбку с бедер, закружила ею в воздухе, обматывая материал вокруг левого предплечья. Геральт отступил, поднял руку, сложив пальцы в знак. Ренфри снова засмеялась, коротко, хрипло.

– Пустое, белоголовый. Это меня не берет. Только меч.

– Отойди, Ренфри, – повторил он. – Отойди. Если мы скрестим мечи, я... Я уже не смогу...

– Знаю, – сказала она. – Но я... Я тоже не могу иначе. Просто не могу. Мы есть то, что мы есть. Ты и я.

Она двинулась на него легким, раскачивающимся шагом. В правой руке, выпрямленной и отведенной в сторону, поблескивал меч, левой она волокла юбку по земле. Геральт отступил на два шага.

Она прыгнула, махнула левой рукой, юбка взлетела в воздух, вслед за нею, заслоненный материалом, блеснул меч. Короткий удар. Геральт отскочил, ткань его даже не задела, а клинок Ренфри скользнул по его мечу, он машинально защитился серединой клинка, связал оба меча коротким вращением, пытаясь выбить у нее оружие. Это была ошибка. Она отбила его острие и сразу на полусогнутых, раскачивая бедрами, ударила, целясь в лицо. Геральт едва успел парировать удар, отскочил от падающей на него ткани. Закружился, избегая мелькающего в молниеносных ударах меча, снова отскочил. Она налетела на него, бросила юбку прямо в глаза, ударила вблизи с полуоборота. Он уклонился, увернувшись совсем рядом с ней. Она знала эти приемы. Развернулась одновременно с ним и, почти коснувшись его, так что он почувствовал ее дыхание, проехала ему лезвием по груди. Боль резанула его, но он не сбил темпа. Развернулся еще раз, в противоположную сторону, отразил клинок, летящий к его виску, сделал быстрый финт и выпад. Ренфри отскочила, наклонилась для удара снизу. Геральт, присев в выпаде, молниеносно рубанул ее снизу, самым концом меча, через открытое бедро и пах.

Она не крикнула. Упала на колено и на бок, отпустила меч, впилась обеими руками в рассеченное бедро. Кровь толчками запульсировала между пальцами, ручейком стекая на изукрашенный пояс, на лосиные сапоги, на грязную брусчатку. Толпа, втиснутая в улочки, зашевелилась и заорала.

Геральт спрятал меч.

– Не уходи, – простонала она, свертываясь в клубок.

Он не ответил.

– Мне... холодно...

Он не ответил. Ренфри снова застонала. Кровь юркими струйками заполняла ямки между камнями брусчатки.

– Геральт... обними меня.

Он не ответил.

Она отвернулась и замерла, прижавшись щекой к камням. Кинжал с очень острым лезвием, который она до того скрывала своим телом, выскользнул из ее мертвеющих пальцев.

Прошла минута, показавшаяся вечностью. Ведьмак поднял голову при звуке стучавшего по брусчатке посоха Стрегобора. Волшебник быстро приближался, обходя трупы стороной.

– Ну, бойня! – засопел он. – Видел, Геральт, все видел в кристалле...

Он подошел ближе, наклонился. В ниспадающей к земле черной одежде, опирающийся о посох, он казался старым, очень старым.

– Невероятно, – покачал он головой. – Сорокопутка мертвая. Совершенно.

Геральт не ответил.

– Ну, Геральт, – выпрямился волшебник, – иди за повозкой. Возьмем ее в башню. Надо сделать вскрытие.

Он глянул на ведьмака и, не дождавшись ответа, наклонился над телом.

Кто-то, незнакомый ведьмаку, сидящий внутри него, стиснул рукоять меча, быстро выхватил его из ножен. «Только коснись ее, колдун, – сказал тот, кого ведьмак не знал. – Только коснись ее, и твоя голова окажется на брусчатке».

– Ты что, Геральт, спятил? Да ты ранен, в шоке! Вскрытие – единственный способ узнать...

– Не прикасайся к ней!

Стрегобор, видя занесенный над ним меч, отскочил, взмахнул посохом.

– Хорошо! – крикнул он. – Как хочешь! Но ты так никогда и не узнаешь! Никогда не будешь уверен! Никогда, слышишь, ведьмак!

– Прочь!

– Как хочешь. – Маг повернулся, ударил посохом в брусчатку. – Я возвращаюсь в Ковир, ни на мгновение не задержусь в этой дыре. Пошли со мной. Не оставайся здесь. Эти люди ничего не знают, не понимают, они видели только, как ты убиваешь. А ты убиваешь отвратительно, Геральт. Ну, пошли?

Геральт не ответил, даже не взглянул на него. Убрал меч. Стрегобор пожал плечами и быстро отошел, ритмично постукивая палкой.

Из толпы полетел камень, ударился о брусчатку. За ним просвистел второй, у самого плеча Геральта. Ведьмак, выпрямившись, поднял обе руки, проделал ими быстрое движение. Толпа зашумела, камни посыпались гуще, но знак отбрасывал их в сторону – они пролетали мимо цели, оберегаемой невидимым, обтекаемым панцирем.

– Достаточно!!! – рявкнул Кальдемейн. – Кончайте, мать вашу...

Толпа загудела, как волна прибоя, но камни перестали летать. Ведьмак стоял неподвижно.

Войт подошел к нему.

– Это, – сказал он, широким жестом указывая на валяющиеся на площади неподвижные тела, – все? Так оно выглядит – Меньшее Зло, которое ты выбрал? Ты сделал уже все, что считал нужным?

– Да, – с трудом, не сразу ответил Геральт.

– Твоя рана серьезна?

– Нет.

– В таком случае уходи отсюда.

– Да, – сказал ведьмак. Он еще минуту постоял, избегая взгляда войта. Потом медленно, очень медленно повернулся.

– Геральт!

Ведьмак оглянулся.

– Не возвращайся сюда никогда, – сказал Кальдемейн. – Никогда.

Глас рассудка IV

– Поговорим, Иоля.

Мне необходим этот разговор. Говорят, молчание – золото. Возможно. Не знаю. Во всяком случае, своя цена у него есть.

Тебе легче, да, не отрицаю. Ведь ты добровольно избрала молчание, ты сделала из него жертву своей богине. Я не верю в Мелитэле, не верю в существование других богов, но ценю твой выбор, твою жертву, ценю и уважаю то, во что ты веришь. Ибо твоя вера и посвящение, цена молчания, которую ты платишь, сделают тебя лучше, достойнее. По крайней мере могут сделать. А мое неверие не может ничего. Оно бессильно.

Ты спрашиваешь: во что я в таком случае верю?

В меч.

Видишь, у меня их два. У каждого ведьмака по два меча. Недоброжелатели болтают, будто серебряный – против чудовищ, а стальной – против людей. Это, конечно, неправда. Есть чудовища, которых можно сразить только серебряным клинком, но встречаются и такие, для которых смертельно железо. Нет, Иоля, не любое железо, а только то, которое содержится в метеоритах. Что такое метеориты? Ты, я думаю, не раз видела падающую звезду. Падающая звезда – короткая светящаяся полоска на ночном небе. Видя ее, ты, наверно, загадывала какое-нибудь желание, может, для тебя это был очередной повод поверить в богов. Для меня метеорит всего лишь кусочек металла, который, падая, зарывается в землю. Металла, из которого можно выковать меч.

Можешь, ну конечно, можешь взять мой меч в руку. Видишь, какой он легкий? Даже ты его поднимешь без труда. Нет! Не прикасайся к острию, поранишься. Оно острее бритвы. Таким должно быть.

О да, я тренируюсь часто. Каждую свободную минуту. Мне нельзя терять навык. Сюда, в самый дальний уголок храмового парка, я тоже пришел, чтобы размяться, изгнать из мускулов мерзкое, вредное онемение, которое на меня нападает, текущий по моим жилам холод. А ты меня нашла. Забавно, несколько дней я пытался отыскать тебя. Хотел...

Мне нужен этот разговор, Иоля. Присядем, поговорим немного.

Ведь ты меня совсем не знаешь.

Меня зовут Геральт. Геральт из... Нет. Просто Геральт. Геральт из ниоткуда. Я ведьмак.

Мой дом – Каэр Морхен, Обиталище Ведьмаков. Я оттуда. Есть... Была такая крепость. От нее мало что осталось.

Каэр Морхен... Там «изготавливали» таких, как я. Теперь этого уже не делают, а в Каэр Морхене уже никто не живет. Никто, кроме Весемира. Кто такой Весемир? Мой отец. Чему ты удивляешься? Что в этом странного? У каждого есть какой-никакой отец. Мой – Весемир. Ну и что, что не настоящий. Настоящего я не знал, мать тоже. Не знаю даже, живы ли они. И в общем-то мне это безразлично.

Да, Каэр Морхен... Я прошел там обычную мутацию. Испытание Травами, а потом – как всегда. Гормоны, вытяжки, вирусы. И все заново. И еще раз. До результата. Считалось, что я перенес Трансмутацию удивительно хорошо, болел очень недолго. Ну и меня сочли достаточно иммунизированным – есть такое ученое слово – парнем и отобрали для следующих, более сложных... экспериментов. Эти были и того чище. Гораздо. Но, как видишь, я выжил. Единственный из всех, кого для этих экспериментов отобрали. С тех пор у меня белые волосы. Полное отсутствие пигмента. Как говорится – побочный эффект. Так, мелочишка. Почти не мешает.

Потом меня обучали всякому. Довольно долго. И наконец настал день, когда я покинул Каэр Морхен и вышел на большак. У меня уже был медальон. Вот этот. Знак Школы Волка.

Дали мне и два меча – серебряный и стальной. Кроме мечей, я нес убеждение, запал, мотивировки и... веру. Веру в то, что я нужен и полезен. Потому что мир, Иоля, якобы полон чудовищ и бестий, а в мою задачу входило защищать тех, кому эти чудовища угрожают. Уходя из Каэр Морхена, я мечтал встретиться со своим первым чудовищем, не мог дожидаться той минуты, когда столкнусь с ним лицом к лицу. И дождался.

У моего первого «чудовища», Иоля, была роскошная лысина и отвратительные зубы. Я встретился с ним на тракте, где он вместе с дружками-мародерами из какой-то армии остановил крестьянскую подводу и вытащил девочку лет, вероятно, тринадцати, а может, и меньше. Дружки держали отца девочки, а лысый срывал с нее платице и верещал, что ей-де самое время узнать, что есть настоящий мужчина. Я подъехал, слез с седла и сказал лысому, что для него тоже настал такой час. Мне это казалось ужасно смешным. Лысый отпустил девчонку и кинулся на меня с топором. Он был страшно медлительный, но крепенький. Я ударил его дважды, только тогда он упал. Удары были не очень точные, но очень, я бы сказал, эффектные, такие, что дружки лысого сбежали, видя, что может сделать из человека ведьмачий меч.

Тебе не скучно, Иоля?

Мне нужна эта беседа. Она мне очень нужна.

Так на чем я остановился? Да, на моем первом благородном деянии. Видишь ли, Иоля, в Каэр Морхене мне в голову вдолбили, что не следует впутываться в такие истории, надо обходить их стороной, не изображать из себя странствующего рыцаря и не подменять стражей порядка. Я вышел на тракт не геройствовать, а за деньги выполнять поручаемые мне работы. А я вменялся словно дурак, не отъехав и пятидесяти верст от подножия гор. Знаешь, почему я это сделал? Хотел, чтобы девочка, заливаясь слезами, целовала мне, своему избавителю, руки, а ее отец рассыпался бы в благодарностях, стоя на коленях. Вместо этого отец девчонки сбежал вместе с мародерами, а девочку, на которую пролилась большая часть крови лысого, вырвало, и с ней случился приступ истерии, а когда я к ней подошел, она с перепугу упала в обморок. С тех пор я почти никогда не встречал в подобные истории.

Я делал свое дело. Быстро набрался опыта. Подъезжал к оврагам деревень, останавливался у палисадников поселков и городищ. И ждал. Если народ плевался, ругался и кидал в меня камни, я уезжал. Если же кто-нибудь выходил и давал мне задание, я его выполнял.

Я посещал города и крепости, искал оповещения, прибитые к столбам на росстанях. Искал сообщения вроде: «Срочно требуется ведьмак. Оплата по соглашению». А потом, как правило, было какое-нибудь урочище, подземелье, некрополь или руины, лесной овраг либо пещера в горах, забитая костями и воняющая падалью. И что-нибудь такое, единственной целью которого было убивать. От голода, ради удовольствия, выполняя чью-то большую волю, по другим причинам, но – убивать. Мантихор, выворотень, мгляк, жагница, жряк, химера, леший, вампир, гуль, гравейр, оборотень, гигаскорпион, стрыга, упырь, яга, кикимора, глумец. И была пляска во тьме и взмахи меча. И был страх и ужас в глазах того, кто вручал мне потом плату.

Ошибки? А как же, были.

Но я всегда придерживался принципов. Нет, не кодекса. Иногда просто прикрывался кодексом. Людям это нравится. Тех, кто имеет кодексы и руководствуется ими, чтят и уважают.

Не существует никаких кодексов, Иоля. Еще не написан ни один кодекс для ведьмаков. Я свой себе придумал сам. Взял и придумал. И придерживался его. Всегда...

Ну, скажем, почти всегда.

Ведь бывало и так, что мне казалось, будто все ясно, никаких сомнений. Просто надо сказать себе: «А какое мне дело? Не все ли равно, я – ведьмак». И следовало прислушаться к гласу рассудка. Послушаться интуиции, если не опыта. Да хоть бы и обычного, самого что ни на есть обыкновеннейшего страха.

Надо было послушаться гласа рассудка, и тогда...

Я не послушался.

Я думал, выбираю Меньшее Зло. Ну и выбрал... Меньшее Зло. Меньшее Зло! Я, Геральт из Ривии. Которого еще называют Мясником из Блавикена. Нет, Иоля, не прикасайся к моей руке. Контакт может высвободить в тебе... Ты можешь увидеть...

Я не хочу, чтобы ты увидела. Не хочу знать. Мне известно мое Предназначение, которое крутит и вертит мною, как смерч. Мое Предназначение? Оно идет за мной следом, но я никогда не оглядываюсь.

Петля? Да, Нэннеке, кажется, чувствует это. Что меня тогда дернуло, в Цинтре? Разве можно было так глупо рисковать?

Нет, нет и еще раз нет. Я никогда не оглядываюсь. А в Цинтру не вернусь, буду обходить ее, как рассадник чумы. Никогда туда не вернусь.

Да, если мои расчеты верны, ребенок должен был родиться в мае, примерно в дни праздника Беллетэйн. Если я прав, то это было бы любопытное стечение обстоятельств. Потому что Йеннифэр тоже родилась в Беллетэйн...

Пошли, Иоля. Смеркается.

Благодарю тебя за то, что ты согласилась со мной поговорить.

Благодарю тебя, Иоля.

Нет, нет, со мной все в порядке. Я чувствую себя прекрасно.

Вполне.

Вопрос цены

1

К горлу ведьмака был приставлен нож.

Ведьмак лежал, погрузившись в мыльную воду и откинув голову на скользкий край деревянной бадьи. Во рту чувствовался горький привкус мыла. Нож, тупой как валенок, болезненно скреб ему кадык, с хрустом перемещаясь к подбородку.

Цирюльник с миной художника, осознающего рождение шедевра, скребанул еще раз, как бы делая последний мазок, затем вытер ему лицо куском льняного полотна, смоченного чем-то таким, что вполне могло сойти за настойку лекарственного дягиля.

Геральт встал, позволил прислужнику вылить на себя ушат воды, вылез из бадьи, оставляя на полу следы мокрых ног.

– Полотенце, милсдарь. – Прислужник с любопытством глянул на его медальон.

– Благодарю.

– Вот одежда, – сказал Гаксо. – Рубашка, штаны, подштанники, камзол. А вот обувка.

– Вы обо всем подумали, кастелян. А в своих ботинках нельзя?

– Нельзя. Пива?

– Охотно.

Он одевался медленно. Прикосновение чужой, шершавой, непривычной одежды к распаренному телу портило настроение, которое установилось, пока он отмокал в воде.

– Господин кастелян?

– Слушаю вас, милсдарь Геральт.

– Не знаете ли, к чему все это? Зачем я тут нужен?

– Не мое дело, – сказал Гаксо, зыркнув на прислужников. – Мне велено вас надеть...

– Вы хотели сказать – одеть?

– Ну да, одеть и препроводить на пиршество, к королеве. Оденьте, виноват, наденьте камзол, милсдарь Геральт, и спрячьте под ним ведьминский медальон.

– Ведьмачий, господин кастелян, ведьмачий. Тут лежал мой кинжал.

– Уже не лежит. Он в безопасном месте, как и оба меча и остальное ваше имущество.

Там, куда вы идете, ходят без оружия.

Ведьмак пожал плечами, одернул тесноватый пурпурного цвета камзол.

– А это что? – Он указал на вышивку, украшавшую грудь.

– О, конечно, – сказал Гаксо, – чуть не забыл. На время пиршества вы будете благородным хозяином Равиксом из Четыругла. Как почетный гость сядете одесную королевы. Таково ее желание. А на камзоле – ваш герб. На золотом поле черный медведь, на нем девица в голубом одеянии с распущенными волосами и воздетыми руками. Соболаговолите запомнить, у кого-нибудь из гостей может быть бзик на геральдике, такое частенько случается.

– Ясно. Запомню, – серьезно сказал Геральт. – А Четыругла – где это?

– Четыругол. Достаточно далеко. Вы готовы? Можно идти?

– Можно. Скажите-ка еще, государь Гаксо, по какому случаю пир?

– Принцессе Паветте исполняется пятнадцать, по обычаю заявили претенденты на ее руку. Королева Калантэ хочет выдать ее за кого-нибудь из Скеллиге. Нам необходим союз с островами.

– Почему именно с ними?

– На тех, с кем у них союз, они нападают реже, чем на других.

– Существенный повод.

– Но не единственный. В Цинтре, милсдарь Геральт, традиция не позволяет править женщине. Наш король, Рёгнер, недавно скончался от морового поветрия, а другого мужа королева иметь не желает. Наша государыня Калантэ – женщина мудрая и справедливая, но король есть король. Тот, кто женится на принцессе, займет трон. Хорошо, если б попался боевой парень. А таких надо искать на Островах. Они там народ жесткий. Ну, пошли.

На середине внутренней галереи, окружавшей небольшой пустой дворик, Геральт остановился и тихо проговорил:

– Скажите, господин кастелян. Мы сейчас одни. Для чего королеве понадобился ведьмак? Вы должны кое-что знать. Кто, если не вы?

– Для того, для чего и всем остальным, – буркнул Гаксо. – Цинтра ничем не отличается от других мест. У нас есть и оборотни, и василиски, да и мантихор найдется, если толком пошукать. А стало быть, и ведьмак может пригодиться.

– Ох, крутите. Я спрашиваю, зачем королеве понадобился ведьмак на пиру, к тому же переодетый в голубого медведя с распущенными волосами.

Гаксо тоже остановился и даже перегнулся через балюстраду галереи.

– Творится что-то неладное, милсдарь Геральт, – буркнул он. – В замке, значит. Что-то тут появляется время от времени.

– Что?

– А что может появляться? Страховидло какое-то. Говорят, маленькое, горбатое, все в шипах, словно еж. Ночами по замку бродит, цепями гремит. Охает и стонет в покоех.

– Вы сами-то видели?

– Нет. – Гаксо сплюнул. – И видеть не хочу.

– Плетете, господин кастелян, плетете, – поморщился ведьмак. – Одно с другим не вяжется. Мы идем на обручальный пир. И что я там должен делать? Присматривать, как бы из-под стола не вылез горбун и не заохал? Без оружия? Выраженный словно шут? Эх, государь Гаксо!

– А, думайте что хотите, – надулся Гаксо. – Велели ничего вам не говорить. Вы просили, вот я и сказал. А вы – мол, я треплюсь. Вежливость сверх меры!

– Простите, не хотел вас обидеть. Просто удивился...

– Перестаньте удивляться. – Гаксо, все еще обиженный, повернул голову. – Вы тут не для того, чтобы удивляться. И советую, милсдарь ведьмак, если королева прикажет вам раздеться догола, покрасить себе задницу голубой краской и повиснуть в сених головой вниз навроде канделябра, делайте это не удивляясь и немедленно. Иначе могут быть неприятности. Понятно?

– А как же. Идемте, государь Гаксо. Что бы там ни было, проголодался я после купания.

2

Не считая ни о чем не говорящего формального приветствия, когда она поименовала его «хозяином Четыругла», королева Калантэ не обменялась с ведьмаком ни словом. Пир еще не начинался, гости, громогласно объявляемые герольдом, продолжали съезжаться.

За огромным прямоугольным столом могли разместиться свыше сорока человек. Во главе стола на троне с высокой спинкой восседала Калантэ. По правую руку от нее уселся Геральт, по левую – Дрогодар, седовласый бард с лютней. Два верхних кресла слева от королевы пустовали.

Справа от Геральта вдоль длинной стороны стола уселись кастелян Гаксо и воевода с трудно запоминающимся именем. Дальше сидели гости из княжества Аттре – угрюмый и молчаливый рыцарь Раинфарн и его подопечный, пухлый двенадцатилетний князь Виндхальм, один из претендентов на руку принцессы. Дальше – красочные и разномастные рыцари из Цинтры и окрестные вассалы.

– Барон Эйлемберт из Тигга! – возгласил герольд.

– Кудкудак! – буркнула Калантэ, толкнув локтем Дрогодара. – Будет потеха.

Худой и усатый, богато вырядившийся рыцарь низко поклонился, но его живые веселые глаза и блуждающая на губах улыбка противоречили раболепной мине.

– Приветствую вас, государь Кудкудак, – церемонно произнесла королева. Прозвище барона явно срослось с ним крепче, нежели родовое имя. – Рада видеть.

– И я рад приглашению, – вздохнув, сообщил Кудкудак. – Что ж, погляжу на принцессу, ежели на то будет твоя воля, королева. Трудно жить в одиночестве, государыня.

– Ну-ну, государь Кудкудак, – слабо улыбнулась Калантэ, накручивая на палец локон. – Мы прекрасно знаем, что вы женаты.

– Охо-хо, – вздохнул барон. – Сама знаешь, государыня, какая слабая и нежная у меня жена, а теперь в наших краях как раз оспа ходит. Ставлю свой пояс против старых лаптей, что через год с ней будет все кончено.

– Бедненький Кудкудак, но и счастливiec одновременно. – Калантэ улыбнулась еще милее. – Жена у тебя действительно слабовата. Я слышала, когда на прошлогодней жатве она застучала тебя в стог с девкой, то гнала вилами чуть ли не версту, да так и не догнала. Надо ее лучше кормить и посматривать, чтобы по ночам спина не мерзла. И через год, вот увидишь, поправится.

Кудкудак посмурнел, но не очень убедительно.

– Намек понял. Но на пиру остаться могу?

– Буду рада, барон.

– Посольство из Скеллиге! – крикнул уже порядком охрипший герольд.

Островитяне вошли молодцеватыми гулками шагами, вчетвером, в блестящих кожаных куртках, отороченных мехом котика, перепоясанные клетчатыми шерстяными шарфами. Первым шел жилистый воин, смуглый, с орлиным носом, рядом – плечистый юноша с рыжей шевелюрой. Все четверо склонились перед королевой.

– Почитаю за честь, – сказала Калантэ, слегка покраснев, – вновь приветствовать в своем замке знатного рыцаря Эйста Турсеаха из Скеллиге. Если б не хорошо известный факт, что тебе претит мысль о семейных узах, я бы с радостью приняла весть, что ты, возможно, прибыл просить руки моей Паветты. Неужто одиночество стало тебе докучать?

– Довольно часто, прекрасная Калантэ, – ответил смуглолицый островитянин, поднимая на королеву горящие глаза. – Однако я веду слишком опасную жизнь, чтобы думать о постоянной связи. Если б не это... Паветта еще юный, нераспустившийся бутон, но...

– Что «но», рыцарь?

– Яблочко от яблоньки недалеко падает, – улыбнулся Эйст Турсеах, сверкнув белизной зубов. – Достаточно взглянуть на тебя, королева, чтобы увидеть, какой красавицей станет принцесса, когда достигнет того возраста, в котором женщина может дать счастье воину. Сейчас же бороться за ее руку должны юноши. Такие, как племянник нашего короля Брана, Крах ан Крайт, прибывший к тебе именно с этой целью.

Крах, наклонив рыжую голову, опустилcя перед королевой на одно колено.

– А кого ты еще привел, Эйст?

Кряжистый мужчина с бородой метлой и верзила с волынкой за спиной опустились на колено рядом с Крахом ан Крайтом.

– Это доблестный друид Мышовур, как и я, – друг и советник короля Брана. А это Драйг Бон-Дху, наш знаменитый скальд. Тридцать же моряков из Скеллиге ждут во дворе, надеясь, что прекрасная Калантэ из Цинтры покажется им хотя бы в окне.

– Рассаживайтесь, благородные гости. Ты, милсдарь Турсеах, здесь.

Эйст занял свободное место на узкой стороне стола, отделенный от королевы только пустым стулом и местом Дрогодара. Остальные островитяне уселись слева, между маршалом

двора Виссегердом и тройкой сыновей хозяина из Стрепта, которых звали Слиздяк, Дроздяк и Держигорка.

– Ну, более-менее все, – наклонилась королева к маршалу. – Начинаем, Виссегерд.

Маршал хлопнул в ладоши. Слуги с блюдами и кувшинами в руках строем двинулись к столу, приветствуемые радостным гулом.

Калантэ почти ничего не ела, лишь равнодушно ковыряла блюда серебряной вилкой. Дрогодар, что-то быстро заглотав, бренчал на лютне. Зато остальные гости активно опустошали блюда с запеченными поросятами, птицей, рыбой и моллюсками, при этом опережал всех рыжий Крах ан Крайт. Раинфарн из Аттре строго следил за юным князем Виндхальмом, один раз даже дал ему по рукам за попытку ухватить кувшин с яблочной наливкой. Кудкудак, на секунду оторвавшись от бараньей ноги, порадовал соседей свистом болотной черепахи. Становилось все веселее. Звучали тосты, все менее складные.

Калантэ поправила тонкий золотой обруч на пепельно-серых, закрученных локонами волосах, слегка повернулась к Геральту, пытавшемуся разгрызть панцирь большого красного омара.

– Ну, ведьмак, – сказала она, – за столом уже достаточно шумно, чтобы незаметно обменяться несколькими словами. Начнем с любезностей. Я рада познакомиться с тобой.

– Взаимно рад, королева.

– А теперь так: у меня к тебе дело.

– Догадываюсь. Редко кто меня приглашает на пирушки из чистой симпатии.

– Надо думать, ты не очень-то интересный собеседник за столом. Ну а еще о чем-нибудь ты догадываешься?

– Да.

– О чем же?

– Скажу, когда узнаю, какое у тебя ко мне дело, королева.

– Геральт, – сказала Калантэ, коснувшись пальцами ожерелья, в котором самый маленький изумрудик был размером со скарабея, – как по-твоему, какое задание можно придумать для ведьмака? А? Выкопать колодец? Залатать дыру в крыше? Выткать гобелен, изображающий все позы, какие король Вриданк и прекрасная Кери испробовали во время первой ночи? Думаю, ты и сам прекрасно знаешь, в чем состоит твоя профессия.

– Знаю. И теперь могу сказать, о чем я догадался.

– Интересно.

– О том, что, как и многие иные, ты путаешь мою профессию с совершенно другой.

– Ах... – Калантэ с задумчивым и отсутствующим видом, слегка наклонившись к бренчащему на лютне Дрогодару, проговорила: – И кто же они такие, Геральт, те многие, которые оказались равными мне по невежеству? И с какой такой профессией эти глупцы путают твою?

– Королева, – спокойно сказал Геральт, – по пути в Цинтру мне встречались кметы, купцы, старьевщики-краснолюды, котельщики и лесорубы. Они говорили о бабе-яге, у которой где-то в здешних местах есть логово, этакий домик на когтистых курьих ножках. Упоминали о химере, гнездящейся в горах. О жагницах-коромыслах и сколопендроморфах. Вроде бы встречается и мантихор, если как следует пошукать. Так что работы для ведьмака хватает, и при этом ему даже нет нужды наряжаться в чужие перья и гербы.

– Ты не ответил на вопрос.

– Королева, не сомневаюсь, что союз со Скеллиге, заключенный путем замужества твоей дочери, Цинтре необходим. Возможно, интриганов, которые хотят этому помешать, следовало бы проучить, да так, чтобы властитель не был в это замешан. Разумеется, лучше, если б это сделал никому здесь не известный хозяин из Четыругла, который тут же исчезнет со сцены. А теперь я отвечу на твой вопрос. Ты путаешь мою специальность с профессией наемного убийцы. А многие иные – это те, в руках у которых власть. Меня уже не раз призывали во

дворцы, в которых проблемы хозяина требуют быстрых ударов меча. Но я никогда не убивал людей ради денег, независимо от того, требовали ли этого добрые или скверные обстоятельства. И никогда этого делать не стану.

Атмосфера за столом оживлялась пропорционально количеству убывающего пива. Рыжий Крах ан Крайт нашел благодарных слушателей, которые внимали его рассказу о битве под Твитом. Начертав на столе карту при помощи кости с мясом, смоченной в соусе, он наносил на нее тактическую ситуацию, при этом громко вереща. Кудкудак, доказывая справедливость данного ему прозвища, неожиданно закудахтал, словно самая настоящая квочка, вызвав всеобщее веселье пирующих и отчаяние слуг, решивших, что, насмехаясь над бдительностью охранников, в залу со двора проникла птица.

– М-да, судьба наказала меня чересчур уж догадливым ведьмаком, – улыбнулась Калантэ, но глаза ее были прищурены и злы. – Ведьмак, который без тени уважения или хотя бы элементарной почтительности раскрывает мои интриги и ужасные преступные планы. Послушай, а случайно, не притупило ли твоего рассудка восхищение моей красотой и привлекательностью? Никогда больше так не поступай, Геральт. Не говори так с теми, у кого в руках власть. Никто не простит тебе этого, а ты знаешь королей, знаешь, что средств у них достаточно. Кинжал. Яд. Подземелье. Раскаленные клещи. Есть сотни, тысячи способов, к которым обращаются короли, привыкшие мстить за оскорбленную гордость. Ты не поверишь, Геральт, как легко задеть гордость некоторых владык. Редко кто из них спокойно выслушает такие слова, как «Нет», «Не буду», «Никогда». Мало того, достаточно их перебить либо вставить неподходящее словечко, и все – колесование обеспечено.

Калантэ сложила белые узкие ладони и слегка коснулась их губами, сделав эффектную паузу. Геральт не перебивал и не вставлял неподходящих словечек.

– Короли, – продолжала Калантэ, – подразделяют людей на две категории. Одним приказывают, других покупают. Ибо короли придерживаются старой и банальной истины: купить можно любого. Любого. Вопрос только в цене. С этим ты согласен? Ах, напрасно я спрашиваю, ты же ведьмак, выполняешь свою работу и берешь плату. В отношении тебя слово «купить» теряет свое презрительное звучание. И вопрос цены в твоём случае – дело очевидное, связанное со степенью сложности задачи, качеством исполнения, мастерством. И с твоей славой, Геральт. Нищие на ярмарках распевают о деяниях белоголового ведьмака из Ривии. Если хотя бы половина того, о чем они поют, правда, то могу поспорить, что цена твоих услуг немалая. Привлекать тебя к таким простым и банальным делишкам, как дворцовые интриги и грабежи, было бы пустой тратой денег. Это могут сделать другие, более дешевые руки.

– БРААК! ГРАААХ! БРАААК! – вдруг возопил Кудкудак, сорвав громкие аплодисменты за имитацию крика очередного животного. Геральт не знал какого, но не хотел бы встретиться с чем-либо подобным. Он отвернулся, заметив спокойный ядовито-зеленый взгляд королевы. Дрогодар, опустив голову и спрятав лицо за седыми волосами, опадающими на руки, тихо побрякивал на лютне.

– Ах, Геральт, – сказала Калантэ, жестом запрещая прислужнику доливать кубок. – Я все говорю, а ты все молчишь. Мы на пиру, нам хочется как следует повеселиться. Развесели меня. Мне начинает доставать твоих ценных замечаний и проницательных комментариев. Не помешали бы парочка комплиментов, заверения в уважении и верности, например. Очередность – на твое усмотрение.

– Ну что ж, королева, – произнес ведьмак, – не спорю, я, несомненно, малоинтересный собеседник за столом. Надивиться не могу, что именно мне ты оказала честь, поместив рядом с собой. Ведь здесь можно было посадить гораздо более соответствующего твоим желаниям человека. Достаточно кому-либо приказать или кого-либо купить. Всего лишь вопрос цены.

– Говори, говори. – Калантэ откинула голову, прикрыла глаза и сложила губы, изобразив некое подобие милой улыбки.

– Я невероятно горд тем, что именно мне выпала честь сидеть рядом с королевой Калантэ из Цинтры, красоту которой превышает только ее мудрость. Не меньшей честью я почитаю и то, что королева соизволила слышать обо мне, а также и то, что на основании услышанного пожелала использовать меня для банальных делишек. Прошлой зимой князь Погробарк, не будучи столь тонок умом, пытался нанять меня для поисков красоты, которая, пресытившись его ухаживаниями, сбежала с бала, потеряв туфельку. Я с большим трудом убедил его, что для этого нужен ловкий охотник, а не ведьмак.

Королева слушала с загадочной улыбкой на устах.

– Да и другие владыки, не столь мудрые, как ты, государыня Калантэ, бывало, предлагали мне элементарные, по сути, задания. В основном их интересовали банальные убийства пасынка, отчима, мачехи, дядюшки, тетушки, трудно перечислить. Им казалось, будто все упирается лишь в цену.

Улыбка королевы могла означать все что угодно.

– Поэтому повторяю. – Геральт слегка наклонил голову. – Я вне себя от гордости, имея возможность сидеть рядом с тобой, королева. Гордость же для нас, ведьмаков, значит очень много. Ты не поверишь, королева, как много. Некий владыка однажды уязвил гордость ведьмака, предложив тому работу, не согласующуюся с честью и ведьмачьим кодексом. Более того, он не принял к сведению вежливого отказа, хотел удержать ведьмака в своих владениях. Все, кто бы ни комментировал этот случай, в один голос утверждали, что идея того владыки была не из лучших.

– Геральт, – сказала Калантэ, немного помолчав, – я ошиблась. Ты оказался очень интересным собеседником за столом.

Кудкудак, отряхнув усы и кафтан от пивной пены, задрал голову и пронзительно взвыл, весьма удачно подражая вою волчицы во время течки. Собаки во дворе и по всей округе поддержали его воем.

Один из стрептских братьев, кажется, Держигорка, обмакнув палец в пиво, провел толстую черту около воинского подразделения, нарисованного Крахом ан Крайтом, и воскликнул:

– Ошибочно и бездарно! Нельзя было так действовать. На этом фланге надо было поставить конницу и вдарить сбоку!

– Ха! – рывкнул Крах ан Крайт, хватив костью по столу, в результате чего лица и туники соседей покрылись пятнами соуса. – И ослабить середину? Ключевую позицию? Нелепица!

– Только слепец или чокнутый не маневрирует при такой ситуации!

– Точно! Верно! – крикнул Виндхальм из Аттре.

– А тебя кто спрашивает, говнюк?

– От говнюка слышу!

– Заткнись, не то огрею костью!

– Сиди на своей жопе, Крах, и помалкивай! – крикнул Эйст Турсеах, прерывая беседу с Виссегердом. – Довольно лаяться! Эй, господин Дрогодар! Талант пропадает! Чтобы слушать ваше прекрасное, но слишком тихое пение, необходима сосредоточенность и серьезность. Драйг Бон-Дху, кончай жрать и лакать! За этим столом ты никого не удивишь ни тем, ни другим. Подуй-ка в свои дудки и порадай наши уши приличной боевой музыкой. С твоего позволения, благородная Калантэ!

– О мать моя, – шепнула королева Геральту, в немом отчаянии возводя глаза к потолку. Но кивнула, улыбнувшись естественно и доброжелательно.

– Драйг Бон-Дху, – проговорил Эйст, – сыграй нам песню о битве под Хочебужем! Она-то не подорвет нашего доверия к тактическим действиям полководцев! И еще раз поведаст о том, кто покрыл себя неуязвимой славой в том бою! Здравие героической Калантэ из Цинтры!

– Здравие! Хвала! Слава! – рычали гости, наполняя кубки и глиняные кружки.

Дудки Драйговой волынки издали зловещий гул, потом заныли ужасающим, протяжным, вибрирующим стоном. Пирующие запели, отбивая такт, то есть барабания чем попало по столу. Кудкудак алчно уставился на мешок из козлиной кожи, несомненно, зачарованный мыслью о том, как бы включить вырывающиеся из его чрева жуткие звуки в свой репертуар.

– Хочебуж, – сказала Калантэ, глядя на Геральта, – мой первый бой. Хотя я и опасаюсь вызвать нарекания почтенного ведьмака, признаюсь, что тогда дрались из-за денег. Враг палил деревни, которые платили нам дань, а мы, ненасытные и жадные, вместо того чтобы допустить это, кинулись в бой. Банальный повод, банальная битва, банальные три тысячи трупов, расклеванных воронами. И заметь, вместо того чтобы устыдиться, я сижу тут, гордясь, что обо мне слагают песни. Даже если их маломелодичное пение сопровождается столь кошмарной, варварской музыкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.